

50
БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

П. Позинцев и А. Труфанберг

735
K59
3127
**ТРИЛОГИЯ
О
МАКСИМЕ**

киносценарий

ГОСКИНОИЗДАТ
МОСКВА - 1942

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

Г. КОЗИНЦЕВ, Л. ТРАУБЕРГ

Т Р И Л О Г И Я О МАКСИМЕ

КИНОСЦЕНАРИИ:

ЮНОСТЬ МАКСИМА
ВОЗВРАЩЕНИЕ МАКСИМА
ВЫБОРГСКАЯ СТОРОНА

ГОСКИНОИЗДАТ
Москва — 1943

С о д е р ж а н и е

Юность Максима	3
Возвращение Максима	75
Выборгская сторона	190

Редактор **В. Лучинов**

Л12429. Подп. к печ. 20/1 1943 г. Печ. л. 91³/₁₆.
Уч.-изд. л. 12¹/₂. Зн. в 1 п. л. 51 000. Изд. № 97, 98, 99.
Тир. 3000. Зак. № 3062.

Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.

ЮНОСТЬ МАКСИМА

Пролог

Пробило двенадцать часов. Ветер и снег пронеслись по улицам. Качаясь от ветра, держа за фонарь, восклицает подвыпивший прохожий:

— Милостивые государи и милостивые государыни!.. Разрешите поздравить вас с наступающим новым, 1910 годом!

Ветер и снег. Пронесются отзвуки несвязных тостов, криков «ура!», смеха, звона бокалов, боя часов. Промчались по улицам навстречу друг другу лихачи; лошади, покрытые сетками, ржут, летит снег из-под копыт, кричат седоки:

— С новым годом!.. С новым счастьем!..

Ветер, взметая снег, сливает голоса и звуки в неясный и пьяный гул, уносящийся в даль улиц и вновь вырывающийся из светящихся окон петербургских домов.

В воротах домов сидят важные, ожидающие чаевых, дворники.

Похожий на рождественского деда, сидит в воротах дворник в огромной шубе; водрузив на нос очки, вслух читает в «Петербургской газете» новогодние пожелания «знаменитых» особ:

«Чего желает известный депутат Пуришкевич? Пуришкевич желает, чтобы в наступающем году Россия избавилась от жидовского племени. О чем мечтает звезда оперетты В. В. Кавецкая? В. В. мечтает о том, чтобы уродливый танец «Ойра» сменился более изящным. Что пророчит автор оккультных романов Крыжановская-Рочестер? Год пройдет под астральным знаком Козерга, что сулит миру порядок и земную нирвану...»

Ветер и снег. Прносятся отзвуки звона бокалов, музыки, смеха, обрывки громовых то-стов:

— С новым годом! С новым счастьем!

Тишина.

Пустынная, едва освещенная петербургская окраина. Подстегиваемый ветром, человек в мягкой круглой шляпе, в плохом пальто идет по безлюдной улице. Снег хрустит под ногами прохожего. В руках у него пакетики: коробка конфет, бутылка вина.

Прохожий дошел до невысокого дома. Тускло горит над воротами фонарь. Сидит на скамейке дворник с газетой.

Дворник откладывает газету, встает, снимает шапку и почтительно говорит:

— С новым годом, господин! В какую квартиру изволите?

— В пятнадцатую.

Гремит железная калитка, открываемая дворником. Дворник внезапно с живым интересом обращается к прохожему:

— Разрешите беспокоить. Правду ли пи-

шут в газетах, будто французы с немцами воевать хотят?

Пришелец с сожалением вздыхает и отвечает:

— Ни черта, дорогой, не смыслю я в политике. Уж извините.

Переступил калитку, кивнул ласково дворнику, пошел во двор.

Плохо освещенная площадка первого этажа. Прохожий медленно поднялся по невысокой лестнице. Подходит к двери; на ней — седьмой номер. Позвонил.

В маленькой передней небогатой квартирке трое людей напряженно прислушиваются: у дверей в комнату — женщина с впалыми щеками, рядом с нею — девушка в шапочке и шубке, у входных дверей — мужчина с лампой. Он тревожно спрашивает:

— Кто?

Человек в шляпе, стоящий на площадке, деловито спрашивает через дверь:

— Это у вас продаются диван держаный, старый персидский ковер и щенки от шотландской овчарки?

Загромыхал засов, открылась дверь. Человек в шляпе входит в переднюю.

Радостно машет рукой в знак приветия, весело кричит:

— Кончай работу! Новый год!

Маленькая комната. Через тонкий потолок врываются топот, вопли новогодних гуляк и завывание гармошек. Под шум, визг, грохот в самодельной люльке мирно спит ребенок; на лице его безмятежная улыбка.

Человек в шляпе и девушка в шубке проходят на цыпочках через комнату, подходят к стене. Девушка троекратно стучит. Открылась маленькая дверь в стене, вышел молодой улыбающийся рабочий, протянул прищельцу листок бумаги — прокламацию. Говорит с гордостью:

— Свеженькая!

Человек в шляпе берет листок, любовно глядит на него, потом, как бы проверяя текст, под топот ног наверху, под крики и музыку, читает вполголоса:

— «Российская социал-демократическая рабочая партия.

Товарищи рабочие! Еще один год локаутов, виселиц, полицейской расправы — позади. Враг торжествует...»

Хозяева квартиры устанавливают на столе скромную закуску, откупоривают принесенную бутылку вина. Гремит гармонь наверху.

Человек в шляпе читает.

— «...Но год идет за годом, и — мы живем, товарищи! Мы идем в новый год маленьким, но сплоченным отрядом по нелегкой дороге. И пусть ликует черная сотня в Думе и вне Думы...»

Молча слушает девушка в шубке, на ее усталом лице волнение и радость.

— «...пусть бешенствует реакция! Ни одного шага не сделает вражеский класс, не прибавляя новые, свежие силы в нашу партию...».

Голос человека в шляпе зазвучал громче, и на мгновение не стали слышны гармонь, крики, топот:

— «...Встретим же наступающий год с бод-

ростью. Он несет нам великие перемены. С новым годом, товарищи!»

Человек в шляпе медленно сложил листовку, кивнул головой в знак одобрения, потом повернулся, увидел накрытый стол, улыбнулся, спрятал в карман листовку, подошел к столу, поднял бокал и с глубоким чувством повторил:

— С новым годом, товарищи! Выпьем и мы!

Пятеро человек в подпольной большевистской типографии держат стаканы с вином, пятеро измученных, но улыбающихся людей. Грохочут десятки ног над ними, гроыхает гармонь, трясется потолок. Пришелец задумчиво говорит:

— Только за что?

Подняв бокал, посмотрел любовно на товарищей и громко сказал:

— Ясно, за что — за нашу победу!

Улыбка светлеет на лице спящего ребенка, его не тревожит тусклый звон стаканов. Пять человек чокнулись, выпили кислое дешевое вино.

Потом поставили бокалы на стол, заторопились. Человек в шляпе и девушка в шубке взяли пачки листовок, прячут их по карманам и идут.

Вновь яростно гремит над ними «Ойра», слышатся пьяные крики. В маленькой передней прощаются. Человек в пальто весело говорит:

— До свиданья!

Остающиеся — мужчина, женщина, юноша — в один голос бодро отвечают:

— До свиданья!

Женщина добавляет:

— До завтра, товарищ Поливанов!

Ворота. Из них вышли человек в шляпе — Поливанов и девушка. Им весело. Поливанов нагнулся, будто поправляя спадающую калошу, быстро слепил снежок, запустил им в девушку и, смеясь, догнал ее.

Они идут по улице, хохоча, грозя друг другу, и вдруг, уже шагах в тридцати от ворот, остановились, прислушались. Сейчас же метнулись в другие, темные ворота, спрятались и глядят напряженно в сторону дома, откуда вышли.

Издали — громыхание, потом ближе и ближе — стук копыт, скрип полозьев. Из полутьмы улицы вынырнули лошади, верховые, сани; остановились перед домом, перед воротами — теми самыми воротами.

С лошадей соскочили верховые — на них жандармская форма; зазвенели сабли, шпоры. Придерживая сабли рукой, жандармы прошли беглым шагом в ворота.

Девушка в шубке рванулась — на помощь, на выручку, на борьбу. Человек в шляпе — Поливанов сейчас же схватил ее за руку, говорит быстро, шопотом:

— Куда?

Отчаяние на лице девушки. Поливанов шепчет ей торопливо на ухо:

— Сейчас же сообщи Антону... Иди переулком... На проспекте скройся в толпе... Гляди веселее, Наташа, — новый год!

И Наташа, вложив руки в муфточку, послушно идет прочь, в снег и ветер.

Поливанов минуту следит за ней, потом, подняв плечи, молча идет в ворота. Идет через двор, длинный и темный проходной двор, идет торопливо, изредка оборачиваясь — не следят ли.

Вышел на шумную улицу, идет мимо дворников, мимо мчащихся лихачей, сквозь толпу прохожих.

И потом, уже где-то в другой части города, входит снова в пустынный двор, оглянувшись, идет в подъезд. Медленно поднимается по крутой замызганной лестнице, подошел к двери.

Вынул ключ из кармана, вставил его в замок, открыл дверь.

В дверях стоит околоточный надзиратель, за ним — толпа городских. Околоточный, вежливо улыбаясь, говорит:

— Вас-то мы и ждали, господин...

Поливанов со страшной, неожиданной в нем силой толкнул полицейского, хлопнул дверью, повернул ключ и молнией, не разбирая ступеней, под грохот и стук, под яростные крики, слетел вниз по лестнице.

Выбежал на улицу, мчится, обгоняя ветер и снег. Затрещали сзади свистки, загремели пронзительные крики:

— Стой!

По безлюдной улице бежит преследуемый. Из каких-то ворот появился дворник; путаясь в шубе, растопырив руки пытается задержать бегущего и летит в снег от ловкой подножки.

Свистки, крики «стой». Поливанов свернул за угол на широкую освещенную улицу, очутился подле парадного подъезда, остановился

на мгновение, чтобы вздохнуть, взглянул на дом. И тотчас же, словно узнав его, вбежал в подъезд, закрыл за собой дверь, притаился.

Минутой позже мимо парадного подъезда по улице с криком и свистом пролетела толпа городских и дворников, потом — тишина.

Поливанов идет к лестнице, поднимается по ней. Услышав шум открывающейся двери с улицы, быстро отошел в тень. Высокий человек в шубе, в пенсне торопливо зашагал по ступенькам и вдруг остановился в испуге.

Поливанов вышел на свет, говорит негромко:

— Здравствуй, Павел!

Высокий человек сдвинул брови, потом, стараясь быть приветливым, говорит:

— Какими судьбами?..

— За мной гонятся, — угрюмо говорит Поливанов

Улыбка сбегает с лица высокого человека; он явно раздосадован. Пожимая плечами, он со вздохом, поучительно говорит:

— Когда десять лет назад мы читали с тобой Маркса, мы...

— Так как же? — грубо перебивает Поливанов.

Высокий человек оскорбленно замолчал, секунду колеблется, потом нервно говорит:

— Идем!

Нарядная горничная открыла дверь. Передняя, заполненная дорогими шубами, шляпами, калошами. Из соседнего зала доносится звон бокалов, смех, громкий крик:

— С новым годом, с новым счастьем, за русскую интеллигенцию!

Высокий человек торопливо снимает шубу. Поливанов молча оглядывается; тающий снег стекает с его пальто на паркет.

Из комнат с бокалом в руке идет навстречу новым гостям радостный хозяин. Фрак, усыпанный конфетти, блестит манишка, на рукавах — обрывки серпантина.

Он, раздвинув руки как бы для объятия, хочет приветствовать пришельцев, как вдруг взор его падает на Поливанова. Прищурившись, словно не веря себе, он глядит, и высокий человек, растерянно улыбаясь, спрашивает:

— Вы его не узнаете?

Хозяин бледнеет, радость и хмель слетают с его лица, он неуверенно бормочет:

— Ты?

Поливанов стоит молча, в пальто, в шляпе, явно не гармонируя с шубами и мехами, с криками и звоном бокалов.

— Ты? — повторяет, заинаясь, хозяин. — Ты еще жив? Ты на свободе?

Из соседней комнаты — особенно громкий смех, чей-то крик:

— Слово предоставляется господину профессору...

Стук вилок, ножей, чье-то шамканье, и под этот шум хозяин квартиры, скорбно сжимая руки, как бы под бременем нахлынувших воспоминаний, говорит:

— Увы! Революция погибла... Мрак, разгром, смерть...

Поливанов смотрит на него и сухо говорит:

— Однако ты.. живешь?

Из комнат вновь врывается шум, крики, рукоплескания.

— Я?!

Хозяин удивлен, оскорблен, вздыхает:

— Разве это я? Живет моя оболочка, а душа моя... сидит в Петропавловской крепости...

В соседних комнатах раздались звуки фортепьяно, кто-то кричит:

— Ангаже во дам!

Высокий человек, чувствуя себя неудобно, шутовски вмешивается:

— Так вот, чтобы его душа вкупе с оболочкой не попала в крепость, приютите его до утра...

Звонит бойкий вальс, мелькают за дверью пары. Хозяин квартиры в ужасе отшатывается:

— Что вы, что вы? У меня — банкет... Но если тебе надо денег... пожалуйста-

Поливанов молча поднимает воротник пальто и идет к двери. Высокий человек догоняет его, растерянно бормочет:

— Ты идешь?

— А ты?

Высокий человек морщится, хочет что-то сказать. Но Поливанов бесцеремонно обрывает его:

— Ради бога, без речей!.. Они пригодятся тебе... там!..

Показал на комнаты, откуда — вальс, шум, тосты.

— Прощай!

Он идет к входным дверям, открыл их. На секунду остановился, повернулся к высокому человеку, сказал жестко и с силой:

— Десять лет назад мы не читали с тобой Маркса.

Хлопнула дверь. Высокий человек в замешательстве оправляет сюртук. Хозяин бросился к двери и лихорадочно запирает ее двойным поворотом ключа.

Площадка. Поливанов застегнул пальто, хочет идти вниз и вдруг застывает. Выше этажом унылый субъект в потертом пальто, в барашковой шапке глядит через перила, потом двинулся вниз.

Поливанов быстро переводит глаза вниз. Там, у начала лестницы стоит другой унылый субъект в бекеше; этот глядит вверх.

Оба с торжествующим видом идут к Поливанову.

Но в это время открылась какая-то дверь на верхней площадке. Шумная толпа пьяных вдрызг гуляк в масках в карнавальных костюмах, с криком, с визгом, со звоном бубна ринулась сплошным потоком вниз по лестнице. Толпа смяла обоих субъектов, подхватила Поливанова, выбежала на улицу.

Вновь ночь, улица, снег, звон, доносящийся из светящихся окон домов. Грозные окрики лихачей:

— Поберегись!!

По улице, втянув голову в воротник пальто, быстро идет Поливанов. Снег бьет ему в лицо, ветер рвет полы пальто; он на секунду останавливается у каких-то ворот, вытирает мокрое лицо.

Дворник, сидящий в воротах, почтительно приподнимает шапку и говорит:

— С новым годом, господин! Какая ночь хорошая!

Поливанов спокойно взглянул на него, помолчал, потом отвечает:

— Хорошая ночь!

Кивнув головой, он идет дальше — в ночь, в снег, в темноту.

Часть первая

Жили в Санкт-Петербурге за Нарвской заставой три товарища...

Ранним утром начинают гудеть заводы—один за другим, разными голосами. Голоса эти постепенно сливаются в общий призывный гул, проникающий во все дома и домишки рабочей окраины.

Улицы, затопленные грязью, с деревянными мостками вместо тротуаров, переулки, на углу которых — один близ другого — трактиры с захватскими названиями, внезапные пустыри, поросшие травой. — и над всем этим гудят, пробуждая, требуя, заводские гудки.

Двор одного из окраинных домов. Деревянные флигели, булыжник, огромные сорные ямы на фоне далеких гигантских ферм, кранов и труб.

Петух, роющийся в мусоре, прокричал «ку-кареку». ему тотчас ответил петух с другого двора. Все сильнее гудят гудки, и во двор выходит из какого-то флигели юноша-рабочий, рослый, красивый, в рубашке с расстегнутым воротом.

Юноша потянулся, обвел взором двор, потом приложил руки рушором ко рту и закричал звонко, громко, громче гудков:

— Максим! Дема!

Эхо разнеслось по двору, хлопнула дверь другого флигеля, и во двор вышел парень, плотный чудаковатый. Остановился у протянутой через двор веревки, на которой сушится жалкий рабочий скарб: белье, одеяла, тряпки. Сладко-пресладко зевнул, улыбнулся широкой улыбкой и сказал задушевно, мечтательно:

— Приснился мне чудный сон, будто нам к празднику неразменный рупь выдали. Хочешь пей, хочешь ешь, а рупь при тебе остается.

Покачал головой, засмеялся и пошел к высокому юноше. Хлопнул его по плечу, подмигнул:

— А еще ты мне приснился, Андрей. Будто пошли мы с тобой на Литейный проспект невест выбирать. И попали в участок.

С преувеличенным испугом говорит на ухо приятелю:

— Пристав у меня рупь отнял и велел нас похоронить. Лежим мы с тобой в могиле и поем «Боже, царя храни»!..

Не выдержал, залился оглушительным хохотом. Андрей вторит ему. Вдруг оба спохватились — гудят гудки — и уже вдвоем, в один голос, заорали:

— Макси-и-им!

Деревянный сарайчик отделяет один двор от другого; за этим сарайчиком послышалось звонкое «кукареку!». Одним прыжком на крышу сарайчика взобрался паренек небольшого

роста, с круглым хитрым лицом, в задорной кепочке, лихо сдвинутой на затылок.

Стоя на крыше, на фоне далеких крыш и высящихся рядом мусорных куч, паренек вдруг запел веселую незамысловатую песенку:

Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть..

Все еще воют гудки. Вдали на дорогах, на улицах видны толпы рабочих, идущих на фабрики и заводы, а Максим весело поет:

...Где эта улица, где этот дом?
Где эта барышня, что я влюблен?
Вот эта улица, вот этот дом,
Ах, вот эта барышня, что я влюблен!

Протянув руки, смеясь, подмигивая, он спрыгивает с крыши сарайчика, бежит к приятелям. Они радостно хлопают друг друга и, взявшись за руки, уже трое горланят:

Крутится, вертится шар голубой..

Они идут вдоль пробуждающегося двора, поют во весь голос, пугая озабоченных хозяек, задевая притворно сердящихся девушек; идут в переулочек, на дорогу, ведущую к заводу. Толпы людей, мрачных, невыспавшихся, согнутых трудом и нуждой, шагают по этой дороге, и только три наших парня, прибавив шагу, все так же шествуют в обнимку и поют:

...Где эта улица, где этот дом?
Где эта барышня, что я влюблен?.

Разом надвинулись высокие стены завода,

раздался шум моторов, все заглушил заводской гудок.

Заводской двор: странное сочетание индустриальных законченных зданий с почти деревенскими — канавой с водой, пригорками, деревьями, травой, проросшей между камнями, и грудями железного лома.

По двору, опустив голову, слегка волоча за собой ногу, идет толстый человек в безвкусном добротном костюме, с огромной цепочкой от часов вдоль жилета. Встречающиеся на пути рабочие торопливо снимают шапки и картузы — спешат приветствовать все сильного мастера.

Мастер идет, не поднимая головы, мрачный то ли от пьянки, то ли от злобы, и внезапно, свернув в переулок, натывается на спешащую с опущенной головой девушку в простой кофточке, в платке.

Девушка невольно подняла голову, но, увидев мастера, сейчас же вновь опустила ее и поспешно пошла прочь. Мастер, потирая лоб, глядит ей вслед, неясное подозрение мелькает в его маленьких глазах.

Привычным тоном хозяина он окликает:

— Эй, ты!.. Стой.

Но девушка только ускоряет шаги.

Подозрение окончательно овладело мастером. Он поворачивается и бежит за девушкой, крича:

— Держи ее... Держи!

Девушка тоже бежит, на ее счастье никто не попадается ей навстречу. Она перескочила через узенький рельсовый путь, ускорила бег.

Мастер подбегает к рельсам, вот-вот нагонит беглянку, но в это время раздается пронзительный свист, мастер отшатывается: по рельсам, неистово грохоча, проносится заводской паровозик «кукушка», везущий длинный состав с железными брусками.

Девушка бежит изо всех сил по бережку канавы и вдруг сталкивается с идущими в обнимку, распеваящими все ту же озорную песенку тремя парнями: Андреем, Демой, Максимом.

Парни удивленно смотрят на незнакомку. Девушка, едва переводя дух, быстро говорит:

— Помогите!.. Понятся!..

Не теряя ни минуты, Максим принимает решение. Он толкает Андрея, тот, схватив девушку за руку, бросается с ней куда-то в сторону.

Максим и Дема смотрят им вслед, но сейчас же повернулись. Раздались крики:

— Держи, держи!

Запыхавшийся мастер подбегает к парням, едва дыша, восклицает:

— Здесь девка не пробегала?

Одну только секунду парни недоуменно смотрят на него, потом сразу оживившись, кричат в голос:

— Бежала... бежала... Вот туда!

И оба разом указали в противоположную сторону.

Мастер немедленно бежит в указанную ими сторону, сопровождаемый орущими, понукающими парнями.

Андрей и девушка подбежали тем временем к пруду заводского лома. Андрей прыгает вниз, в расщелину, девушка тоже прыгает за ним.

Оба присели на корточки, глядят друг на друга, тяжело дышат.

Через минуту сбоку раздается «кукареку».

Андрей сейчас же отвечает свистом. Загремели бруски, в расщелину один за другим прыгают Максим и Дема. Теперь все три парня, стараясь отдышаться, глядят с веселым недоумением на незнакомую девушку.

Первым опомнился Максим.

Полагая знакомство состоявшимся, он вдруг облапил девушку, но получил в ответ толчок, от которого повалился на землю. Одновременно из-под кофточки незнакомки вытелел листок бумаги, упавший к ногам Андрея и Демы. Они быстро схватили его, читают вполголоса, наперебой:

— «Российская социал-демократическая рабочая партия...»

Андрей чешет затылок и бормочет:

— Непонятно!..

Девушка улыбается и говорит.

— Хотите, встретимся? Объясню!..

Оба парня с подозрением взглянули на нее, потом на листовку, и Андрей, насулившись, возвращает ей бумажку, а Дема, отмахиваясь, говорит:

— Бог подаст!

Максим, отнюдь не желая прекращать знакомства, вмешивается, оживленно предлагает:

— А насчет встретиться — лучше вечером, в цирке...

И немедленно вместе с Андреем затанули великолепный цирковой марш. Андрей демонстрирует мускулы, а Дема с увлечением объясняет:

— В настоящий международный чемпионат французской борьбы прибыли пока и записались следующие борцы: известный борец Иван Заикин, известная неизвестная Черная Маска, чемпион...

Раздался последний гудок. Андрей шепчет.

— Тсс! Пошли!

И все четверо осторожно выбираются из убежища. Подбежали к кирпичной стене. Максим вскочил на нее, Андрей подсадил девушку, она перелезла на другую сторону.

И вот она уже вне завода, идет по большой дороге, под мостом, а по мосту проходит, гудя, поезд, навстречу — другой.

Максим стоит на стене, смотрит вслед девушке. На мгновенье она обернулась, машет рукой. Максим сорвал кепочку, машет в ответ.

Свист Демы заставляет его обернуться, прыгнуть со стены. Все трое бегут в цех.

Огромный, полный шума и дыма цех. Рабочие стоят тесной толпой; перед ними на возвышении инженер — заведующий цехом, ослепительный и важный, а сбоку от него — волнующийся, грозно поглядывающий на рабочих мастер. Заведующий говорит громко и строго, потрясая белым листком бумаги:

— Сегодня в цеху найдены прокламации преступного содержания. Я не сообщу об этом в полицию....

Мрачные лица рабочих. Медленно проезжает сзади кран.

— ... если рабочие честно скажут, кто принес в цех эти бумаги...

Максим, Андрей и Дема вбежали стремглав

в цех, остановились, попятились, увидев заведующего. Он обводит глазами стоящих молча рабочих, потом взор его падает на стоящих в кепках, еле переводящих дух трех парней. Срывая гнев, заведующий орет:

— Шапки долой!

Парни торопливо снимают кепки. Мастер грозит им за спиной заведующего. Максим, выступив вперед, говорит почтительно:

— Весь завод обыскали, нигде не нашли!

Дема добавляет с сокрушением:

— Удрала!

Мастер торопливо, шопотом объясняет заведующему. Тот кивнул головой, также шопотом дает приказание мастеру и идет прочь из цеха.

Трое парней, довольные, что вышутались из беды, собираются разойтись. Уже горят в соседнем цеху печи, с грохотом движется кран, мелькают стальные болванки, рядом зашумели станки.

Внезапно все трое—Максим, Дема и Андрей—вздрагнули. Мастер, величественный и важный, подходит к ним. Обвел строгим взглядом, как бы выбирая, потом, ткнув пальцем в Максима, прозно командует:

— Ступай к заведующему!

Максим вздрогнул, словно от испуга, но мастер успокоительно подмигнул, поднял палец кверху и таинственно сообщает:

— Открывается перед тобой дорога в люди!

Грохот и шум машин. Дема облегченно захихикал; Максим, обрадованный, кланяясь, идет мимо мастера, а Андрей, желая испол-

зовать благоволение начальства, заискивающим тоном говорит:

— Господин мастер, у нас в цеху второй месяц машины не чинены...

Мастер делает вид, что из-за шума машин ничего не слышит, машет рукой и уходит. Андрей с досадой смотрит ему вслед.

ПЕРЕД МАКСИМОМ ОТКРЫЛАСЬ ДОРОГА В ЛЮДИ

Дверь в кабинет заведующего. Максим долго колеблется, потом робко стучит и входит.

Сидящий за столом заведующий обернулся. Увидев юношу, благосклонно улыбнулся, жестом пригласил сесть. Максим сел на край стула, мнет в руках кепочку, с тревогой ждет. Заведующий говорит:

— Я слышал от мастера, что ты помогал ему искать подозрительную особу. Молодец! Вот, если бы найти такого парня, который выведет бы, как эти особы попадают на завод...

Испытующе взглянул на Максима, нагнулся вперед и со значением продолжает:

— ... мы такому рабочему рублей десять на пальто к празднику прибавили бы!

Максим боязливо слушает, потом, решившись, говорит:

— Пятнадцать.

— Какие пятнадцать?—нахмурился заведующий.

— Пятнадцать рублей пальто к празднику стоит,—умильно улыбаясь, объясняет Максим.

Заведующий внимательно поглядел на него и внушительно говорит:

— Погляди мне в глаза и отвечай правдиво. Ты в нелегальных кружках состоишь?

Максим глядит на него озадаченно и качает головой.

— А на запрещенных собраниях бывал?

Максим снова отрицательно качает головой, все больше пугаясь.

— Ну, а книжки там какие-нибудь,—продолжает допрос заведующий и делает выразительный жест рукой,—читал?

Максим обмер, потом, глубоко вздохнув, с видом погибшего человека, глухо отвечает:

— Читал.

— А кто их тебе давал,—оживился заведующий,—и что в них говорится, помнишь?

— Помню,—бледнея, говорит Максим

— Ну!.. — торопит заведующий.

— Разрешите на память прочесть?

— Ну, ну!..

Максим секунду колеблется, словно вспоминая, потом, вдруг вскочил, бросил кепку на стул, восклицает с увлечением:

— «Прочь! — вскричал он. — Прочь из этого гнезда коварства и порока! Меня ждут скалистые ущелья и верные товарищи — гроза тиранов и злодеев».

Заведующий, подошедший ближе, разинув рот, глядит на Максима. Но тот, как бы забыв обо всем, продолжает в упоении:

— «Пылая страстью, прекрасная графиня прильнула к нему всеми своими формами. «Ха! Ха-ха! — воскликнула она. — Кровавая Нана заставит тебя забыть весь мир!» Но атаман свистнул...»

И, сунув два пальца в рот, Максим свистит так пронзительно, что заведующий отшатнулся, и заканчивает:

— «... и вскочил на коня».

— Стой! — кричит заведующий, — стой! Что за ерунда такая?

— «Антон Кречет», — гордо и в то же время укоризненно отвечает Максим, — знаменитый разбойник.

— Я тебя не о таких книжках спрашиваю, — с досадой говорит заведующий. — Запрещенные, в которых что-либо плохое про царя или про фабрикантов пишут, такие ты читал?

— Нет! — говорит Максим, и в голосе его невольное сожаление, — таких не читал.

Заведующий отходит к столу, как бы колеблясь, продолжать ли разговор, потом, решившись, берет в руки прокламацию и, подождав к себе Максима, спрашивает:

— А кто эти бумаги мог принести в цех, не знаешь?

Максим осторожно берет в руки прокламацию и начинает читать, но заведующий торопливо вырывает ее из рук парня и прячет. Максим вздыхает, потом твердо говорит:

— Знаю.

Заведующий вновь взволнован, торопит Максима. Максим, оглянувшись, наклоняется к уху заведующего и шепчет торжествующе:

— Поп.

Заведующий, моргая, озадаченно смотрит на него, а Максим, придвинувшись еще ближе, в восторге от собственной догадливости, обстоятельно сообщает:

— У нас в цеху третьего дня молебен был, батюшка всем книжки раздавал, так уж он наверно и подсунул..

Фамильярно подмигивает заведующему.

— Да ты, брат, дурак!— возмущенно восклицает заведующий, отталкивая его.

Затем, вновь поколебавшись, он говорит задумчиво, про себя:

— Впрочем, может оно и лучше, что дурак.

И повернувшись к Максиму, сурово:

— Так берешься?

— За что? — невинно вопрошает Максим.

— Да ты что, смеешься, что ли? — вышел из себя заведующий. — Будешь ты меня осведомлять о товарищах или нет?

Плутовство, улыбка и притворная наивность разом сбежали с лица Максима. Он медленно поднимается со стула, вот-вот разразится руганью, но в это время тревожный гудок прозвучал вблизи, наполнил комнату.

Заведующий и Максим вздрогнули, повернулись.

В комнату вбежал какой-то служащий и, стараясь скрыть волнение, торопливо докладывает:

— Ничего... Ничего особенного... Рабочего ранило... Попал в машину и..

Максим, вскрикнув, бросится из кабинета.

Бежит, сломя голову, по заводскому двору. Навстречу ему бежит с перекошенным лицом Дема. Он кричит надрывно:

— Андрей!..

В цеху, на грязном полу, на рваной рогожке лежит в забытой изувеченной машиной Андрей.

Дыхание с тяжелым хрипом вырывается из его груди, а сзади неумолчно грохочут станки, лязг и скрежет металла, тревожный звон движущегося крана.

Двое рабочих подходят с носилками к Андрею, молча кладут его, поднимают, несут.

Часть вторая

Воскресный вечер на окраине; тускло горят фонари, в тумане еле видны заводские трубы. Из раскрытых дверей трактира где-то недалеко несутся шум, восклицания. Где-то перепулком проходят с баяном рабочие, их баян томительно тянет заунывную окраинную песню, и голос хриплый, тоскливый доносится, уходя все дальше.

Вблизи заводских ворот, у фонаря, мрачные, осунувшиеся, стоят Максим и Дема в томительном ожидании. Вдруг оживились, переглянулись.

Из заводских ворот, беседуя, неторопливо идут человек в котелке и щегольском пальто—представитель заводской администрации—и заведующий цехом.

Они подходят к автомобилю, стоящему у тротуара, открывают дверцу. Когда человек в котелке влез в машину, а заведующий поставил ногу на ступеньку, раздался сбоку робкий голос:

— Господин заведующий!

Заведующий с явным неудовольствием повернулся. Максим и Дема стоят перед ним,

мнут кепки в руках, и Максим, задыхаясь, умоляюще говорит:

— Господин заведующий! У нас товарищ попал в машину. Помочь ему надо!..

Заведующий сердито морщится, говорит всердцах:

— Порядка не знаете, лезете со всякой ерундой. Пьян был ваш товарищ, потому и попал в машину. Обратитесь по инстанции.

Торопливо влезает в автомобиль, захлопывает за собой дверь. Зашумел мотор, послышались лязг рычагов.

Приятели стоят оглушенные. Машина рванулась вперед по грязи, клаксон завизжал, грязь полетела в лицо Максиму и Деме.

И уже издали доносится визг клаксона. Два друга стоят, утираясь, растерянно глядя вслед автомобилю. Вдруг чей-то голос подзывает их:

— Эй, вы! Пост!

Оба живо повернулись и обрадовались, увидев у ворот празднично разодетого мастера, подзывающего их к себе. Они опрометью бросились к нему.

Мастер довольно смотрит на них, хлопает Максима по плечу и сообщает:

— Вы-то мне и нужны!

— И у нас к вам просьбичка будет, Степан Яковлевич! — умиленно улыбаясь, говорит Дема.

— Все сделаю,— машет рукой мастер,— озолочу... Только вы мне помогите..

И, нагнувшись к ним, он таинственным тоном спрашивает:

— Воскресную школу знаете?

И МАКСИМ С ДЕМОЙ ПОПАЛИ В ВОСКРЕСНУЮ ШКОЛУ

Темный двор большого грязного дома: здесь, в отдельном флигеле с крыльцом помещается воскресная школа для рабочих.

Осторожно ступая меж луж, крадучись, проходят во двор мастер, Максим и Дема. Внезапно, вблизи от крыльца школы мастер, схватив парней за руки, оттаскивает их к стене, в тень.

На крыльцо вышли заведующий школой— чахлый интеллигент с бородкой и девушка— учительница. Она, видимо, хочет подышать воздухом; он пользуется случаем сделать ей выговор.

— Я опять повторяю,—говорит он скучным голосом,—вы вместо уроков читаете политические лекции. Вы нарушаете устав. Я сам буду следить за вашими уроками.

— Пожалуйста!—говорит девушка, рассеянно глядя перед собой.

Заведующий, все еще кипя, идет обратно в дом. Девушка, вдохнув полной грудью воздух, следует немного позже за ним.

Мастер, не отрывавший от нее глаз, трясет плечо Демы, сдавленным шопотом говорит:

— Узнаете?

Парни с некоторым недоумением глядят на него.

— Вы здесь постойте,—говорит мастер,—постерегите, чтоб не ушла. А я за полицией сбегаяю.

И он поспешно бросается назад, в ворота.

Парни растерянно глядят ему вслед, потом Дема, покачивая головой, боязливо шепчет Максиму:

— Бежим отсюда! Это дело темное. Мне сон приснился: девка с усами. Не к добру!

Он тащит за собой Максима, но в это время раздаются звуки баяна. Во двор входит группа рабочих, впереди — человек средних лет с приятным лицом, с баяном в руках.

— А!—радостно восклицает он, увидав парней,—и вы в школу? Ну, пойдем, пойдем!

И несмотря на слабые протесты приятелей их ведут в помещение школы.

Большая комната с низким потолком, слабо освещенная керосиновой лампой; столы и скамьи, за ними рассаживаются человек двадцать рабочих.

Максима и Дему встречают радостными восклицаниями, усаживают на места. Приятели растерянно оглядываются. Женский голос заставляет их повернуться к доске, к столу, заменяющему кафедру. У стола стоит учительница, вышедшая на крыльцо; она спокойно начинает урок:

— Продолжим задачи на проценты..

Максим и Дема, разинув рот, смотрят на учительницу. Они узнают в ней, сами себе не веря, девушку, которой помогли бежать на заводе. Это та самая девушка, которая в прологе вместе с Поливановым уносила прокламации из подпольной типографии, — Наташа.

Она продолжает, внимательно глядя на учащих:

— Повторим определение процента. Процентом какого-либо числа называется сотая часть этого числа. Слово «процент» происходит от латинского выражения «про центум», что означает «со ста» или «на сто».

Она выждала минуту, потом вызывает одного из рабочих к доске. В это время из боковой двери в комнату входит заведующий школой, прислушивается.

Вызванный рабочий стоит у доски и пишет, стуча мелом, под диктовку учительницы:

Труба «А» наливает в 1 час 40 минут ноль целых девять десятых бассейна. Труба «Б» дает в час на шесть и пять сотых процента больше, чем труба «А». Во сколько времени наполнится бассейн, если будут открыты обе трубы?

Заведующий удовлетворенно улыбается и уходит. Стучит мел по доске. Наташа смотрит на доску и кивает головой:

— Хорошо!

Рабочий идет на место. Наташа берет раскрытый учебник, но, не заглядывая в него, начинает негромко, слегка подчеркивая внутренний смысл своих слов, диктовать новую задачу:

— Один подрядчик нанял 56 человек на 12 дней. Они работали 11 часов в сутки, получая за это ноль целых семь десятых рубля в день. Штрафов взял с них подрядчик 113 рублей, на церковь пожертвовал 50 рублей и при выдаче обсчитал на ноль целых две десятых рубля каждого..

Внимательно слушают рабочие. Максим и Дема не сводят глаз с учительницы, и видно,

что их интересует задача не как упражнение, а как живой рассказ.

— Всего, — говорит Наташа, чуть подмигивая слушателям, — получили рабочие икс рублей... А подрядчик — 550 процентов прибыли. Что из этого получается?

Не выдержав, Дема яростно стукнул кулаком по столу, вышаливает:

— Сукин сын получается!

Грохнул громовой смех слушателей. Вбежал испуганный заведующий, надел торопливо очки, машет руками, но рабочие хохочут во все горло.

И вдруг смех оборвался. Все вздрогнули, повернулись к выходу.

Раздались тяжелые шаги, и в комнату один за другим вошли усатый пристав, прячущийся за его спиной мастер и несколько городовых. Они остановились в дверях. Рабочие неподвижно сидят, смотрят на них.

Пристав обвел строгим взглядом всех собравшихся и густым басом сказал:

— Слушателям — покинуть помещение!

Томительная пауза. Медленно встают рабочие и один за другим, с ненавистью глядя на полицию, выходят из помещения.

Максим и Дема взглянули на Наташу. Она спокойно стоит у доски.

Оба парня встают и сторонкой идут к выходу. Мастер трогает пристава за рукав. Пристав властно кричит парням:

— Остаться!

Они пятятся к стене. Пристав проходит к столу, садится, готовясь чинить суд и распра-

ву. Трепещущий заведующий подходит к нему и, заикаясь, говорит:

— Я протестую!..

— Уйдите!—брезгливо машет рукой пристав, и заведующий поспешно отходит.

Мастер, все время вглядывавшийся в Наташу, убежденно восклицает.

— Ваше благородие! Она... Ей богу, она!..

И, бросившись к Наташе, вне себя от радости, хватает ее за плечо, торжествующе орет:

— Скажешь, не ты?

Чуть не танцуя на месте, упоенно кричит:

— Изловил политическую мерзавку, изловил, ваше благородие!

Энергичным движением Наташа высвободила плечо, оттолкнула мастера и, повернувшись к нему, четко и сурово говорит:

— Во-первых, вы не имеете права говорить мне «ты». Во-вторых, я вас ни разу, к счастью, не видела. А в-третьих, если ты, негодяй, позволишь себе еще раз такие выражения, я запущу тебе в голову вот этим табуретом!

Табурет взвился над головой мастера. Слабо вскрикнув, он попятился назад, а Наташа, отбросив табурет, идет к озадаченному приставу и строго говорит:

— Вот мой паспорт. А вот—визитная карточка князя Святополк-Мирского.

Протянула карточку полицейскому и сейчас же в упор спрашивает:

— Который час?

— Половина девятого,—говорит обалдевший пристав.

— Ровно в девять, — внушительно говорит Наташа, — я даю урок сыну его сиятельства. У меня нет времени заниматься глупостями!

Растерявшийся мастер вытирает пот и бормочет, словно извиняясь:

— Ваше благородие! Может быть, и не они.. Я их сбоку видел..

И вдруг его взгляд падает на Максима и Дему и оживляется надеждой. Он бросается к парням и торопливо говорит:

— Они, они за барышней гнались!

Максим и Дема стоят, затаив дыхание. Пристав повернулся к ним и говорит:

— Ну!

Теперь и Наташа увидела парней. Чуть-чуть вздрогнула, узнав, но стоит спокойно.

Дема облизывает высохшие губы. Глядит в панике на мастера, от которого зависит судьба Андрея.

Но Максим, глотнув воздуха, спокойно, чуть дрожащим голосом говорит:

— Нет. Я за ней не гнался.

Дема помертвел, но покорный законам дружбы, растерянно добавляет:

— А я.. за ним бежал..

Мастер отшатнулся. Максим продолжает уверенно, почти развязно:

— Удостоверяю, та была.. рыжая.. И рост был.. во какой!

Показал рукой над своей головой. И Дема послушно повторил его жест.

Наташа с едва заметной благодарной улыбкой глядит на парней. Пристав отер усы, как бы не зная, что делать, потом взглянул на княжескую карточку (неведомо какими путя-

ми попавшую к Наташе) и решился. Встав и отдав честь, он вежливо говорит:

— Мадмуазель! Можете ехать к его сиятельству! Извините: долг службы!

Наташа берет у него книгу и документы, награждает его очаровательной улыбкой. Пристав покрутил ус, приосанился.

Наташа идет мимо мастера, толкнула его плечом, прошла дальше.

Тогда мастер, вновь сбитый с толку, бросается к приставу, кричит, чуть не плача:

— Ваше благородие!.. Я теперь ясно вижу: она!

Пристав злобно взглянул на него и сказал:

— Дурак!

Прошел в дверь, городовые за ним.

Мастер, уничтоженный, снял котелок, вытер голову, потом, издав проклятие, идет прочь из школы.

Во дворе он вновь остановился, как бы не зная, что теперь делать. Следовавший за ним Дема подходит к нему и робко, искательно говорит:

— Степан Яковлевич! Вы обещали Андрею помочь!.. Похлопочите!..

Мастер повернулся, обрушился на него, срывая злость:

— Пошел ты к чертовой матери со своим Андреем!

И, плюнув, он идет вон со двора.

Оглушенный Дема стоит, бессмысленно глядя ему вслед.

И вдруг с ожесточением надвинул картуз на голову и воскликнул:

— Эх, Андрей, Андрей!

Рыдание прозвучало в его голосе.

— Прспал наш Андрей!

И он, махнув рукой, в полном отчаянии идет через лужи, через грязь, к воротам. Сзади—окрик Максима:

— Дема!

Дема повернулся, махнул снова, уже совсем безнадежно, рукой и пошел все быстрее, словно сам не зная куда.

Максим стоит во дворе, у крыльца, в таком же отчаянии, не видя выхода. Опустился на стоящую рядом бочку, опустил голову, сидит неподвижно.

Чья-то рука опускается на его плечо. Он поднял голову.

Группа рабочих—слушателей школы—стоит подле него, и самый старший из них говорит сердечно, протягивая ему маленький сверток:

— Возьми для Андрея..

Максим, словно не понимая, молча берет, глядит в лицо рабочему. Сзади раздается тихая музыка баяна.

— Мало тут,—со вздохом говорит рабочий,— по гривеннику собирали..

Максим медленно озирается, как бы впервые видит лица товарищей. И вдруг, закрывая лицо руками, заплакал истошно и жестоко.

Рабочий с приятным лицом—баянист вздохнул, оборвал мелодию и тихо, но с огромной силой сказал:

— погоди! Дай только время!

И, раздвинув вновь меха баяна, нажав пальцами на костяшки, он грянул грозную, бурную мелодию, как обещание другого, боевого будущего.

Часть третья

Ранним утром начинают гудеть заводы— один за другим, медленно, призывно, уныло. На утреннем сером небе—недвижный и безотрадный силуэт заводских труб, нависших над рабочей окраиной.

Ранним утром на убогом кладбище хоронили Андрея. Постояла группа товарищей над свежей могилой; не было сказано ни слова, только заводские гудки звучали, не то отпевая покойника, не то предвещая судьбу другим, а скорее всего зовя в цех; и группа товарищей разошлась. Могила засыпана.

Медленно, позже всех уйдя с кладбища, идет по дороге к заводу Максим. Голова его опущена: он осиротел— Андрей умер. Дема спился, пропал.

На дороге—дерево, подле него стоит, поджидая Максима, Наташа.

Он подходит. Они ничего не говорят друг другу. Гудят вдалеке печально и тонко гудки. Максим и Наташа молча стоят друг против друга: он—с опущенной головой, она—с глубоким сочувствием глядя на него.

Потом она оглянулась, достала пачку листовок, передала Максиму. Он спрятал их на груди, молча пожал руку Наташе и пошел к заводу. Наташа еще стоит, смотрит ему вслед.

Максим идет, все так же опустив голову, через заводской двор, через проулки и входит в огромный цех.

Что-то непривычное заставило его поднять

голову: он увидел толпу молча стоящих посредине цеха товарищей.

Шумят и гудят в соседних цехах машины, скрежещет металл.

Через дырявую крышу в цех проникает прорезающий тьму луч солнца. В этом луче, посредине цеха, на полу лежит убитый машинной рабочий.

Толпа товарищей с обнаженными опущенными головами стоит вокруг, и старый рабочий со слезами скорби и гнева в глазах повернулся к Максиму и говорит глухо:

— Тоже молодой.. Как Андрей..

В цеху тулко раздались шаги. Расталкивая рабочих, проходят, останавливаются неподдачу от трупа заведующий цехом, мастера, конторщики. Заведующий, морщась, посмотрел на труп, потом поднял глаза на молча стоящих рабочих и, словно считая обряд законченным, говорит:

— Разойдитесь по местам!

Прошел сзади с лязгом и звоном кран.

Один из рабочих выступил из рядов, гневно и грозно взглянул на начальство и полным голосом крикнул:

— Шапки долой!

Провыла где-то заводская сирена. Заведующий сдвинул брови, готовый вспылить, оглядел рабочих. Они в свою очередь глядят на него с ненавистью и угрозой. Глаза их сверкают, лица, потные и черные от грязи, блестят в полутьме цеха. Тяжело дыша, глядит Максим. Двое рабочих медленно вышли вперед, стали рядом с первым..

Заведующий неловко и мрачно снял фуражку, за ним поспешно сдернули головные уборы мастера и конторщики.

Лежит на рогоже убитый рабочий, и старый токарь, глотая слезы, говорит надрывающимся любовным голосом:

— Прощай, товарищ! Мы похороним тебя по-своему, по-рабочему!

Из задних рядов все увеличивающейся толпы рабочих раздается прекрасный голос,—знакомая старая песня:

Вы жертвою пали в борьбе роковой...

Один за другим подхватили песню рабочие; надрывающая душу мелодия, полные ледящего горя слова огласили цех, заглушили вой, шум, скрежет металла.

Безыскудно сливая голоса в единый звенящий хор, поют рабочие с шалками в руках, с глазами, устремленными прямо перед собой. И Максим стоит—бледный, страшный в своем горе. Максим тоже глядит вперед, словно прорывая какую-то завесу, наполняя злобой надрывные песенные слова.

Рыдая навзрыд, пытается петь, но не может какой-то ларень. Лежит труп рабочего на земле, поют ему «вечную память».

Принесли носилки, бережно положили на них покойника. Четверо рабочих подняли носилки, шагнули разом вперед, пошли.

Носилки поплыли в воздухе: убитый следовал своим последним путем, в последний раз мимо станков, мимо ремней, мимо пылающих печей.

Толпа рабочих—длинное шествие идет за носилками. Протяжно и грустно звенит среди труб и цехов прощальная песня:

...Вы отдали все, что могли за него,
За жизнь его, честь и свободу!..

Соединяя заводскую окраину с городом, тянутся длинные узкие проспекты, замощенные булыжником. Высокие сплошные дома — целые поселения рабочих — каменные мешки тянутся вдоль проспекта на целые кварталы, внезапно проваливаясь, уступая место одноэтажной хибарке, дровяному или угольному складу и вновь вырастая новым необъятным домом. Огромные слепые брандмауеры — глухие стены нависают над проспектом; гигантские буквы реклам, гигантские рисунки шин, мотоциклов клеймят квартал; бесчисленные — на каждом этаже — вывески испещряют дома: золотые бычьи головы, ключи слесарей, гигантские калачи повисли над тротуарами.

Из лавок — хлебных, мясных, бакалейных, из ворот и из переулков выходят, выбегают на проспект люди — покупатели и продавцы, останавливаются прохожие. Свесились с империала двухэтажной конки пассажиры, остановилась пролетка с седоками.

Издали мерно и гулко звучит пение, приближается процессия.

Все больше любопытных сбегается со всех сторон. Все напряженно всматриваются, и вот выходит на проспект длинное похоронное шествие. Плывут над головами носилки, на них — труп погибшего рабочего, и все продолжается грозное пение:

Вы жертвою пали в борьбе роковой,
Любви беззаветной к народу.
Вы отдали все, что могли за него,
За жизнь его, честь и свободу...

Далекие заводские гудки теперь звучат угрозой, обещанием расплаты; угрюмый их гул сливается с песней и топотом тысячной толпы.

Порой изнывали вы в тюрьмах сырых,
Свой суд беспощадный над вами...

В толпе любопытных, расталкивая всех, появились две фигуры: одна — Наташа, другая — Поливанов.

Пение все слышнее, процессия приближается, носилки с трупом плывут на фоне усеянных людьми окон, на фоне вывесок и реклам. Пожилые работницы утирают слезы, мужчины снимают шапки, а песня звучит:

Враги-палачи уж давно изрекли,
И шли вы, гремя кандалами...

Поливанов втискивается в толпу идущих, пробирается к группе вожаков, — его радостно приветствуют; он негромко и торопливо говорит одному из рабочих:

— Требования заготовили? Рабочие должны знать, чего требуют...

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая.

Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая...

Гудят похоронным салютом гудки, идут грозно и мерно рабочие, несут труп убитого, словно весь город должен увидеть это, отве-

тить на это. И яростным обещанием, пророчеством звучат слова песни:

Настанет пора и проснется народ,
Великий, могучий, свободный..

Поливанов вглядывается в даль, торопливо говорит:

— Разбежаться будете, бегите мимо заводов, чтобы вас видели!..

Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь, благородный!..

Носилки, пlyingшие впереди над толпой, остановились. Останавливаются ряды демонстрантов. Оборвалась песня.

Поперек проспекта, от тротуара к тротуару стоит двойная шеренга городских. Солнце озаряет их красные, откормленные физиономии, их кулаки в перчатках — на эфесах плашек-«селедок», освещает за ними брендмауер и на нем гигантскую надпись: «Пилюли Ара — лучшие в мире!»

Перед шеренгами городских — пролетка, на ней ожидает демонстрацию старенький щеголеватый пристав.

Тяжелая пауза. Замолчала вся улица, только слышен далекий гудок.

Рабочие торопливо толкнули в толпу Поливанова.

Молчание. Заржала лошадь. Пристав, подняв руку, высоким, скрипучим голосом прокричал:

— Господа!..

Тишина. Стоят друг против друга рабочая демонстрация и городские. Голос пристава:

— ...С миром и по-хорошему идите домой! Мертвое тело мы сами доставим в больницу.

Из толпы рабочих глухо прозвучал ответ:

— Ваше благородие! Мертвецов не лечат!

Лицо пристава исказилось злобой. Он еще крикливее, еще скрипучее говорит:

— Господа! Предупреждаю!

Не шелохнутся рабочие. Над головами — носилки с трупом. С дикой ненавистью смотрит на полицию Максим. Вновь голос пристава:

— Предупреждаю!

И — тишина. Пристав делает знак одному из городовых, тот исчез. И вновь тишина.

В этой тишине вдруг раздались звуки гармони. Из трактира в соседнем переулке выходит на улицу несколько пьяных, впереди всех — Дема. Не замечая толпы, в полном опьянении, он поет на всю улицу:

Где эта улица, где этот дом?

Где эта барышня, что я влюблен?

Вырвал из рук другого гармонь, что-то попробовал сыграть и вдруг, увидев толпу, застыл.

Тогда над головами рабочих, взобравшись на чьи-то плечи, вырос человек. Взмахнув картузом, он кричит громко, яростно:

— Товарищи! Чего же вы ждете? Ступайте назад, с миром и по-хорошему...

Медленно нарастает волнение в рядах, ропот. Потрясая картузом, рабочий кричит, и слова его звучат воплем:

— Покойник тоже шел к станку по-хорошему — и дошел! Так чего же вы стоите?

Ступайте назад с миром и по-хорошему... подышать!

И словно в ответ оглушительно зазвучали где-то гудки — теперь прозные и стремительные.

Пристав повернулся, поднял свисток; долго, пронзительно свистит.

Раздался гулкий топот копыт. Из ближайших ворот вылетел отряд конных городских с нагайками.

В панике бросились врассыпную прохожие. Городовые на всем скаку врезались в толпу рабочих, лупят нагайками налево и направо.

Крик сотен людей, свист нагаек, ржанье лошадей. Толпа дрогнула, рассыпалась и бежит во все стороны.

Толпа рабочих бежит мимо Демы, стоящего разинув рот, с гармошкой в руках. Один из рабочих подбежал к Деме, вырвал гармонь из его рук и, рванув ее, заиграл теперь бравурно и гневно мелодию похоронного марша.

Сейчас же, как бы по призыву гармони, десятки рабочих-большевиков подбежали, сгруппировались, стали лицом к городovým. Кто-то схватил камень, швырнул в полицию.

Гремит гармонь. Стоящий посредине улицы, стиснув кулаки, Максим вздрогнул и с отчаянной решимостью бросился к фонарю, взобрался наверх и пронзительным голосом кричит:

— Стой!

Еще сотня рабочих остановилась как бы в ответ на этот крик, а Максим орет, сам не зная, что скажет, и только чувствуя, что все должен сказать, все, самое сокровенное:

— Куда бежите? Некуда нам бежать! Нигде нет нам житья! Убивают, как собак!

Толпа рабочих сгрудилась вокруг фонаря, мешает городовым добраться до Максима. Идет отчаянная драка. Гудят заводы, свист и вой всюду, но Максим изо всех сил, на весь проспект орет:

— Стреляют?! Пускай стреляют! Всех не перестреляют!..

— Правильно, Максим! — кричат рабочие, и все больше их

— Верно!

Держась за фонарь, Максим, обезумевший, яростный, видит перед собой море голов, водоворот людей, лошадей и, уже сорвав голос, забыв все слова на свете, в этом водовороте он вдруг видит Наташу. С быстротой молнии сунул он руку за пазуху, выхватил оттуда кипу листовок; взметнул ее над толпой, швырнул, и белые листки полетели в толпу, исчезли в сотнях поднявшихся рук.

Еще яростней свист; слышится команда стрелять, городовые с удвоенной силой пробираются к фонарю.

Теперь Наташа, поднявшись на цыпочки в толпе, кричит:

— Бастуйте, товарищи!

К ней бросились городовые, но рабочие оттесняют их; вновь и вновь слышен звонкий настойчивый крик Наташи:

— Бастуйте, бастуйте, товарищи!

Ожесточенная драка. Городовые стаскивают Максима. Отбиваясь ногами, он хрипло кричит:

— Эй, не поддавайтесь! Не поддавайтесь!..

— Сволочи! — в беспамятстве кричит Дема, напрасно стараясь пробраться к Максиму, помочь ему. — Не его, меня берите! Я — пьяница, а его за что? За правду? Эх!

Он вне себя бросается в толпу городских, бьет налево и направо. Внезапно очутился перед околоточным. Кричит ему, словно, жалуюсь:

— Ваше благородие! За что?

Околоточный с силой бьет его. Дема падает на булыжник. И в ту же секунду, забыв все на свете, в пьяном ослеплении, схватив первый попавшийся камень, он вскакивает и бьет изо всех сил околоточного, тот падает замертво. Сейчас же раздался оглушительный свист. Дему схватили городские, он бессмысленно смотрит, тяжело дышит, всхлипывает, сам не понимая, что сделал.

Трое городских тащут Максима, а он все кричит:

— Не поддавайтесь, товарищи! Не поддавайтесь!

Дико и оглушительно воеет сирена.

Часть четвертая

И Максим попал в «университет».

У него берут дактилоскопический отпечаток с пальцев.

Ему торжественно измеряют ноги, руки, рост, талию.

Тщательно определяют, взяв и сопя, цвет его глаз, количество зубов, расположение родинок на шее.

Снимают его для потомства огромным фотографическим аппаратом. Конечно, в последний момент Максим учиняет невиданную гримасу.

Потом его приводят в комнату, где целый оград шпижов — галерея поистине замечательных лиц! — молча, с заранее заготовленной кенавистью, оглядывает его, обнюхивает, изучает.

Он сносит без жалобы дактилоскопию, антропометрию, фотографиярование. Но шпижи заставляют его ощетиниться.

Чей-то унылый голос приказывает:

— Скажи ясно и отчетливо: здравствуйте, как поживаете?

Максим флегматично отвечает не своим голосом:

— Катитесь к чертовой матери!

Тот же голос продолжает:

— Скажи: долой самодержавие!

Максим немедленно звонко орет:

— Долой самодержавие!

Голос бюрократически изрекает:

— Хорошо. Пошел вон!

И — тюрьма.

Захлопнулась дверь. Одиночная камера, темная, узкая, приняла нового постояльца. Маленькое решетчатое окно. Маленький глазок в двери.

Максим оглядывается. Видит стены с ободранной штукатуркой, с неразборчивыми автографами целых поколений. И вдруг понял, что стены эти отделили, оторвали его от радостного, солнечного мира.

Чтобы хоть в последний раз почувствовать, увидеть этот мир, увидеть солнце, он с привычной ловкостью лезет к окошку, подтягивается на руках, жадно глядит:

Но далекий свирепый голос со двора орет:
— Отойди от окна, стрелять буду!

Максим соскользнул на пол. Мрачно подошел к двери, хочет взглянуть в глазок.

Другой, угрюмый голос из коридора:

— Отойди от двери!

И Максим идет на середину камеры. Ему тошно и тяжело, но он борется, пытается сам себя утешить, сам себе говорит:

— Вот! Не с кем больше песни петь, не с кем разговаривать. С собой разве?

И он приветственно улыбается сам себе, жмет сам себе руку, говорит:

— Здорово, Максим!

И сам себе отвечает привычным «кукареку».

— Держись? — Держусь! — Ну, как поживаешь? — Ничего. Третьего дня дождик шел..

Попрежнему бодрясь, с чувством запекает:

Вот мчится троечка лихая,
Урядник скачет на коне,
А чья-то, чья-то дорогая
Стоит и плачет в стороне...

Мрачный, безжизненный оклик из коридора:

— Петь нельзя!

Максим сел на табурет. Подавлен. Совсем стемнело в камере. Идет время: неизвестно — часы или дни.

Гремят засовы, открылась дверь. Максим вздрогнул. Тюремщики ввели в камеру еще одного арестованного. Это — Поливанов.

С грохотом закрылась дверь. Поливанов с привычным спокойствием осматривается. Немного удивлен присутствием Максима. Бормочет, пожимая плечами:

— Экие олухи: двоих в одиночке держат. Очевидно, переполнение.

С некоторым подозрением смотрит на Максима и вдруг, словно узнав, улыбнулся, говорит ласково:

— А я тебя, друг, видел. Ты речь держал. Славно!

Даже похвала не может ободрить Максима, молча глядящего на собеседника. Поливанов подошел к нему, присел рядом, спрашивает сочувственно:

— Зачем приуныл? Первый раз в тюрьме?

— Первый!

Поливанов шутливо отдает честь, возглашает:

— От старожила Крестов, Бутырок, Якутии и Акатуя молодому постояльцу почтение! Как звать?

— Максим.

— О, Максим!

И от этого повторения имени, любовного и ободряющего, Максиму стало легче, он взглянул веселее на товарища по несчастью.

— Грамотный?

— Конечно, — с некоторой обидой отвечает Максим.

— Книжки, поди, читать любишь?

— Люблю.

— Какие больше?

Лицо Максима озаряется застенчивой и озорной улыбкой.

— «Антона Кречета», — говорит он чисто-сердечно.

— Знатное чтение! — улыбается Поливанов и вдруг схватил его за руку, призывая к молчанию.

Легкий стук, будто царапанье в стенку, слышался в камере. Поливанов подошел к стене, легко постучал в ответ тюремным кодом, потом слушает.

Лицо его омрачается. Он переводит вслух:

— Сегодня ночью увезут на казнь пять человек: Качкова Федора, Иванова Степана, Зальцамака Якова, Савченко Дмитрия...

И вдруг Максим вне себя вскочил, кричит: — Дему!?

Он бросается к двери, в неистовом порыве стучит в нее, орет:

— Господин надзиратель! Господин!. Пустите, пустите!. Дему... Демку — на казнь!..

Из коридора мрачный, безжизненный окрик:

— Шуметь нельзя!

Ночь. Замерла, словно спит, тюрьма. В общих и одиночных камерах лежат на койках в тяжелом забытии арестанты. Полная тишина.

Только Максим не спит, лежит на полу, с угрюмым отчаянием глядя перед собой, напряженно, в ожидании. Губы его шепчут:

— Дема! Дема!

В маленькой камере для смертников спит в арестантском халате, в кандалах Дема. Вдруг пробуждается. На лице его — смущенная улыбка, словно что-то забавное видел во сне. И это забавное он рассказывает вслух, как если бы были с ним друзья-приятели — Андрей и Максим:

— Приснился мне чудный сон. Будто прихожу я в царский дворец: с Николашкой охота по-душам потолковать. Гляжу, а трона нет, кресло стоит, а в кресле наш Максим сидит. Стал Максимка рабочим царем. Поглядел он на меня ласково и говорит: «Жил ты, Дема, свинья-свиньей, работал с утра до ночи, и чего же ты, Дема, теперь хочешь?» «Так, что — говорю, — ваше величество Максимка, жить по-человечески хочется». «Ну и живи! Получай комнату с собственной баней. работай восемь часов и учись на министра!» Приснится же такая чепуха!

Смеется во все горло и вдруг замолчал. Лязгнула дверь. На пороге — тюремщики. Надзиратель говорит строго:

— Встать! Собираться!

Все так же — в ожидании, в напряжении, борясь с дремотой, лежат арестанты в камерах. Тишина.

Не слышен лязг цепей по булыжнику. Окруженная полицейскими, не видна маленькая группа смертников, идущая по тюремному двору к карете.

И вдруг один из смертников остановился и, повернувшись к тюремным стенам, душераздирающим голосом кричит:

— Прощайте, товарищи!

Его схватили, тащат, но он вновь кричит.

И от этого крика пробудилась тюрьма. Поднялись, вскочили на своих койках арестанты.

Издали прощальный крик, прсникающий через стены:

— Прощайте, товарищи!

Поливанов, стоя посредине камеры рядом с Максимом, поднял руку и громко, на всю тюрьму кричит ответно:

— Прощайте, товарищи!

Шум и смятение в тюрьме. По коридорам прозвучал топот— бегут тюремщики.

Полицейские толкают смертников в карету. У самого входа в нее Дема поворачивается и кричит в пространство иступленным голосом:

— Прощай, Максим!

И, вне себя от горя, кричит Максим:

— Дема! Прощай, Дема!..

Кричит тюрьма. Из камеры в камеру побежали вопли, стоны.. за корпусом вступил корпус.

— Прощайте, товарищи!

Прозвенело стекло, гремят удары в дверь, крик из камеры в камеру:

— Прощайте! Прощайте, товарищи!

Где-то раздалось истерическое женское рыданье; воплем злобы и отчаяния отозвались другие камеры; отчаяние грозит захлестнуть тюрьму.

Тогда Поливанов поворачивается к Максиму и говорит отрывисто, взволнованно:

— «Варшавянку» поешь?

Максим смотрит на него, словно не пони-

мая. Поливанов запевает изо всех сил хриплым, усталым голосом:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...

И Максим еще неуверенно, сквозь слезы подхватывает:

В бой роковой мы вступили с врагами...

— Громче! — кричит Поливанов, и сам поет изо всех сил:

Нас еще судьбы неизвестные ждут.
Но мы подыдем гордо и смело...

Они поют во весь голос, стоя посреди камеры, глядя перед собой, поют с вызовом, с угрозой:

Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу...

И плачущая женщина в соседней камере, услышав эту песню, этот призыв к бодрости, еще рыдая, с еще мокрым от слез лицом, запевает звонкий припев:

На бой кровавый, святой и правый
Марш, марш вперед, рабочий народ!..

И уже несколько камер подхватывают революционный гимн:

На бой кровавый...

Гремит вся тюрьма боевой песней; бегут со всех сторон в панике тюремщики. Песня потрясает тюрьму, пробуждает всех еще спавших, зажигает злобу. В какой-то камере кричит, потрясая кулаками, молодой арестант:

— Ладно! Сволочи! Убийцы! Погодите!

Мощным хором оглашается тюрьма, гремит куплет за куплетом:

Мрет в наши дни с голодухи рабочий,
Станем ли, братья, мы дольше молчать?..

Звенят ключи, торопливо вставляемые в замки, хлопают тяжелые двери, озверелые тюремщики врываются в камеры, бросаются к арестантам:

— Прекратить!

Но песня гремит:

Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?..

— Прекратить пение!

— Молчать!

Не обращая внимания на тюремщиков, глядя вдохновенно перед собой, поют арестанты. Полицейские бросаются к ним, затыкают рты, валят на койки, но песня продолжается. Борясь, отбиваясь, заключенные кричат:

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей...

По два, по три на каждого из поющих набрасываются тюремщики, неистово бьют их, колотят, но песня гремит — ее не задушить:

Их имена с нашей песней победной
Станут священны миллионам людей...

Страшное избиение веревками, ключами, «седелками». В крови, на иолу, под ударами шашки, задыхаясь, поют арестанты, и пусть только одно-два слова вырывается из уст:

На бой кровавый...

В другом углу на мгновение высвободившись, кричит другой арестант:

...святой и правый...

И еще откуда-то:

Марш, марш вперед...

Тюремщики душат, орут, но крик все звенит:

...рабочий народ!

И все сливается в тот же несущийся далеко несдающийся хор:

На бой кровавый, святой и правый,
Марш, марш вперед, рабочий народ!

Тюремщики ворвались в камеру Поливанова и Максима. Рослый надзиратель орет:

— Встать!

Максим немедленно садится. Надзиратель, задыхаясь от бешенства, подходит к нему, орет:

— Почему же встаешь?

— Мать не велела, — говорит Максим.

Зверский удар валит его на землю. Он медленно поднимается и, бесстрашно глядя в лицо надзирателю, говорит:

— Даром только хлеб едите, а бить настоящему не умеете. Вот меня отец по праздникам бил, так бил. Ты, ваше благородие, дворняжка по сравнению с ним. Разве так бьют?

Ошеломленный надзиратель смотрит на него, потом, остервенев, говорит:

— Может, он так бил?

И с еще большей силой наносит удар. Максим летит в угол, стучается головой о стенку, но сейчас же неукротимо встает, выплюнув кровь, и вновь вызывающе говорит:

— Не так.

Тяжело дыша, надзиратель подходит к нему, и, засучив рукав, злобно осведомляется:

— А как же он бил?

Собрав все силы, удесятирив их гневом, Максим сведенными вместе кулаками бьет надзирателя по лицу и кричит:

— Вот так!

Надзиратель падает. Городовые бросаются на Максима, начинают избивать.

— Эх, Максим! — кричит Поливанов, бросаясь на выручку, но его схватили и бьют, топчут, колотят головой о койку.

И потом обессиленных, избитых до полусмерти, обоих втолкнули в грязный, наполненный водой карцер, швырнули на пол. С грохотом захлопнулась дверь. Ничего больше не слышно. Темнота.

Оба узника лежат почти без сознания на полу. Потом Максим, собрав последние силы, подползает к невидимому в темноте Поливанову и хрипло, почти беззвучно, лихорадочно шепчет:

— Товарищ! Пускай виселица! Пусть пропадем!.. Но только научите, как зубами глотку рвать у всей этой сволочи!

Голос его сорвался. Снова в карцере тишина, только пищат, пробегая, потревоженные крысы.

И вдруг в темноте раздается твердый и убежденный голос Поливанова:

— И кто это тебе сказал, что я пропадать хочу, хоть бы и с тобой под ручку?

Захватило дыхание у Максима. А Поливанов

после пения в камере, после побоев говорит полным голосом, со всей страстностью:

— Я еще жениться хочу.. Внуков в социалистический университет определять стану!..

В темноте едва различимо лицо обалдевшего — не столько от побоев, сколько от речи большевика — Максима.

Слышится бодрый голос, голос старшего повара и бойца:

— Пропадать!? Пропадать всякий умеет! Ты — держись! В петлю сунут — из петли лезь.

Пищат крысы, леденит избитое тело вода, врезаются веревки, но всего этого не чувствует Максим: новую жизнь видит он — жизнь, полную нестигаемого оптимизма, героической романтики.

Эта романтика говорит с ним будничным, почти ворчливым голосом учителя-большевика:

— На воле — дело. Нас ждут. Хочешь всерьез с нами, — партия возьмет тебя не пропадать — побеждать!

Часть пятая

Помощник начальника тюрьмы, елейный старик в пенсне, протягивая документы, сокрушенно говорит:

— И завтра же, молодой человек, раненько утром уезжайте из города. И разрешено тебе, молодой человек, жить повсюду, кроме губерний Санкт-Петербургской и Московской..

Максим берет документы. Старик, щеголяя памятью, наизусть, не без смака продолжает:

— ..и губерний: Тверской, Оренбургской,

Рязанской, Казанской, Владимирской, Астраханской, Калужской, Пензенской...

Под этот удручающий перечень открываются ворота тюрьмы. Летний вечер, глухая набережная, воля. А перечень продолжается:

— ..Курляндской, Лифляндской, Эриванской...

Гудят где-то речные баржи и пароходы; кажется, что весь мир открыт Максиму, но издали — монотонное, нарастающее:

— ...И в западных воспрещается: Сувалжской, Варшавской, Ковенской, Гродненской, Седлецкой, Виленской...

Как будто не будет конца перечню — губерния следует за губернией.

— ...И в восточных воспрещается: Симбирской, Уфимской, Нижегородской, Саратовской. И в южных воспрещается: Таврической, Черниговской, Ставропольской...

Максим вздохнул полной грудью вечерний теплый воздух, оглянулся, посмотрел на многооконный корпус тюрьмы — неизвестно, с ненавистью или признательностью. И торжествующий, сухой голос закончил:

— ...И в области войска Донского — нельзя!

Максим покачал головой и сказал тюрьме:

— До свиданья!

И — эхо, словно ответила тюрьма, едва слышно:

— До свиданья!

Максим идет. На улицах мало народу, проходят запоздалые прохожие, бредут, не спеша, влюбленные парочки, и никому нет дела до молодого парня.

И вдруг он вздрогнул. Мимо него прошли, оживленно разговаривая, господин приличного вида в шляпе, с палкой в руке, и девушка в изящном костюме — Наташа.

Сперва остолбенел, потом, забыв все на свете, бросился вдогонку, почти нагнал и, задыхаясь от счастья, радостно окликнул:

— Наташа!

Девушка и господин остановились, повернули головы, заглянули на просто одетого парня. Он сияет, не в силах сказать что-либо. Наташа удивленно смотрит на него, словно никогда и нигде не встречала, пожала плечами и, взяв под руку господина, идет дальше.

Тоненько прогудел пароходик на реке. Максим стоит оглушенный, с остановившимся дыханием. Потом повернулся, пошел медленно назад, согнувшись, не видя, куда идет. Наткнулся на кого-то, раздался визгливый крик:

— Дурак!

Летняя ночь темна и душна, мир жесток и темен, и нет в нем места Максиму.

Скамья в каком-то углу набережной. Максим механически опускается на нее, сидит, опустив голову.

Потом — неизвестно, околько прошло времени, — раздались легкие шаги. Кто-то подошел, кто-то сел рядом с Максимом.

Он безучастно поднимает голову. Наташа сидит на скамье, смотрит на него укоризненно и сердито говорит:

— Во-первых, какая я тебе Наташа, когда я уже полгода, как Мария Ивановна Во-вторых, прямо из тюрьмы... при посторонних... на улице!.. Дурак!

Максим глядит на нее ошеломленный, окаменевший. И вдруг, поняв все, с силой хлопнул себя по лбу, негромко, но яростно и восторженно восклицает:

— Дурак! Дурак! Дурак!

Наташа качает головой но глаза ее улыбаются. Не выдержав, она смеется, и Максим залился счастливым, безудержным смехом. Хохочет, словно весь мир принадлежит ему — изгоняемому из тридцати трех губерний.

Звонко переключаются пароходики на Неве, и Наташа тепло спрашивает:

— Куда же ты теперь, Максим?

Максим улыбнулся и поворит почти весело:

— В Санкт-Петербургской нельзя. В Московской нельзя. В Киевской, Харьковской, Ломжинской и еще в тридцати трех губерниях... нельзя..

И, любовно подмигнув (Наташе, почти торжественно заключает:

— Так что жить я буду.. между небом и землей!

И МАКСИМ НАЧАЛ ЖИТЬ МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

На берегу реки, на лужайке лежит Максим с гитарой в руках и, словно предаваясь сладчайшему из занятий — беззаботному отдыху, играет и чувствительно напекает:

Люблю я летом с удочкой
Над речкою сидеть,
Бутылку водки с фрюмочкой
В запас с собой иметь...

Немного поодаль сидит какой-то беспокойный

пожилой рыболов, погруженный в свое занятие.

Максим лежит и поет, вполне довольный собой и своим лением. Мимо прошел какой-то человек; он как будто заблудился в здешних краях, наклонился к Максиму, о чем-то его негромко спрашивает; Максим любезно и вполне равнодушно отвечает, человек идет дальше, а Максим поет следующий куплет:

Приманка рядом в сумочке;
Насадишь на крючок,
Закинешь, выпьешь, рюмочку
И ляжешь на песок...

Заблудившийся человек почему-то подошел к рыболову и обменялся с ним двумя-тремя словами, а затем, оглянувшись, пошел в кусты.

А подле Максима — другие двое, явные любители дачного отдыха. И им Максим отвечает терпеливо, отчужденно, и попрежнему поет, всем своим видом являя образец безделья:

Лежишь, а рыбка клюется,
Сомнение — далеко
Порою так наклюешься,
Что встать уж тяжело.

Так в летний день, безоблачный, солнечный, отдыхали на берегу Максим, поодаль — совершенно незнакомый ему рыболов, а мимо них проходили какие-то люди, обменивались с ними малозначущими замечаниями и исчезали в кустах.

Не идут больше люди. Рыболов встает, подходит к Максиму и, оглянувшись, говорит:

— Кажется, все. Я останусь здесь, а ты — поди, послушай!..

Максим с полной готовностью и с видом беззаботного фланера — пиджак внакидку, брэнча на гитаре — в свою очередь углубляется в кусты.

И вот уже перед ним лесок, он проходит мимо деревьев, остановился, прислушался, стал серьезен.

Небольшая полянка, окруженная деревьями; на ней—человек сорок рабочих лежат, сидят на пнях и поваленных стволах. Шелестят листья и, пролетая, поют птицы то тонко и звонко, то резко. Невысокий человек в русской рубашке спрашивает:

— Кто с Путиловского? Ты, Тарас?

— Я! — отвечает человек с усами, как у моржа.

— Сколько большевиков на Путиловском?

Человек с большими усами горделиво улыбается и говорит:

— Что ж, товарищи, наши путиловцы всегда впереди. Тридцать большевиков на Путиловском, товарищи!.

Пронесся одобрительный шопот. Птицы порхают и щебечут, как бы удивляясь по-своему. Слышен дальше вопрос, и чихоточный рабочий говорит:

— Я из Колпина. Три года назад днем с огнем не найти было наших, а теперь... Довели! Штрафами, волчьими паспортами.. Ну, и мы поработали. Двадцать пять человек! Армия!

И еще кто-то откликается:

— Пять большевиков на Кирхнера. Был шестой, вчера взяли..

Один за другим встают делегаты, звенят ставные имена питерских заводов и фабрик: Лесснер, «Айваз», Балтийский, «Треугольник», Сан-Галли, Парвиайнен, Александровский, Семяникова, Обуховский, Розенкранц, «Феникс» Эрикссон, Нобель, «Экономайзер»...

Звучат цифры — странное маленькое количество большевиков, только десятки, но и они наполняют гордостью, кажутся неслыханным достижением; перечень звучит, как фанфары; слушая его, ободряются люди. И Максим, поблизости ют полянки, с радостью говорит сам себе:

— Много нас!

Человек в русской рубашке говорит:

— Слово предоставляется докладчику.

Поливанов, стоящий сбоку у дерева, выходит на середину, все взоры обращаются к нему; он оглядывает сидящих. Он видит старых товарищей, вместе с ним прошедших суровые испытания годов реакции; он видит и много новых посланцев заводов и фабрик, людей, поднимающих по зову партии огромные предприятия.

Поливанов вынимает из кармана рукопись. Солнце бьет ему в глаза. Жмурясь, он говорит:

— Товарищи! Я прочту вам письмо, присланное нам из-за границы... товарищем Лениным...

И все сорок человек подались вперед.

Поливанов читает:

— «Начинается полоса нового подъема. Никакие преследования, никакие раоправы не могут остановить движение, раз поднялись массы, раз начали шевелиться миллионы. Престе-

дования только разжигают борьбу, втягивают в нее новые и новые ряды бойцов. Наша партия переживает трудные дни, но она непобедима, как непобедим пролетариат...».

В отдалении от полянки попрежнему сидит рыболов. Человек в келке подходит к нему, просит прикурить. Рыболов, чуя недоброе, хочет закричать. Но сзади его уже схватили, заткнули рот.

Соблюдая молчание, придерживая оружие, чтобы не звенело, полицейские, жандармы и шпики идут цепью сквозь лес, идут медленно, но неуклонно.

Как тихо ни идут они, Максим, стоящий вблизи от полянки, насторожился, сделал несколько шагов вперед. В этот момент на него сзади набросились шпики. Он едва успел крикнуть, как ему заткнули рот.

Но крик его услышан. Вскочили рабочие на полянке. Поливанов кричит:

— Товарищи! Спокойно!

И все без шума бегут в разных направлениях.

Теперь полиция не скрывается. Городовые бегут, свистя, размахивая револьверами. Громкий крик:

— Стой! Стрелять начнем!

И сразу выстрелы. Лес наполнился шумом.

В кустах на земле лежит Максим с заткнутым тряпкой ртом. Сторожит его измызганный шпик, весьма довольный и гордый победой. Он насмешливо говорит:

— Вы не вырываетесь, господин социал-демократ! 155 нижних чинов, 7 надзирателей, 3

пристава и сам господин начальник охранного отделения! Не уходите!

Еще более разнежившись, уже улыбаясь, продолжает ласково и конфиденциально, как другу:

— Последних ваших людей берем, партийные сливочки. Генералов берем, всему делу конец! Крышка!

Упоевший, он сплюнул. Не замечает, что Максим незаметно высвободил руки из пут.

— Так что вы лежите спокойно, господин большевик!

В ту же минуту Максим со страшной силой схватил его, бросил на землю, заткнул рот тряпкой.

По всему лесу идет стрельба, погоня за рабочими. Прорвавшись через цепь, бежит Поливанов. Откуда-то выстрел. Поливанов вдрогнул. Побежал, стиснув зубы, дальше. Скатился в какой-то овраг, лежит без движения.

Откуда-то сбоку вынырнул Максим, ахнул. увидав Поливанова, бросился к нему, Поливанов открыл глаза, увидел Максима, сердито говорит:

— Чего ждешь? Беги к Наташе!.. Чтобы была листовка.. Слушай текст!..

Обессиленный болью, падает. Максим в отчаянии смотрит на него. Сбоку подбегают двое рабочих. Они подхватили Поливанова, и один быстро говорит Максиму:

— Беги! Мы его спрячем здесь, в ямах!..

Далекie выстрелы. Максим бросился вперед. Метнулись навстречу деревья, чаща леса. Максим пропал в ней.

Часть шестая

На всех дорогах стоят сторожевые церберы в мундирах. Расставив ноги, заложив руки за спину, они окидывают окрестности пытливым взглядом, выскивают омрачающие горизонт империи точки.

В этот воскресный праздничный день с особенной тщательностью были закрыты все дороги, ведущие из дачной местности в Санкт-Петербург. Один подле другого, почти вплотную, почти сплошным кольцом югрядая столицу, стояли дюжие полицейские, прохаживались отменные околоточные, разъезжали — пять шагов влево, пять шагов вправо — конные городовые.

В этот воскресный день зашумел, захрустел кустарник, показался человек, истерзанный, исцарапанный, потный — беглец Максим.

Надо бежать. Но в сорока шагах от кустарника, расставив ноги, заложив руки за спину, ощущивал горизонт пытливым взглядом цербер в мундире.

Надо бежать. И Максим лезет через кусты, прочь, прочь.

Вылезает на полянку, заваленную остатками многочисленных пиршеств: бумагой, селедочными хвостами, коробками от консервов, бутылками, картами. На этой полянке, на траве и в гамаке расположилось многочисленное семейство: кушает это семейство завтрак под громкие звуки трубастого граммофона, мелькают жадные руки, идет чавк, хруст, икота, и из трубы граммофона слышен нелепый хохот Бим-Бома:

«Прихожу на базар, опять та же барышня...
Прихожу в лавку, опять та же барышня... Иду
назад, опять...»

С курицей в руках, с набитыми ртами, замерло счастливое семейство, увидав вылезшего на полянку изодранного Максима.

И сию же минуту отец семейства, отложив газету «Речь», орет благим матом, ища спасения:

— Городовой!

Как от страшной картины, отступает Максим, бежит, спотыкаясь, проваливаясь в болото, в воду, карабкаясь вверх, а вдогонку ему — идиотский хохот и голос Бим-Бома:

«Прихожу домой—опять та же барышня...»

Уже далеко позади полянка; Максим выбрался на открытое место и падает бессильно в траву, лежит—нет сил бежать...

Надо бежать.

И Максим, пошатываясь, начинает подниматься, хочет идти, вдруг остановился.

На него серьезно смотрит взлохмаченная девчонка с корзинкой.

Максим тупо глядит на нее, а девчонка строго говорит ему чуть дрожащим голоском:

— Ты чего?

— А ты чего? — едва слышно спрашивает Максим.

— Мне надо обед отцу отнести на работу.

— А где у тебя отец работает?

Девочка испытующе на него смотрит и обстоятельно отвечает:

— Тут рядом, в депо работает.

Максим просто, по-товарищески говорит:

— Отведи меня к отцу!
И девчонка так же просто соглашается:
— Идем!

Паровозы, стоящие в депо, шипя выпускают пар. Мимо масляно-потных паровозов проходят грязноблестящие кочегары и машинисты, дым и пар изредка окутывают их.

Максим стоит у большого камня, ждет. В сотне метров от него проезжают конные городовые — прохода, проезда нет.

Перемазанный человек — рабочий из депо — подходит к Максиму. Сзади остановилась, серьезно поглядывая и отправив весь кулачок в рот, — девчонка.

Рабочий недоуменно, неуверенно смотрит на Максима. Сбоку тихо ворчат паровозы, шипят, выпускают пар, стучат молотки. Рабочий негромко спрашивает.

— Тебе чего надобно?

Максим хрипло отвечает:

— В город мне надо.. Полиция здесь меня ищет..

Гудят паровозы. Рабочий, опустив голову, смотрит в землю. Девчонка все еще держит кулачок во рту.

Отец ее без особенного выражения говорит:

— Узнают, уволят...

Максим, бледнея, подтверждает:

— Уволят..

Рабочий поворачивается и идет прочь в депо. Девчонка вздрогнула, вынула изо рта кулачок. И Максим окидывает безнадежным взглядом горизонт.

Ворчат паровозы, проехался назад и вперед

маневровый, рельсы скрежещут под его тяжестью.

Прошло несколько мучительных секунд. Идет назад рабочий, подошел к Максиму, протянул ему замасленную куртку и, когда тот надел ее, молча повел за собой.

Трое рабочих ждут их. Они мрачно смотрят на Максима, словно всего его ощупывая. Ни слова никто из них не сказал. Тесным кольцом окружили они Максима, ведут его в другой конец депо.

Стоит на пути небольшой маневровый паровоз. Кочегар и машинист сходят.

Один из рабочих, старый и длинноусый, подходит к ним. Он что-то говорит, и все глядят без признака волнения на Максима. Потом кочегар говорит громко и весело:

— Ладно, старый чорт! Один раз в жизни помирать! Давай, парень, лезь!

Максим, сам себе не веря, лезет на тендер, но сил нехватило. Тогда грубым движением кочегар подбросил его. Максим свалился на пол.

Гудят паровозы, на мгновение мелькнул на горизонте городовой, а внизу, у колеса тендера стоит лохматая девочка, и кулачок вновь отправлен в рот.

На Максима посыпалась куча угля. Маневровый загудел и, дерзко нарушая все законы и графики, пошел вперед.

Закрежетали рельсы. Пронзительно прогудел маневровый. Отозвались остающиеся в депо паровозы глухими гудками.

Промелькнули на страже дорог конные городовые. Паровоз пошел. И пошел, и пошел.

Максим в своей черной удушливой берлоге размазывает грязной рукой по лицу беспричинно текущие слезы и что-то говорит про себя такое хорошее, отчего на десять лет дольше живешь и радуешься жизни.

Паровоз летит в Петербург. Промелькнул целый наряд полиции, стоящий на пути. Полицейские провожают взглядами одиноко летящий маневровый.

Потом раздался тревожный рожок стрелочника. Стрелочник машет флажком, кричит что-то.

Кочегар прыгнул, подбежал к нему, говорит с ним грубо и фамильярно. Потом бежит назад, лезет на тендер.

И стрелка переведена; гроыхая и гудя, паровоз пролетел.

Снова — полиция.

Кочегар насмешливо глядит на полицию, оставшуюся позади, машет ей рукой.

Потом наклоняется к угольной куче, под которой лежит Максим, и спрашивает:

— Собрание что ли было?

Из угольной кучи глухой ответ:

— Собрание.

Паровоз летит, гудя. Кочегар вновь спрашивает угольную яму:

— Придешь рассказать, что делать надо?

Паровоз летит, и угольная яма отвечает:

— Приду!

Рука высунулась из угля; крепкое рукопожатие.

Пронзительный, торжествующий гудок паровоза. Замелькали трубы заводов, дома, булыжник мостовой. Город.

Рука, еще не вполне отмытая от угольной пыли, стучит в дверь.

Наташа подходит к двери, открывает. На пороге — Максим. Он хотел что-то сказать, и вдруг замер, глядит мимо Наташи в комнату.

Там, у стола, за самоваром сидит толстый, веселолыцый городской, с сопением и причмокиванием пьет чай из блюдца и глядит на Максима.

Наташа, всплеснув руками, радостно восклицает:

— Братец! Как давно ты не заходил! Вот радость!

Вводит еще растерянного Максима в комнату.

Городовой поставил блюдце, ласково улыбнулся и с явной претензией на юмор замечает:

— Братца дождались? Должно быть не любит он вас, не навещает..

Наташа, улыбаясь, говорит:

— Очень любит, Иван Семенович!

И украдкой ущипнула Максима. Максим, сбалдело вздрогнул и торопливо говорит:

— Очень люблю!

Старательно и неуклюже целует Наташу. Городовой оглушительно хохочет. Доливает чай, встает, берет фуражку, с приятностью говорит:

— Ну, я пойду. Люблю заходить к вам, соседка. Тихо и богобоязненно вы живете. Думаю, не посвататься ли за вас?

Еще промогласнее захохотал. Выходит, отковыряв Максиму.

Наташа провожает его, закрыла за ним дверь, идет к Максиму. Из другой комнатки вылез прятавшийся там старый рабочий. Оба глядят тревожно на Максима.

Максим говорит отрывисто:

— Конференция арестована.. Поливанов ранен..

Вздрыгнула Наташа.

Максим продолжает:

— Нужна сейчас же листовка, а писать некому..

Пауза.

— Я напишу, — говорит Наташа, преодолевая волнение, и идет к столу.

Садится и пишет, подыскивая слова, повторяя вслух:

— «Товарищи! Гнет реакции усиливается. В тюрьму попали лучшие представители рабочего класса — Петербургский комитет...»

Слезы у нее на глазах..

И тут Максим, молча слушавший, вдруг встал порывисто и сказал, впервые резко, авторитетно и вместе с тем любовно:

— Не то! Разве так надо писать?

Сжал руками лоб. Наташа и старый рабочий с недоумением смотрят на него. Максим отнял руки ото лба и говорит:

— А ну, пиши!

Видя, что Наташа колеблется, повторяет ласково и уверенно:

— Пиши!

И он диктует горячо, одушевленно:

— «Ходят слухи, что Комитет партии арестован. Не верьте, товарищи! Комитет партии на свободе, действует, и лучшим доказа-

тельством является эта листовка! Да здравствует забастовка солидарности!»

Старый рабочий удовлетворенно вздохнул, посмотрел на Максима и сказал:

— Это, пожалуй, ничего!

Стоящий внизу, в подвале, печатный станок пришел в движение, зашумел, заработал.

Прокламация, сочиненная Максимом, — в руках Поливанова. Он сидит в большой комнате, и перед ним Максим, новый Максим, повзрослевший, сосредоточенный, но с тем же радостным взглядом.

Поливанов говорит:

— Ладно. Листовка эта пригодилась. Теперь тебя можно пустить на самостоятельную работу. В Сормово ждут людей. Там трудно. Значит, ехать стоит. Давай, собирайся, Максим!

И в тоне, которым он говорит это имя, и в улыбке — беспредельные ласка и доверие. Он встал, положил руку на плечо Максиму:

— Шагай, Максим! Хорошо шагай! Помни, кто ты есть: питерский большевик. Снарядить ему паспорт!

Сидящий за столом человек в студенческой тужурке искуснейшим образом, при помощи надрезанного крутого яйца, переводит с какого-то удостоверения печать на свеженький паспорт.

И, вручая его Максиму, с веселой усмешкой, назидательно говорит:

— Получай, Максим! И привыкай. Максим: больше ты не Максим, а Павел. Павел Агафонович Малаканов.

ТАК КОНЧИЛАСЬ ЮНОСТЬ МАКСИМА

Передняя. Стоят друг против друга Максим и Наташа. Он не находит слов для прощанья, а Наташа с задумчивой улыбкой говорит:

— До свиданья, Максим! И какое же это будет свидание? На этапе, на явке? А может быть, черт его знает, на улице, на баррикаде. А сейчас — до свиданья, Максим!

Она протягивает ему руку. Он берет ее руку и, вдруг притянув Наташу к себе, крепко, очень крепко целует.

Потом отстранился. Смотрит на Наташу затуманенными любовью и грустью глазами. Попрежнему нет слов. Но в памяти возникает любимая, глупая и чудесная песня—песня юности, с которой он прощается, песня, звучавшая при первой их встрече. И он тихо, с невыразимой любовью улыбаясь Наташе, поет:

Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой.
Крутится, вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть...

Он идет, Наташа остается одна, глядит ему вслед и с ласковой улыбкой тихо говорит:

— До свидания, Максим!

И песня звучит, теперь уже под звуки тихого баяна:

Где эта улица, где этот дом?
Где эта барышня, что я влюблен?
Вот эта улица, вот этот дом,
Вот эта барышня, что я влюблен.

Льет солнечный радостный дождь.

По большой дороге Российской империи, навстречу просторам и городам, на пути к станции идет пешеход в простом костюме, с мешком за плечами.

Звучит обещаьем и радостью баян. И женский спокойный радостный голос медленно и напутственно повторяет:

— Счастливым путь, Максим!

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАКСИМА

Пролог

Север Сибири. Снег и мороз. Двое оссыльных в рваных тулупах пилят дрова.

Поодаль — разбросанные редкие избы настила — сибирской дереvушки.

Пильщики останавливаются, отдыхают, тяжело, густым паром дышат.

Тишина.

— *Auis vult perdere—dementat*,—торжественно говорит один и сам переводит:—Кого хочет погубить, лишает разума!

Второй, бородатый веселый парень, вздыхает и говорит в свою очередь:

— Очень тебя прошу без цитат! Я тебе—все из жизни, а ты постоянно цитатами.

He слушая, первый продолжает:

— Споришь, споришь с вами, а все без толку! Не слушаете вы голоса разума, голоса теории! Ну, можешь ты один распилить бревно?

— Наверяд, — отвечает второй.

— А революцию делать — не дрова пилить! — язвительно добавляет первый. — Тут нужна теория. Без теории умрешь.

— Зачем умирать? Я к знакомым пойду.

— К каким знакомым?

— Кругом знакомые. Всего два тысячи верст, в Туруханском крае Джугашвили сидит, рядом с ним Спандарян сидит, а совсем близко, полторы тысячи верст — Свердлов Яков Михайлович живет. Все знакомые. Со мной знакомые и с теорией знакомые.

— Ну, и шли с ними! — сердито отвечает первый, бросая пилу.—А я не буду!

— Ты пили, лучше пили! — флегматично замечает второй. — А то плохо пилишь, неровно пилишь, придется мне другого позвать.

— Какого другого?

Бородатый парень медленно поворачивается, всматривается вдаль: лицо его озаряется радостной улыбкой. Показывая рукой, он восклицает:

— А вон, видал? Другой идет. Замечательный парень идет!

Снега и трескучий мороз; угрюмый бессолнечный день; вверх и вниз меж унылых елей и лиственниц вьется тропинка. По ней, сгибаясь под тяжестью хвороста, бодро идет человек в рваном тулупе. Звонкая песня оглашает тайгу:

В голове моей мозг иссыхает,
Сердце кровью мое облилось, —
За измену коварного друга
Пострадать, значит, время пришло.

Песня слышней и слышней. Идет по снежной тропинке человек. Пар летит от него вместе с песней:

Сяду я на корабль трехмачтовый
И покину родимый предел.

Поищу я судьбы себе новой,
Если старой сберечь не сумел.

Жестокий мороз. Человек в рваном тулуне подходит к пильщикам, промком, с чувством поет:

Там, где вьется река Амазонка,
Там не буду тебя вспоминать!
Буду петь и смеяться я звонко,
Буду южных красавиц лобзать!

Человек остановился, сбросил хворост, выпрямился; улыбка на заросшем лице. Он говорит:

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравствуй, Максим!—приветливо откликаются работающие, продолжая пилить.

— Рапортую,—делсвито говорит Максим, доставая из-за тулупа топор. — Потепления не предвидится, в южном районе умеренные осадки, пахнет поздней весной

Визжит пила, второй пильщик, усердно работая, спрашивает:

— А не заметил ли ты, не пахнет ли в воздухе революцией?

Максим приготовился колоть поленья, поднял топор, говорит, мечтательно глядя вдаль:

— Хороший ветер дует из Питера! Стачками дует, демонстрациями! (Бьет сразмаху). Эх, мне бы туда! (Удар топора, летит полено.) Я б поработал! (Новый удар.)

— Товарищи!—раздается вдали голос.

Все повернулись. По снегу быстро идет, направляясь к ним, пожилой человек в очках.

— Старосте привет!—отдает честь топором Максим.

Староста останавливается, с трудом переводит дух, потом, оглянувшись, лезет за пазуху, достает какую-то бумагу и говорит очень взволнованно, медленно, по временам мучительно кашляя:

— Я оказией получил письмо. Для одного из нас—мы решим, для кого —большая в нем радость.. Наши друзья, там на свободе, не забывают нас..

БЫЛО 1 МАЯ 1914 ГОДА

Крутится снег. В белом дыму пурги движется странная процессия. Пять человек ссыльных идут и поют:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам не надо золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог!

Рядом со старостой шагает Максим, в руке его—палка, на палке—красный бьющийся в вьюге платок.

Мы пойдем к нашим страждущим
братьям,
Мы к голодному люду пойдем...

Пять человек идут, с трудом продвигаясь вперед, преодолевая мятель. Маленький тунгус бежит рядом и подпевает по-своему. У редких невзрачных изб стоят крестьяне, глядят на шествие. Придерживая шашку рукой, бежит издалека урядник.

...И пошлем мы злодею проклятье,
На борьбу мы его позовем...

— Прекратить пение!—кричит урядник.—
Разойдись!

Ссылные проходят, не глядя на урядника.

Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на борьбу, сюд голодный!

Проходит процессия. Урядник схватил маленького тунгуса, со злобой швырнул его в снег. Мальчик вскакивает и, не плача, весь в снегу, бежит за процессией.

Урядник грозит кулаком. Снег закрывает его.

Снег расходится. Пятеро ссыльных стоят близ избы. Сзади—крестьяне, дети. На ящике стоит староста. Кружится снег.

— Я вижу,—говорит староста,—как по окропленным кровью пятого года московским улицам шагают сегодня металлисты-гужоновцы, ткачихи Трехгорки... Я вижу знамена в лучах майского солнца, вижу друзей наших, поющих о нас... Я слышу..

В свист пурги врывается вдруг звон колокольчиков. Прервалась речь. Стоящие повернулись, прислушались, глядят вдаль. Все ближе звон. Вылетают из снега сани, звонят колокольцы, ящик кричит:

— Тру!

В санях поднимается какое-то бесформенное существо. Ссылные стоят, не двигаясь. Потом кто-то подтолкнул Максима. Максим бросился вперед:

— Жена!

Бежит к месту происшествия урядник.

Из саней вылезла, стряхнула снег молодая женщина. Максим схватил ее, притянул к себе, судорожно обнял, целует.

Падают снег, глазают крестьяне; ссыльные отвернулись.

Ямщик докладывает уряднику:

— Жену привез господину ссыльному.

С невыразимой любовью, со счастливым лицом Максим восклицает:

— Дорогая, любимая..

И быстро, совсем тихо:

— Ваше имя?

Тихий ответ:

— Наташа.

На секунду Максим оцепенел, потом, спохватившись, громко и восторженно кричит:

— Наташа! Милая! Наконец-то!..

Кто-то из ссыльных завистливо вздохнул:

— Везет же человеку!

Урядник, хмыкнув, сказал:

— Слава богу! Теперь не убежит!

За дырявым окном свистит вьюга. В бедной избе сидят ссыльные, слушают тихий рассказ девушки:

— Я никогда и не знала, что можно так далеко, так долго ехать! Еду, еду, думаю верно всю жизнь буду в пути, с тряской в санях, с бранью урядников. Буду ехать и не доеду, а ведь тут человек ждет! Ведь в России люди нужны! В страховые кассы, в больницы кассы, в союзы, в общества. Надо доехать! Ну, вот и доехала!

Пауза. Ревет за окном лурга.

Дверь отворяется, на пороге—урядник.

— Время по домам, господа!

И, подмигнув:

— Опять же супругам—покой!

— Правильно,—говорит староста.—Прощайтесь, товарищи!

И, пока урядник открывает дверь, ссыльные один за другим крепко, очень крепко жмут руку Максиму.

Потом идут из избы. Максим и девушка стоят в нежной позе. Ветер колышет пламя семилинейной лампочки.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

На улице метет пурга. Ссыльные закутываются крепче.

— Ну, ночь у них...—говорит урядник, подмигивая, и, не закончив, удаляется.

Максим и девушка все стоят, прижавшись друг к другу. Тишина. Только треск дров в печи. Максим отстраняется от девушки.

— Тут все,—быстро и деловито говорит она, показывая на мешок.—Сколько могли.. денег.. Паспорт.. Костюм.. А вот явки..

Протянула листок Максиму. Максим задержал ее руку в своей:

— Вы вправду Наташа?

— Наташа.

Максим вздыхает.

— У вас.. тоже Наташа? — тихо спросила девушка.

— Исчезла.. Не знаю куда.. Ну, спасибо товарищ!

— Прощайте,—говорит девушка, — Может быть, на прощанье поцелуемся?

Целуются. Максим взял мешок, идет. Открылась дверь.

Тишина. Ночь. Падает снег.

Девушка глядит вслед Максиму. Вдруг тихо:

— Товарищ! Я бы хотела знать ваше.. настоящее имя..

.. - Максим..

В сплошной пелене снега пропадает Максим.

Утро. Свинцовая темнота. Изба Максима. Легонько скрипя сапогами по снегу, подходит к окну урядник. Прислушался.

Слышен тихий голос девушки:

— Милый, молчи!. Ну, вот и встретились!. Вот и нашли друг друга.. И опять вместе.. Не будем говорить, помолчим.. Ты не волнуйся, я это от радости плачу.., что больше не расстанемся..

Урядник стоит молча. Хотел хмыкнуть и воздержался. На цыпочках, еле скрипя сапогами по снегу, ушел.

Изба. На койке лежит девушка. Она слушает: скрип сапог смолкает в отдалении. Тогда девушка хитро улыбается.

Грохочет лед, вскрывается бурно река. Гулко трещат, ломаясь, льдины, лавиной несется бугорчатое белое поле. Потом кружится, мчится вода. Солнце.

По мокрой, сырой тайге бегут, что есть мочи, Максим и старый крестьянин. Мелькают деревья.

— Стой!—хрипит крестьянин и падает на землю.

— Беги!—кричит Максим и сам падает.

— Нет моих сил!—говорит крестьянин.—Не судил бог тебя из тайги вывести..

Через тайгу идут понятия, держа собак на

привязи, винтовки в руках. Впереди идет стражник. Собаки рвутся и лают.

Максим лежит на земле, выбившись из сил. Тяжело дышит рядом крестьянин. Максим поднялся, бросил деньги крестьянину, внезапно окрепшим голосом говорит:

— Понимаешь ты, надо!

И пошел, ускоряя шаг, быстрее и быстрее, бегом..

Яростный лай собак: идет—винтовки в руках—погоня.

Берег реки. Подходит, шатаясь, Максим. К дереву привязан челнок. Максим отвязывает его, хватая лежащий толстый сук, чтоб оттолкнуться. Слышен собачий лай. Из тайги бежит огромный пес, бросается на Максима. Максим бьет его дубинкой, пес падает. Максим прыгает в челнок, отталкивается, река уносит его.

По тайге, едва сдерживая собак, бегут понятияе.

Они вышли на берег. Лежит мертвый пес.

По реке, сопротивляясь течению, в легком тумане плывет челнок. Льдины проскакивают слева и справа, грозя раздавить его. Стражник, понятияе, плохо целясь, стреляют. Туман закрыл челнок.

— Убит,—говорит стражник.

Несется река. На ней—пустой челнок.

— Н-но! — кричит ямщик, запрягая лошадей. В стороне стоят два других ямщика, лениво наблюдают.

— Должно быть, по торговым делам,—замечает один.

— Однако вымок!

— Садись, барин!—весело говорит молодой ямщик.

Перед возком стоит Максим. Он неузнаваем: на нем приличный костюм, шляпа, борода подстрижена, держится он с важностью. Влезает в возок.

— Ну, держись!—говорит ямщик, подмигнув приятелям.

Лошади рванули и понесли.

Дикая скачка.

Повозку кидает из стороны в сторону.

Ручеек. Лошади проскакивают в вихре брызг.

Впереди—крутая гора.

— Куда?—орет, еле держась, Максим.

— Прямо!—кричит ямщик.—Знай Сибирь! Э-эй!

Гикнул, свистнул. Еще быстрее понеслись. Взлетели на гору. словно несутся по воздуху, к солнцу. Победное ржанье коней.

Стук телеграфного аппарата. На столе у телеграфиста лоскут бумажки, на нем каракули, видны отрывочные слова:

«Приметы... Тулуп... Борода... Рост средний...»

Телеграфист уныло стучит и вслух перевел последнее переданное слово:

— «Не обнаружено!»

Вокзал. Мерными шагами по грязным комнатам проходит жандарм. На скамьях, на

окнах, на полу сидят, стоят люди. Спят бабы, изредка вскрикивают дети. Парень из деревни тоскливо перебирает клапаны плохонькой гармошки.

У дрянного буфета «первого класса» стоят господа. Проходит, оглядывая публику, жандарм. Перед стойкой—господин с бородкой, в мягкой шляпе—коренной сибирский житель—и Максим, вновь изменившийся, прилично одетый, с усиками, в котелке. Едят бутерброды, ведут разговор.

— В Киеве кланяйтесь Матильде Ивановне,¹—говорит господин.

— Сочту долгом,—говорит Максим, прожевывая бутерброд.

— Может быть, попадете в столицу... Завидую. Исаакиевский собор, Зимний дворец, балет, опера... Вы любите оперу, Федор Петрович?

— Обожаю, — мычит, доедая семгу, Максим.

Парень с гармошкой лениво, но все более увлекаясь, играет мелодию старого вальса: «Крутится, вертится»... Лицо Максима не меняется. Проходит жандарм. На перроне зазвонили в колокол. Приближается поезд. Господин с бородкой и Максим обмениваются крепким рукопожатием. На перрон, грохоча, влетает поезд. Гудок.

— Счастливой работы!—пользуясь суетой, горячо говорит господин.

— Прощай, Сибирь! — говорит Максим.

Гармонь разливается, пытит паровоз, дребезжит второй звонок.

Часть первая

Гром военного оркестра оглашает улицы Санкт-Петербурга. По улице мерно катит пролетка: в пролетке сидит хорошо одетая дама. Она рассеянно поглядывает налево и направо.

Жаркий июньский день. Под звуки марша проходят плотные, задыхающиеся под тяжестью амуниции пехотинцы. Газетчик выкрикивают последние события. Грохоча, парит над столицей полотняный биллан. Зеваки глядят на него с тротуаров, задрав головы.

Пролетка остановилась, дама неторопливо сходит, расплачивается, идет по улице.

Она входит во двор большого серого дома.

Поднялась по лестнице. Второй этаж. Дверь. Дама звонит.

На двери дощечка:

Андрей Ефимович

ТУРАЕВ

депутат

Человек в потертой тужурке технолога встречает даму в передней, улыбается и приглашает ее пройти в комнату.

Оттуда несется зычный голос:

— Я хочу узнать, на каком основании вчера запретили рабочее собрание на Охте?

В комнате у телефона стоит плотный муж-

чина с черными усами, в подтяжках; он громко кричит в телефонную трубку:

— Да, говорит член Государственной думы Тураев!

Мимикой приветствует вошедшую в комнату женщину, сейчас же адресуя яростный жест в сторону телефона.

— Тогда я буду иметь честь (сжал кулаки) лично говорить с господином министром..

Мое почтение!

Вешает трубку.

— Здравствуй, товарищ Елена! Извини за..

Звонок телефона. Тураев нетерпеливо снимает трубку:

— Да, Тураев у телефона. Что такое? Какой вечер? О вегетарианстве? Не смогу. Занят. Мое почтение!

Повесил трубку, возмущенно крикнул. Елена, в которой мы узнаем старую знакомую—Натану, и технолог улыбаются. Яростно зазвонил телефон. Тураев с видом мученика слушает:

— Я у телефона. Кто?

Глаза его округлились. Под сурдинку общается Наташе:

— Говорит добрый русский молодец.. (В трубку.) Что угодно?

Слушает меланхолически, снова в сторону:

— Морду обещает бить. (В трубку.) А-а.. Хорошо-с.. Мое почтение!

Умученно вздыхает, глядит на Натану. Она и технолог хохочут. Тураев не выдерживает, тоже хохочет. Спрашивает Натану:

— Что нового?

— Свежая корреспонденция!—говорит Наташа и вынимает из корсажа увесистое письмо.

Тураев радостно вцепился в него:

— Из Кракова! Здорово! Нужно сейчас же Николаю!

Подходит к стене, стучит в нее, потом вместе с Наташей идет в соседнюю комнату. Вновь звонит телефон, технолог берет трубку.

— Квартира депутата Тураева. С какого завода? С Нобеля? Ты что же не знаешь, что к своему депутату в любой момент можешь зайти? А еще рабочий! Хорошо, завтра..

В соседней комнате невысокий человек с копной волос, с маленькой черной бородкой, сидит над большими листами бумаги, держа карандаш в руках. Поднял голову. В воспаленных от бессонницы глазах — приветливая улыбка.

— Письмо от Ильича, Николай,—говорит Тураев, протягивая конверт.

Николай вскочил, осмотрел конверт со всех сторон, облегченно вздохнул:

— Кажется, мимо охраны проехало!

Вскрыл письмо. Оттуда падают на стол четыре мелко исписанных листочка.

— Статья!—говорит Тураев, подхватывая листки.

Николай завладел пятым, совсем чистым листком.

Наташа уже зажигает свечу, и над ее пламенем Николай держит листок. Выступают буквы, слова, строчки. Николай негромко и торопливо читает письмо Ленина.

Звонит телефон. Технолог слушает.

— Да.. Тураева.. Рабочий попал в машину? Сейчас..

Передает трубку подбегающему Тураеву.

— Да?—быстро и деловито говорит Тураев.—Сильно покалечило? Сетка предохранительная была? Ах, сволочи! Еду..

В другой комнате Николай говорит Наташе, передавая листы бумаги:

— Получай корректуру! Я кое-что выправил. Можно печатать. Только слушай, товарищ Елена, одно не годится..

— Что?

— Известно тебе, что на Невском заводе четвертый день идет стачка? Там уволили шесть токарей, отказавшихся сверхурочно работать над военным заказом.

— У нас об этом заметка.

— Заметка! Ее и не найдешь сразу! Выделить надо! Трезвон пускать!.. С этой забастовкой дело плохо. К ней районные меньшевики примазались. Хорошего бы парня туда! Нет у тебя, Тураев?

Уже в пиджаке и шляпе, Тураев напряженно морщит лоб. Потом щелкнул пальцами:

— Предлагаю Федора!

— Не знаю такого,—замечает Наташа.

— Мудрено и знать,—говорит Тураев,—он из дальних краев. Рвется к работе.

— Прекрасно,—говорит Николай.—Поставь его кандидатуру на ПК и пускай в дело! Много ему нужно, чтоб начать?

— Да, нет,—улыбается Тураев,—немного просит: явку для связи и гитару с хорошим звоном.

Все смеются.

— Ну, что ж,—заклучает Николай,—благо-
словный раба божьего Федора на работу и
выдай ему как партийное имущество звонкую
гитару.

И ТОВАРИЩ ФЕДОР ПРИСТУПИЛ К РАБОТЕ

Гитарный аккорд, и в сумеречной глубине
окраинной улицы появляется франтоватый
Максим.

Он тихонько и с чувством поет:

Очаровательные очи,
Что вы так сверкаете,
Что во мраке темной ночи
Блеску не теряете?
Сколько раз из-за вас
Мучился, томился...
Один раз из-за вас
Чуть не удавился!..

Девушки, прогуливающиеся группами и па-
рами с любопытством косят глаза, хихикают.

...Очаровательный носочек,
Так кокетно вздернутый,
Подарю я вам платочек,
Аккуратно свернутый!..

Белобрысая красавица в сонме подруг, по-
прощавшись с ними, пошла одна. За ней сле-
дует гитара и песня:

...С чем сравню я ваши глазки?
Обязательно — ни с чем!
Не могу сравнить их даже
С ландриновским монпансьем!

Сзади девушки вырос Максим; позванивая
на гитаре, завязывает разговор.

— Такая хорошенькая и — одна! Я так думаю, что вам скучно одной прохаживаться?

— Совершенно даже не скучно,—надменно отвечает девица, однако не препятствует новоявленному ухажору продеть руку под ее локоть.

Перебирая струны, Максим склоняется к девице и с видом человека, нашептывающего скабрёзности, спрашивает:

— Все собрались?

Девушка, стыдливо хихикнув, шепотом отвечает:

— В чайной «Ичела» сидят, в шестом кабинете..

Максим словно получил отпор, отшатнулся и громко запел:

Подарю вам на прощанье
Шаль из Каспийских морей...

Девица, гордо передернув плечами, пошла в другую сторону, а Максим продолжает путь, выразительно напевая:

...И, сказав вам «до свиданья!»,
Я уйду с тоской моей.
Сколько раз из-за вас
Мучился, томился,
Один раз из-за вас
Чуть не удавился..

Хлопнула дверь чайной, прогудел оркестрион. Максим проходит через главную залу, где пьют и шумят посетители.

Стук шаров, восклицания встречают Максима в другом зале. Матерые любители бьюгкьями в шары и объявляют заказы.

Старый рабочий в инджеке, склонившийся

для удара кием, мешает Максиму пройти. Слышны понукания:

— Давай, Ерофеич! Бей!

Удар — шар летит. Слышен чей-то сочувственный возглас:

— Промазал!

Старик сердито поворачивается, видит Максима, возмущается:

— Тьфу, нечистая сила! Двадцать шесть лет не мазал, а тут, видите ли, за спиной стоят, верный удар срывают. Теперь вот он шар положит, гляди, стрела!

Максим, стараясь пройти, с сокрушением извиняется:

— Не понимаю я, уж простите!

Стук киев о шары.

— Мимо!—раздается чей-то восторженный крик.

Старик-биллиардист расцветает, толкает Максима в бок и шепчет секретно:

— Хо-хо! А я ведь нарочно промазал! Зама-нивал! Такая у токаря Ерофеева школа!

Максим сторонкой быстро проходит, а за ним несется рев старика Ерофеева:

— Седьмого от двух бортов в угол!

Максим отворяет дверь незатейливо убранного кабинета. Дым столбом. За столом, уставленным пивными бутылками и закуской, сидят несколько человек разного вида: тут и рабочие, и молодой человек в пенсне—явно студент, и человек с седоватой бородкой, в черной рубашке, подпоясанной шнуром. Человек с бородкой кричит, размахивая рукой:

— Маркс в письме к Энгельсу от 5 декабря 1862 года писал: «Чтобы развиваться, массы должны иметь время и возможность...» А вы... — Увидав Максима: — Это, еще кто?

— Свой!—говорит один из рабочих.—Присаживайся, товарищ Федор!

Студент в пене улыбается и с комическим недоумением говорит вполголоса:

— Только гитары и нехватало!

Максим скромно проходит в угол, садится на подоконник и с благодарностью принимает переданную ему кружку пива.

— Вы,—с силою говорит седобородый человек,—спешите, обостряете страсти..

— Мы?—вскипев, стучит кулаком по столу один из сидящих. — Мы, что ли, уволили шесть человек? Мы или хозяева?

— При чем тут хозяева? — досадливо морщится человек с седой бородкой.—Дело идет о тактике социал-демократии..

Раздается громкий гитарный аккорд. Человек с бородкой привскакивает. Студент повернулся и брезгливо спрашивает:

— Что вы там делаете с гитарой?

Все повернулись к Максиму. Он с виноватым видом отвечает:

— Я думал, что товарищ хотел о социал-демократии сообщить нам, а не соседнему кабинету. Извините!

— Опять эта большевистская игра в конспирацию,—гневым шепотом восклицает седобородый.—Мы пришли сюда не для забавы! Шесть рабочих уволено,—из-за этого тысячи рабочих с Невского голодают. Мы ставим вопрос кондичио сине ква нон..

Звякнула растерянно гитара. Все обернулись. Максим сидит озадаченный.

— Чего это?—простодушно переспрашивает он.

Седобородый и студент перетягиваются, пожимают плечами.

— Не понимаю, причем тут гитара?—мягко говорит студент. — Мы ставим вопрос категорически. Забастовка на Невском заводе прекращается при условии отказа дирекции от репрессий по отношению к забастовщикам..

— Это что ж, значит, сдаемся и просим прощенья?—восклицает один из рабочих.

— Отступаем с сохранением занятых позиций,—раздраженно парирует седобородый. — Как истинные марксисты..

Звон гитары.

— Прекратите, наконец, гитару,—кричит, выведенный из себя студент.

— Извините!—флегматично говорит Максим.—Я думаю, что товарищ говорит с нами, а не с соседним кабинетом..

— Я категорически требую,—резко говорит студент,—чтобы всякие молокососы с дурацкими гитарами не мешали нашей резолюции..

— Да как ты смеешь,—восклицает один из рабочих,—так обзывать нашего товарища?

— Извините,—вежливо говорит Максим, — я за гитару не обижаюсь. Можно проверить, гитара очень хорошая. А насчет резолюции.. Как же можно кому-нибудь мешать вынести резолюцию?

— Совершенно правильно, — смягчившись, кивает головой седобородый.—Видите, товарищ еще только впервые переходит к созна-

тельной деятельности, однако уже понимает..
Разрешите огласить!

Студент достает лист бумаги и читает:

«Объединенное заседание районных рабочих организаций считает, что забастовка на Невском заводе из-за неправильного увольнения шести токарей, возникшая в неудачное время и с недостаточными возможностями, должна быть прекращена при условии беспрепятственного возвращения всех бастовавших к станкам без вычетов из заработной платы».

Общее молчание. Седобородый обводит всех умным взглядом и скоробно говорит:

— Друзья мои! Поверьте мне, старому марксисту! Главное—терпение.. Очевидно, других резолюций нет? Предлагаю голосовать единственную.

— Отчего нету?—раздается тихий рассудительный голос Максима.—Как не быть резолюции? Мне товарищи за звучный мой голос поручили прочесть резолюцию, так уж позвольте и мне..

— Товарищи! Это бог знает что! Уходит время..

— Главное, — философски замечает Максим, — терпение! Извините.

И в наступившей тишине он старательно читает:

«Объединенное заседание рабочих организаций считает, что в кабальных условиях работы на заводах и фабриках района неминуемы забастовки. Забастовки обрекают рабочих на лишения, но являются могучим средством протеста и революционного воспитания масс.

Для избежания подобных столкновений необходима коренная переделка отношений между фабрикантами и рабочими. Рабочие Невского завода вернутся к станкам только на следующих условиях: а) возвращение шести уволенных; б) удаление с завода военного заказа; в) повышение на 15 процентов расценок; г) 8-часовой рабочий день.

Да здравствует Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия!»

— Это неслыханно!—орет, вскочив, седобородый. — Ни один социал-демократ..

Звон гитары.

— Извините,—умоляюще говорит Максим,—мы же условились..

— Никаких условий! Мы не из тех крыс, что лищат в подпольи..

— Оно конечно, вы не из тех крыс,—соглашается Максим.—Только я думаю, что резолюции обычно голосуются..

— Верно! Голосовать!

— Прошу слова перед голосованием! — заявляет студент. — Я настоятельно прошу прекратить это издевательство с гитарой.

— Слушаюсь!—говорит Максим.

— Так вот, кто за первую резолюцию?

Поднимаются три руки.

— За вторую?

Пять рук.

— Ура! — восклицает молодой рабочий — Наша взяла! Ипрай туш, Федор!

Седобородый и студент быстро шепчутся.

— Так вот, — говорит председатель-рабочий,—принимается, стало быть, вторая резолюция..

— Разрешите поправку?—говорит студент.

— Давай!

— Предлагаю вычеркнуть хотя бы пункт о 8-часовом рабочем дне. Мотивирую: все пункты практические, а этот утопический. Сколько раз его повторяли, а ведь толку нет!

— И будем повторять!—сердито говорит один из рабочих.—Будем повторять, пока не добьемся своего.

— Кто за поправку? Меньшинство.

— Разрешите тогда! Я предлагаю заменить слово «неминуемы» словом «случаются» и вставить «к сожалению». «К сожалению, случаются забастовки». Смысл фактов не меняется, но только выявляется отношение. Вы же сами пишете, что лишения. Значит.

— Я против!—сердито восклицает рабочий.—Нас жалеть нечего! Мы на забастовки идем, не жалея себя. А ты «к сожалению»!

— Кто за «сожаление»? Меньшинство.

— Позвольте!—вмешивается седобородый.—У меня тоже есть поправка. Просто потому, что в вашей резолюции есть явно лишняя часть. Резолюция должна быть короткой и сильной.

— Это верно.

— Поэтому я предлагаю всю вступительную часть выкинуть. Это все общеизвестно. Тогда получится: «считает, что забастовка на Невском заводе, возникшая...» и т. д. Поймите, я вам помочь хочу! Мы делаем общее дело. Будем же делать его по-деловому!

— Это, пожалуй, верно!

— Разрешите мне!—озабоченно говорит Максим.

— Опять эта гитара!—вздрагивает студент.

— Я думаю, что действительно надо покороче. Скажем так: «Объединенное заседание рабочих организаций считает, что забастовка, на Невском заводе возникла из-за неправильного увольнения шести рабочих». И все. Коротко и сильно.

— Боже мой, с кем приходится спорить! А смысл? Ведь смысл резолюции пропадает!

— Хм! — смущенно бормочет Максим. — Значит, если по-вашему ее обжарить, смысл не пропадет?

— Пропадет!—весело кричит молодой рабочий.— Правильно, Федор. Никаких сокращений!

— Товарищи, товарищи! — вмешивается студент.—Ведь мы не враги. Поступитесь же чем-нибудь!

— Хорошо! — кричит седобородый: — Я настаиваю на своей поправке. Но вот здесь явный плеоназм... плеоназм... Повторение! «Забастовки обрекают иногда рабочих на лишения, но являются...» и так далее. Зачем это «но»? Оставьте до «лишения» включительно, без «но».

— Шут с ними! Отдадим им это «но», — шопотом говорит председатель соседки.—Голосую. Кто за поправку?

Гитара. Студент вскакивает, не в силах сказать что-нибудь.

— Извините! — говорит Максим. — Это я от волнения. Убедили. Действительно, зачем это «но»?

— Нет, не говорите, его можно перетащить!—говорит седобородый студенту.

— Я предлагаю, — говорит Максим, — «но» выкинуть вместе с «лишениями» и оставить так: «неминуемы забастовки, являющиеся могучим средством протеста и революционного воспитания масс». Вот и будет, как хочет товарищ, без этих плеоназмов.

— Это черт знает!

— Полосую! Кто за поправку товарища Федора?

Шесть рук.

— Позвольте! — кричит студент в ярости, но седобородый тянет его книзию.

— Вы не хотите принципиальных поправок, — надменно говорит он, — но хоть на стилистические вы должны согласиться. Я хочу избавить вашу резолюцию от безграмотности. Что это за «коренная переделка»? По-русски нужно сказать «постепенная реформа». Тогда будет понятно. И Маркс тоже писал Энгельсу 5 декабря 1862 года: «Чтобы развиваться, массам нужно время...»

— Заменяй! Какое значение? Все равно, наша взяла!

— Погоди, что Федор скажет!

— Извините! — говорит Максим.

— Гитара! — в исступлении восклицает студент.

— Причем тут гитара? — оскорбляется Максим. — Я вот только насчет стилистики. Может, оно насчет «постепенно» и грамотней, только то-то и оно, что не постепенно!

— Хорошо! С нами не считаются! Нами пренебрегают! Мы отказываемся...

→ Голосую резолюцию в целом!

— Погодите! Последняя попытка! Вы хотите быть фанатиками, невеждами, но будьте хотя бы логичными! К чему эти слова «военный заказ»? Не все ли равно, какой заказ? Выбросьте «военный»

— И тогда вы прекратите поправки? — кричит председатель.

— Прекратим.

— Хорошо! Кто за то, чтобы..

— Я против!

Максим соскакивает со стола. Теперь его голос решителен и тверд.

— Не все равно, какой заказ! — отрывисто говорит он. — Вы что же, не знаете, что военные, именно военные, заказы все больше заполняют заводы? Не видите, что из-за них, из-за спешного их изготовления, ради огромных прибылей, получаемых по военным заказам, идет новое наступление на рабочий класс? Порохом пахнет в воздухе, а вы — «выбросить слово»? Не из-за слова, а из-за буквы — надо будет — станем драться с вами, господа меньшевики!

— Правильно, Федор!

Седобородый стоит потрясенный.

— Издевательство! — почти визжит он. — Щенки мне лекции читать вздумали? Мне, марксисту с 1902 года? У меня за плечами время, а у вас что? Да вы понимаете, что еще Маркс писал Энгельсу 5 декабря 1862 года: «Чтобы развиваться, массы должны иметь время и возможности!» Нет, мы уходим и хлопаем дверью.

— До свиданья! — говорит меланхолически Максим. — А кстати насчет письма, так

сдается мне, что не Маркс писал Энгельсу, а Энгельс товарищу Зорге и, кажись, не в том году, а позже, и стоит там, помнится, не точка, а запятая, и дальше идет, дай бог памяти, что «возможность массы получают лишь тогда, когда имеют свое собственное движение вперед». Трудно далась мне эта прямота и недавно, да оно и к лучшему, а то от времени за плечами иные и перевирают. Извините!

Студент, растерявшись, отступил назад, невольно задел рукой гитару. Раздается звон.

— Прекратите эту гитару! — обернулся Максим. — Ставь на голосование! Большинство? Значит, товарищи, забастовка продолжается.. Что-что, а заказ этот на якоря для шаровых мин на Невском заводе делаться не будет!

— Вот это верно! — раздается чей-то голос. Все поворачиваются. На пороге — высокий, тощий рабочий.

— А, Семен! Что случилось?

— А то случилось, что все детали на якоря для шаровых мин вывезены с Невского завода в неизвестном направлении.

Молчание. Доносятся возгласы из биллиардной:

— Вот это шар! Ну и бьет!

Максим говорит задумчиво:

— Плохо! Заказ где-то выполняют, и мы с забастовкой сели.

-- Ну, вот,—нервно говорит седобородый,—теперь нет и почвы для раздоров!

— Эх,—не слушая, шепчет кто-то.—Узнать бы, на какой завод перекинули, да поднять тот завод на отказ от работы!

— Если б узнать! Кто ж кроме хозяев знает?

В этот момент один из рабочих, стоявший у двери, глядя в бильярдную, негромко говорит:

— Есть еще знающий. Вот он, сучий сын, всех в пирамидку обыгрывает. Да от него разве узнаешь?

— Где?

— Вон у бильярда! Хозяицкий холуй из конторы...

— Сволочь! — замечает Семен. — К нему не подступиться.

Максим напряженно глядит.

— Гм! — говорит он. — Не подступиться? Что же это за человек?

Часть вторая

— Сухую! — объявляет рослый красавец, стоящий у стойки в бильярдной с опромной кружкой пива в руке. — Сухую имеешь!

— Петух тоже хвастался, а сдох, — бормочет кто-то сбоку.

Рослый красавец ставит кружку и зловеще поворачивается.

— А ну, скажи, — цедит он сквозь зубы. — Скажи еще чего-нибудь про петуха!

Все трусливо молчат.

— То-то же, — говорит конторщик. — Ну, бей, мазила!

Целящийся в шар потный Ерофеев вздрагивает, как ужаленный:

— Это кто же мазила? Я мазила? Тьфу, нечистая сила! Вот я тебя!

Разъяренно бьет. Промах. Ерофеев, моргая, глядит под бильярд. Конторщик, весь как-то собравшись, хищно идет к бильярду. Бьет. Партия.

Поднимается гул. Ерофеев подходит к лузе, проверяет растерянно, нет ли обмана, потом, разводя руками, добродушно говорит:

— Не привык. Не привык я к такому бильярду.

— Вот, посидишь под ним, попривыкнешь, — величественно заявляет победитель, влезая на тумбу у стойки.

Ерофеев благодушно смеется и говорит:

— Шутник! — Обращается к другим, подмигивая. — Двадцать шесть лет его знаю, все шутит.

Конторщик единым глотком выпивает поднесенную кружку и сурово изрекает:

— Кому — шутить, а тебе — сидеть!

— Не связывайся, лезь! — под сурдинку советует Ерофееву один из рабочих. — Разве это человек? Гнида и деспот.

— Давай, Ерофеич! — воет парочка полупьяных зевак.

— Полезай, Василий Кузьмич!

Ерофеев дергает за рукав конторщика. Грызая мочучими зубами воблу, конторщик поворачивается. Ерофеев шепотом, с большой искренностью говорит:

— Может, три рубля возьмешь? Нехорошо потомственному токарю — двадцать шесть лет у станка — бесчеститься!

Пауза. Конторщик кладет изгрызанную рыбину, медленно выпрямляется, глаза налились кровью.

— Как? — шипит он. — Токарь, пекарь — все это на одно: забастовщики, смутьяны, невежи!

Ерофеев пятится. Недовольный гул среди рабочих.

— Лезь! — кричит конторщик, взмахнув воблой.

Ерофеев лезет под бильярд. Толпа безмолвствует, только двое пьяненьких, в телячьем восторге от зрелища, улюлюкают и хохочут. Конторщик самодовольно и торжествующе всех оглядывает.

— И ловко же вы играете! — раздается сбоку восхищенный возглас.

Конторщик поворачивается: подле него стоит Максим, весь — воплощение наивности и восторга.

— Деньги у тебя есть? — отрывисто спрашивает конторщик.

— Есть, — восклицает радостно Максим и демонстрирует три кредитки.

— Деньги ваши — будут наши! — заявляет конторщик. — Бери кий, получишь сухую, трешка — мне, сам — под бильярд.

— Какой же это игрок? — кричит из-под бильярда Ерофеев. — Он отродясь кия в руки не брал. Сужно изорвет!

— Цыц! — лихает его ногой конторщик.

→ Нехорошо, — шепчет один из рабочих, бывших на заседании, другому. — Чего он делает? Под столом сидеть — уважение потерять.

— Становись! — толкают Максима усердствующие зрители.—Какая честь дураку!

Максим берет кий и, следя за тем, что делает конторщик, подражает ему: натирает мелом кончик кия, сгиб между пальцев. Конторщик разбивает шары искуснейшим образом, так что Максиму нечем играть.

— Дозвольте поглядеть, как судьба решается! — говорит Ерофеев, вылезая из-под биллиарда.

Максим долго целится, бьет и мажет.

Ерофеев схватился за голову.

Конторщик бьет по шару, попал; еще удар— и еще шар в лузе. Третий не вышел. При общем одобрении конторщик лениво сообщает:

— Своя процента сделана. Прошу!

Максим целится.

— Как кий держишь? — стонет Ерофеев.— Что это тебе, ружье?

— Политики! — саркастически замечает седобородый меньшевик студенту, и оба уходят.

Максим готовится ударить, вдруг останавливается и застенчиво спрашивает конторщика:

— Значит, два шара — три рубля мне и его из-под биллиарда?

— Ох, и дурак! — говорит конторщик.— Да!

Максим снова целится, вот-вот ударит, вновь задерживает кий.

— Да бей же! — кричит в полном отчаянии Ерофеев.

— А если я восемь положу? — озабоченно спрашивает Максим?

Взрыв хохота. Ерофеев машет рукой и лезет под биллиард.

— Эге! — догадливо говорит кто-то из участников заседания. — Теперь держись!

— Восемь положишь, — гудит конторщик, — я под миллиард.

Хохот. Максим нацелился и бьет. Шар в лузе. Общее изумление.

— Раз! — меланхолически говорит Максим. Бьет. Шар в лузе.

— Два! — говорит Максим.

Круг суживается. Удар. Шар в лузе.

— Три!

Ерофеев с выпученными глазами медленно выползает из-под миллиарда. В толпе легкий, невнятный гул.

Удар. Шар падает в лузу.

— Четыре! — считает Максим.

— С нами крестная сила! — шепчет в испуге Ерофеев.

Улыбаются сидевшие в кабинете. Шум усиливается. Конторщик вылезает вперед, присматривается. Ерофеев протирает глаза. Максим кладет труднейший пятый шар. Шум голосов переходит в стихийный рев восторга.

— Милый! — орет, протискиваясь, Ерофеев.

Максим шопотом спрашивает у соседей пояснений, потом тихим, извиняющимся голосом объявляет:

— Двенадцатого — в правый, третьего — в левый угол!

— С ума спятил! — взвизгнул кто-то.

Ураз! Шар летит. Стук, стук.. Шары, как проклятые, ложатся в предназначенные лузы.

— Семь! — сообщает кто-то.

И тогда в биллиардной все слово срываются

с цепи. Радостный хохот, чьи-то причитания. Ерофеев в полном беспамятстве орет:

— А что я говорил? Моя школа! Двадцать шесть лет учил, подлеца! Дай обниму тебя, сукин ты сын!

Низенький рабочий скачет перед конторщиком, счастливо хохочет и ядовито вопрошает:

— Вот тебе и токарь! Вот тебе и пекарь! Что, канцелярская крыса, взял? Полезете под стол, ваше степенство?

Конторщик, мрачно оттолкнув рабочего, идет к Максиму и, с ненавистью глядя на него, спрашивает:

— Разыгрывать меня вздумал?

— Что вы! — с огорчением восклицает Максим. — Да разве бы я посмел? Случайность: я с детства к наукам способный.

— Посмел или не посмел — нравоучительно говорит Ерофеев, протискиваясь вперед, — да только не умеешь ты с людьми разговаривать. Ни хрена в политике не понимаешь. Вот что, Платон Васильевич, вы уже три рубля готовы и лезть собирайтесь! Будете знать, как над рабочими издеваться — и на заводе и здесь.

Хор голосов поддакивает, лица грозны. Конторщик оказался в окружении врагов, тревожно озирается. Злобный шум усиливается.

Вдруг Максим прыжком вырывается из толпы и орет:

— Назад!

Голос его страшен. Люди пьются.

— Да как вы смеете, — говорит Максим, — на моего лучшего — рад бы сказать — друга орать?

— Он на рабочего злобствует, — отозвался кто-то!

— Да ведь он шутил,—восклицает Максим.— Ты сам, дядя, говорил что он шутник.

— Говорил я? — осведомляется Ерофеев у соседей и, получив утвердительный ствет, отзывается. — Шутник-то он шутник, да только с другой стороны.

— Сам ты игрок с другой стороны, — огрызается Максим, и к конторщику: — Ведь вы шутник?

— Шутник,—убежденно говорит конторщик.

— Видали? — торжествует Максим. — Партия продолжается!

И вдруг счастье меняется. Максим «мажет». Конторщик берет в руки игру. Пользуясь тем, что Максим не может теперь попасть в самые легкие шары, сравнивает счет и побеждает.

Вопли разочарованных зрителей покрываются оглушительным ревом конторщика. Бросив кий, он кидается к Максиму, трясет его руку:

— Вот это партия! Эй, дюжину пива для моего сердечного друга!

— Я угощаю,—протестует Максим.

— Попролам! — великодушно машет рукой конторщик.

И бутылки пива перелетают из буфета в кабинет.

Звенит семиструнная, Максим поет:

Очаровательные очи,
Что вы так сверкаете,
Что во мраке темной ночи
Блеску не теряете?

— Здоровье Платона Васильевича! — обрывает песню Максим.

Все поднимают бокалы. Польщенный кон-

торщик пьет до дна. Максим и рабочие незаметно выливают пиво в цветочный порошок. Ерофеев, не видя этого, а замечая только быстрое исчезновение пива в бокале Максима, неодобрительно качает головой.

— Спасибо, детки! — говорит растроганный конторщик. — Хоть и бастуете, против дирекции идете, а все-таки люди ничего...

— Что ж, против директора, — откликнулся молодой рабочий из компании Максима, — разве это директор? Вот если б такого, как вы, Платон Васильевич!

— Зачем ему в директора? — говорит Максим рабочему. — Он на своем месте, может, важнее. Заказы через него проходят? Через него!

— Через меня, — подтверждает конторщик, выпивая.

— Главную книгу кто ведет? Он ведет.

— Я веду, — торжествующе заявляет конторщик, закусывая.

— Или вот, к примеру, — словно осененный, восклицает Максим, — из-за чего на заводе бастуют? Из-за якорей для мин.

— Верно!

— А кто заказ вписывал? Он вписывал.

— Я, правильно!

— Заказ увезли, кто накладные выписывает, у кого все в руках?

— У меня все в руках, — говорит конторщик, отдуваясь. — Правильно! Твое здоровье, умный ты человек!

Конторщик пьет, остальные незаметно для него выливают пиво.

— Чепуха! — категорически возражает Се-

мен. — Не может он знать. Один директор знает, на какой завод заказ переброшен.

— Врешь! — оскорбляется конторщик. — И я знаю. Только вещь эта секретная.

— Правильно, — соглашается Максим. — Выпьем!

— Не знает, потому и секретная. От него тоже секрет, — прямо, как захмелевший, говорит Семен.

Платон Васильевич тяжело поднимается, подходит к Семену и, схватив его за грудь, уничтожающе цедит:

— От меня на заводе секретов нет. Я — лицо доверенное. Надо, так молчу.

— Моя школа, — вырвался вперед Ерофеев. — Весь в меня. Терпеть не могу болтать!

И вдруг конторщик скисает. Нетвердыми шагами идет к своему стулу, садится и стрывисто бормочет:

— Не выведать вам... Знаю, а вам — ни-ни...

— Правильно! — миролюбиво говорит Максим. — А мне, даже если захочешь, не говори. Охота мне про эти дела знать!. Ты вот лучше в бильярд меня юбучи...

— Что он мелет! — злится Ерофеев. — Суется, мешает выведать...

В глазах конторщика вспыхивает яростная симпатия к Максиму.

— Нет, тебе я сказал бы, а им нет.

— Пошел к чертовой матери! — благодушно заявляет Максим. — И слушать не хочу.

— Да как ты смеешь не слушать, — орет конторщик, — если я пожелаю тебе сказать!..

— Неинтересно, — в свою очередь орет Максим, — сам знаю, на Лесснера свезли.

Конторщик тупо пялит на него затуманенные глаза.

— Дур-рак! — говорит он сонно и снисходительно и, могучей рукой притянув к себе Максима, шепчет ему на ухо.

Максим отбивается:

— И не слышал ничего. Плевать мне! Твое здоровье!

Конторщик шьет и закрывает глаза.

Максим запекает томно:

Очаровательные очи,
Что вы так сверкаете?..

Раздается богатырский храп конторщика:

...Вы во мраке темной ночи
Блеску не теряете.

Ерофеев старческим голосом подпевает:

...Сколько раз из-за вас...

Ему затыкают рот. Конторщик храпит. Максим отрывисто и негромко:

— На Северном.

У Ерофеева изумленные глаза. Кто-то из компании недоверчиво качает головой:

— Наврал!

— Не может быть, чтоб на Северном..

Ерофеев хочет закричать, но, испугавшись соседей, страстно зашептал:

— Не может быть, чтоб на Северный — якоря для мин! Я ж на Северном! Котлы немецкого типа у нас делают, а якорей отродясь не делали.

— Вот ты и проверь!

— И проверять не стану. С кем спорите?

— Проверить, конечно, мало, — заключает

Максим. — Надо хвататься за ниточку. Завтра же все рабочие Северного должны знать.

— Как же они узнают, чудак?

— Вот так и узнают, милый! Для этого, на радость нам и на страх нашим врагам, существует она—наша дорогая, золотая, любимая...

Вынул из кармана «Путь правды», положил на стол.

— Кто про что, а Федор — про девушку!

— Моя школа! — сумиленно восклицает Ерофеев. — За здоровье твоей девицы, парень!

— За здоровье моей девицы! — говорит Максим и залпом пьет пиво.

Газета «Путь правды» лежит на столе.

Часть третья

Ивановская улица. Темносерый дом № 14.
Фонарь

Сбоку от ворот — вывеска:

Товарищество
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПЕЧАТЬ»

В эти ворота через один, затем другой двор проходит Максим и поднимается по лестнице.

Идет по площадке мимо дверей с названиями печатающихся в типографии газет «Луч», «Земщина», потом отворяет дверь с надписью «Путь правды» и входит в крохотную комнатку, до отказа набитую народом. Тут и рабочие

не успевшие побывать днем, и сотрудники, ожидающие первого оттирка, и наборщики, пришедшие за справкой.

Максим останавливается. Он слышит выделяющийся в общем жужжании ровный и ясный женский голос:

— Заметка твоя шла, товарищ. Номер, понимаешь, был конфискован..

Максим невольно вздрагивает. А женский голос продолжает:

— В следующем номере опять пойдет. Нет, не забуду. Знаешь, я не из забывчивых.

Максим готов крикнуть, но сдержал себя. Из толпы идет, не замечая его, женщина. Она останавливается в трех шагах от Максима. Кто-то протягивает ей листок. Она говорит:

— Резолюция? Давай!

Углубляется в чтение. Сзади шум голосов, шум шагов, и на этом фоне начинается тихий свист: тихо звучит старая, забытая мелодия. Женщина поднимает голову, хмурит брови, взгляд у нее делается рассеянным. Потом она, словно отмахнувшись, вновь читает. Громче свист. Женщина вновь поднимает голову. Сви-ста нет, но женщина повернулась туда, откуда он шел, и увидала Максима.

Пауза. Наташа и Максим смотрят друг на друга.

Человек, давший Наташе листок, спрашивает:

— По-моему, товарищ Елена, хорошо!

И Наташа отвечает:

— Лучше и быть не может.

Подходит к Максиму. Он говорит ей:

— Здравствуй, товарищ Елена! Вот не ожидал встретить. А я — Федор.

— Ты — Федор?

— Помнишь?

— Здравствуй, товарищ Федор! Помню.

— А я думал, — счастливо улыбаясь, говорит Максим, — что ты не здесь, что ты далеко, где-нибудь на Байкале...

— И я тоже думала, что ты далеко.. где-нибудь в Аргентине..

Смеются. Наташа продолжает:

— А я хотела тебя спросить..

— Знаю, чего спросишь, — говорит лохматый, высоченный парень, откуда-то вынырнувший. — Про стихи спросишь. Готовы. Послушаешь?

Наташа жалобно глядит на Максима, он — на Наташу. Она улыбается:

— Ну, читай!

Парень подозрительно глядит на Максима.

— Знакомьтесь! — говорит Наташа. — Товарищ Федор. Павел с Северного завода.

— С Северного? — подхватывает Максим. — Очень хорошо.

Парень читает неумелые, но трогательные стихи. Максим и Наташа слушают, глядя друг на друга. На лицах у них — все растущая радость. Парень заканчивает и, робко переводя взор с одного слушателя на другого, спрашивает:

— Хорошо?

— Хорошо! — говорит нежно Наташа.

— Просто замечательно! — подхватывает Максим.

Лицо Павла сияет, он бодро говорит:

— Тогда я перепишу начисто.

Отходит. Наташа, чувствуя угрызение совести, шепчет задумчиво:

— Размер, правда, хромает...

— Зато чувства сколько, — убежденно говорит Максим.

Но Наташа не слушает и кричит вслед Павлу:

— Ты за размером последи, я проверю.

— Товарищ Елена! — взывает кто-то.

Наташа шопотом Максиму:

— Давай, удерем в коридор, а то здесь беда!

Выскальзывают в коридор. Там пусто, слышен гул машин. Одним движением они взяли друг друга за руки, в одно и то же время сказали:

— А помнишь?

Из-за угла выскакивает технолог с папиросой в зубах.

Увидев Наташу, папиросу вон из зубов, фуражку — с головы, сияет:

— Здравствуй, товарищ Елена! Получай новую корреспонденцию, — покосился на Максима.

Наташа, встрепенувшись:

— Давай, давай! Несу в набор.

Технолог:

— Правильно. Ой, что-то сегодня ты больно веселая!

Передает ей пакет, исчезает. Наташа быстро идет в наборную. Максим за ней.

Наборная. Туман от свинцовой пыли. Нагромождение столов и касс, над которыми тускло горят электрические лампочки.

— Эй, ментор, метранпаж, — кричит Наташа, потрясая рукописью.

Приближается старик-метранпаж, окруженный свитой наборщиков, сплошь молодых, в блузах, с просвинцованными лицами. Метранпаж свирепо смотрит на Наташу. Она говорит категорически:

— Надо срочно набрать эту заметку!

Метранпаж взвешивает на руке пакет:

— Заметка! Это же полное собрание сочинений Тургенева! Поздно! Все заверстано.

Наташа:

— Почерка не узнал?

Метранпаж смотрит последнюю страницу, там подпись «В. Ильин».

— Ленин! — восклицает метранпаж и, стремительно разделив рукопись, раздает наборщикам.

— Слушай! — говорит деловито Максим Наташе. — Мне тоже обязательно надо в набор заметку!

— Покажи! — говорит Наташа. — Что такое?

Она берет рукопись и быстро читает:

— Хорошо! Хорошо! А вот это не годится!

— Почему не годится?

Наташа читает:

— «..Рабочие знают, что только большевики...», о большевиках ты и думать забудь!

Максим испытующе смотрит на нее. Наташа объясняет:

— Слово-то нецензурное! Вместо «большевики» мы напишем «последовательные марксисты».

— Рабочие ни черта не поймут, — слабо возражает Максим.

— За рабочих не беспокойся! Они наш условный язык великолепно понимают. — Читает про себя дальше: — Опять не годится.

— Что?

— «Связь с партией обеспечивает рабочему классу...» За «партию» газету закроют. Тут условный термин нужен: «марксистское целое». А это что? «Восьмичасовой рабочий день». Нет более страшных слов для цензуры.

— Эх! — смущенно говорит Максим, — а ведь ты права! Всему разучился. Любые ма-скарады знаю, а с газетой сел. Хоть сначала начинай!

— Ну, не волнуйся! Мы поставим так: «неурезанные лозунги». Вот теперь получается: «Связь с марксистским целым обеспечивает рабочему классу достижение неурезанных лозунгов». Великолепно. Неправда ли, хорошо, Максим?

Максим злоеце молчит.

— Максим!

— Нету Максима, — таинственно говорит Максим. — Условный есть термин: Федор.

— Ох, я и забыла! Федор! Все равно для меня ты всегда будешь, — беззвучно, одними губами, — Максим..

Пустынная предрассветная улица Петербурга. Подернутые сыростью блестят торцы мостовой. Мчится в пролетке, кутаясь в плащ, чиновник. Еще две пролетки, заполненные городовыми. Малый в кепке, стоящий на перекрестке,

слышит стук дрожек, всматривается, срывается и бежит.

Забор. Моросит мелкий дождик. Под забором ежится от холода и сырости несколько фигур. Это представители рабочих и газетчики ждут утра. Они обмениваются репликами:

— Нынче лето холодное!

— Климат!

— Еще долго ждать?

— Может, опять случится..

— Как ты соображаешь, что с нами будет, если поймают: каторга или ссылка?

— Я об этом не думаю..

Печатаются номера «Правды».

В комнату редакции вбегает малый в кепке, кричит:

— Идут!

Поднимаются по лестнице цензор и городовые.

Проходят, тяжело ступая, по коридору. Наборщики вбегают в машинное отделение, орут, торопят.

Посредине редакции стоят взволнованные Наташа и другие сотрудники. Лысый молодой цензор говорит официальным, деревянным голосом:

— На основании распоряжения инспектора по делам печати сегодняшний номер «Правды» конфискуется. Дальнейшее печатание прекращается.

— Но позвольте..

Цензор отмахиваясь:

— Можете жаловаться..

— Но у нас разрешение, — сдерживая себя, говорит Наташа.

— Можете жаловаться! — заявляет цензор и, повернувшись к городовым: — Приступайте!

Дверь открывается. На пороге — запыхавшийся человек в котелке. Он останавливается, преграждает путь цензору, последнюю реплику которого слышал.

— И надо будет жаловаться, — громко говорит он. — Дышать не дают.

Цензор останавливается, выпучив глаза:

— Вам что угодно?

Человек в котелке — Тураев — молча протягивает визитную карточку.

Пока цензор читает, Тураев осторожно подмигивает Наташе. Она отвечает тем же.

В машинном отделении рабочие спешно выхватывают из-под машины готовые номера «Правды» и уносят.

— Господин депутат, — говорит повышенным тоном, хотя и менее нахально цензор. — Постарайтесь не мешать! Вы посторонний человек в газете, вас это не касается.

— Как это не касается? Я рабочий депутат, и газета рабочая. Мы делаем одно дело.

— У меня предписание.

— Покажите! — повелительно говорит Тураев.

— Извольте!

— Не годится, — заявляет Тураев, прочитав бумагу.

— То есть, как это не годится?

— Здесь говорится о конфискации номера

«Правды», а у нас печатается «Путь правды».

— Можете жаловаться! — визжит цензор. — Где машинное отделение?

— И пожалуемся, — вдруг остервенело кричит Павел. — Пожалуемся не вашей полиции, а рабочему классу. Он рублями, копейками поддерживает свою газету, он до дыр зачитывает номера, а вы их отнимаете у него, вы нас душите штрафами, вы в труху обращаете наше печатное слово. Врете, не задушите!

— Молчи, Павел! — говорит Наташа. — Перед кем пыл третишь?

В машинном отделении городовые вырывают газеты из машин, ломают стереотипы, рассыпают набор. Грязные сапоги полицейских топчут «Правду».

Под забором напряженно ждут мужчины, женщины, дети. Сверху быстрый шопот:

— Товарищи!

Над забором появляются головы наборщиков «Правды». Ожидющие встрепенулись.

— Принимай!

Торопливо опускаются пачки с номерами «Правды». Ожидющие запикивают их под одежду, заворачивают в тряпки и один за другим бегут. Вдали раздаются свистки.

По боковым переулкам мчатся, свистя, городовые.

Теперь на заборе — Максим и Павел с новой кипой номеров.

— Принимай!

Свистки. Бегут вдалеке городовые.

Женщина берет газеты.

— Скорей, беги! — торопит ее сверху Павел.

— Не впервой, — югрызается она. — Давай еще! На моих не хватит.

— Стой! Держи! — яростные крики, свистки.

Маленький парнишка Фомка кричит:

— Мне давай! Что же ты? Эх, экспедиция! Ему дают газеты. Свистки ближе.

— Ёрешь, — бормочет Фомка, — не напугаешь!

— Беги! — кричит сверху Максим. — Не шали!

— Что я, маленький? Знаю.

И под треск свистков, под окрики приближающихся полицейских Фомка тремя прыжками исчезает. Бегут неуклюже городовые.

Тишина. В наборной, в машинном отделении пустота, разгром. Лежат грязные, рваные листы газеты.

В редакционной комнате угрюмо сидят сотрудники.

— Что же, — говорит Тураев, — «Путь правды» кончился. Нового редактора для отсидки надо искать. Новое название.

— «Голос правды» — предлагает кто-то.

— «Рабочая правда», — говорит другой.

— Было.

— «Трудовая правда», — говорит Наташа.

— Это подходит, — одобряет Тураев, — пиши, Елена: «Трудовая правда», «Трудовая», «Рабочая», «Пролетарская» — все одно — рабочий ее под ним родным именем знает: «Правда».

— «Правда», рабочая газета «Правда»!

Фомка бежит по улице, Пробегает мимо освещенного подвала, окно которого раскрыто.

Внутри подвала — пекарня. Толка пышет жаром.

Полуголые пекари обливаются потом. Вдруг один из них бросился к окну, потом спрыгнул вниз, держа лист «Правды». Бросив работу, все кидаются к нему.

— «Правда» рабочая газета «Правда»!

Фомка продает газеты группе людей, идущих в ворота завода. И вновь летит по улице, а улица все светлеет и светлеет. Восходит июльское солнце, в расходящемся тумане бежит, размахивает газетами и звонко кричит мальчишка. На минутку остановился, подтянул дырявые штаны и, вспомнив что-то, к прима-сой сам себе сказал:

— Не шали! Маленький!. «Правда», настоящая рабочая газета «Правда»!

Часть четвертая

Рассвет. Гудит Северный завод. Проходят рабочие. Прислонившись к фонарю, стоит Максим. Курит.

К нему подошел Павел. Разговор шопотом. Павел передает Максиму номер, тот ему — какую-то бумажку. Идут к заводу.

У проходной конторы. Павел останавливает двух-трех рабочих, шопотом говорит с ними. Они окружают его и Максима, и все группой идут через контору. У самого входа, где про-

исходит проверка, один из них вскрикнув, хватается за ногу, и в создавшейся пробке проходит, опуская номерок, Максим.

Двор завода. Расходятся по цехам рабочие.

Идут Максим и Павел. Они незаметно подходят к группе рабочих, собравшихся в укромном закоулке.

В руках у некоторых рабочих газета. Слышен голос кипящегося Ерофеева:

— И кому это, нечистая сила, дают заметку писать? Все перевернуто.

— Где?

— Да вот! Пишет какой-то хлюст про наш завод: «Все четыре тысячи рабочих Северного завода...» А каких нас четыре тысячи? Нас четыре тысячи с лишним!

— Наврал, ясно!

— Да слушай дальше. «Связь с марксистским целым обеспечивает рабочему классу достижение неурезанных лозунгов...»

— Ну, это понятно! — отзывается кто-то.

Ерофеев косит глаза и сейчас же продолжает:

— Я и говорю, что понятно. А вот: «И этот заказ переброшен на Северный завод». Слышишь?

Один из рабочих вмешивается:

— Ну и что?

— Да нет же такого заказа на нашем заводе!

— «Правда» ведь пишет, Ерофеев.

— Ты «Правду» не тронь! «Правда» не обманет. А вот хлюст «Правду» обманул.

Максим, улыбаясь выступает вперед.

— А может и не обманул! Ты проверь.

Ерофеев всматривается и вдруг радостно говорит:

— А-а! Здорово, нечистая сила! Только ты в это дело не суйся! Двадцать шесть лет я на этом заводе, каждый уголок знаю. Где ж они, эти модели заказа? Что-то я их не вижу.

— Не видишь? — говорит Павел. — А ну, ребята, пошли!

Задний двор. Осторожно оглядываясь, подходят рабочие к груде металла.

— Эти? — усмехается Ерофеев. — Чепуха! Где ж на них написано, что это тот самый заказ?

— А ты что хочешь, — наивно спрашивает Максим, — чтобы при них удостоверение тебе было?

Общий смех. Павел говорит мирно:

— Можно и удостоверение.

Вынимает из кармана грубый рисунок.

— Клейма-то они стерли, а номер модели остался. Да и по рисунку видно.

Ерофеев надевает очки. Долго рассматривает рисунок и деталь. Тишина. Ерофеев откашливается. Возбужденные возгласы кучки рабочих:

— Она!

— Самая!

Ерофеев сердито:

— Раскудахтались! Конечно она. А что я говорил?

Щегольский «Фиат» подъезжает к конторе Северного завода.

В автомобиле, и труся и упиваясь ездой, восседает конторщик Платон Васильевич.

Заводской служащий соскочил с переднего сиденья, открыл дверцу, и Платон Васильевич, еще немного неуверенно шагая по земле, направляется вслед за служащим в заводоуправление.

У самого входа он останавливается и с тревогой осведомляется:

— А зачем я понадобился?

Служащий разводит руками и пропускает конторщика вперед.

Кабинет дирекции; на стенах — диаграммы, чертежи, изображения военных кораблей.

Конторщик остановился в дверях кабинета, трепеща и вытягиваясь, затем почтительно кланяется.

— А. Платон Васильевич! Милости просим!—раздался ласковый голос.

Конторщик поднял голову, чуть ободрился, на цыпочках подошел к письменному столу.

За столом сидит строгий господин с бачками, немного в стороне от стола—два инженера, а перед самым столом в одном из двух кресел для посетителей сидит корректно одетый улыбающийся господин с портфелем и котелком на коленях.

Платон Васильевич снова, еще усерднее, кланяется этому господину, словно признав в нем хозяина.

— Садитесь, Платон Васильевич! — ласково говорит этот господин.

Платон Васильевич, все больше ободряясь, опускается в кресло.

— Курите? — с любезностью обращается к нему господин с бачками и придвигает ящичек с сигарами.

Платон Васильевич вздрагивает, но тотчас успокаиваясь, берет сигару и неумело возит-ся с ней.

— Рекомендую, — улыбаясь, обращается господин с котелком к прочим: — Платон Васильевич Дымба, гордость и украшение нашей конторы..

Платон Васильевич уселся удобней и принялся курить сигару, как дешевую папиросу.

— В прошлом году представлялся в числе прочих патриотов — депутатов от фабрично-заводских предприятий его величеству, — расхваливает господин с котелком. — Не правда ли?

Платон Васильевич, выпучив глаза, торжественно отбарабанил:

— Имел счастье лицезреть обожаемого монарха!

— Он и ведет у нас книги секретных заказов, — подхватывает господин, — почерком славится!

— Талант-с, — скромно, расцветая, сообщает конторщик.

— При этом в отношении тайн..

— Могила! — попыхивая сигарой, заверяет конторщик. — Главное, слезу за каллиграфией-с, а не за содержанием..

— Насколько мне известно, вы и на бильярдном поле с успехом подвизаетесь? — фамильярно обращается господин с котелком к конторщику.

— Первый игрок в Санкт-Петербурге! — са-

модовольно заявляет конторщик — Изволите видеть, играю в последнем и..

— И что же, приличные партнеры попадают? — перебивая, осведомляется с живейшим интересом господин.

— Мазлы! — с огорчением восклицает конторщик. — Мне не развернуться!.. Вот если бы..

Он потрясен осенившей его догадкой о причинах вызова.

— Вот, если бы с вами-с! — кричит он в полном восторге. — Четыре шара вперед..

— И скажите, — перегнувшись к нему, озабоченно спрашивает господин, — вы с партнерами ни в какие интимные разговоры?.. Никаких секретов?

— Ой, умру! — прокатывается конторщик. — Уморили!.. Что вы, я, да с этими..

— Кто же по-вашему, чорт вас дери, — загремел господин, яростно стукнув кулаком по столу, — кто им дал материал для этой статьи, негодяй вы этакий?

И перед глазами остолбеневшего конторщика появился номер «Правды».

— Ваше превосход.. Ваше высокопре.. — залепетал конторщик, обалдела глядя на газету, — ни в чем не повинен.. Главное-с каллиграфия, а..

— Кто им дал сведения? — орет, вскочив, взбешенный господин.—Никто кроме вас.. Мы проверили.

— Ваше сия..

— Вы в пьяном виде наверное разболтали всем.. Вас за это сгноить в тюрьме, сослать, повесить..

— Ваше высококося...

— Среди ваших сабутыльников, — неистовствует господин, — случился какой-нибудь мерзавец, сотрудник этой газетки...

Вдруг Платон Васильевич слабо пискнул и снова замер.

— Из-за этих газеток наш завод стоит, — кричит господин, — теперь их завод забастует... Какой-нибудь агитаторишка, изменник царю и родине... проникнет, смутит... а виною—вы!

— Ваше сиятельство! Я его..

Внезапно господин с котельком остывает, садится и сухо говорит, придвигая ящичек:

— Курите!

Платон Васильевич, дрожа, сосет потухшую сигару.

— Имеете подозрения? — лаконически спрашивает господин.

Остальные жадно перегнулись к конторщику.

— Гм! гм! — мычит конторщик.

— Ищите! — командует господин.

— Отыщу! — хрипит конторщик.

— Найдете, сейчас же полиции! Заразу надо вырвать с корнем! Вы, господин Дымба, человек стойких убеждений.

— Умереть на месте!—пылко заявляет конторщик.

— Вы же видите, что творится в городе! Мерзавцы мутят рабочих, вызывают забастовки, зовут свергать царя, убивать нас, вас, честных служащих!..

— Ваше... Да я их!..

— Ступайте!

Конторщик вскакивает, едва не падает и,

усердно кланяясь, отступает к двери. Вслед ему окрик:

— Свяжитесь с полицией!

— Слушаюсь!

И Платон Васильевич вмиг за дверью. Остановился, еле переводя дух. Глаза полны звериной яростью. Покряхтев, глухо восклицает:

— Полиция!

Презрительно сплюнул, сжал мощный кулак, потряс им:

— Что мне полиция?

И кулак нанес смертоносный удар невидимому врагу.

Льет потоками теплый июльский дождь. Под навесом стоит Максим. Мимо пробегают прохожие с зонтиками. Под навес вбегают Наташа, мокрая, несмотря на зонтик. Она отряхивается. Они глядят друг на друга и начинают хохотать.

— Помню, — говорит Максим, — наше прощанье. Встретимся, говорит, на этапе, на баррикадах. А вместо того..

— А что, не нравится встреча?

— Нравится, — говорит Максим душевно. — Знаешь, я года три назад был в Питере, день пробыл, тебя, между прочим, искал.

— А я в это время в Москве была.

— И я в Москве был.

— Что ж не зашел? Я недалеко от центра жила. В Бутырках.

— Этой бродячей жизни конец, — решительно говорит Максим. — Пошли!

— Куда пошли?

— Ко мне.

— А разве у тебя есть комната?

— Сейчас найдем, — величественно говорит Максим. — Неужели в этом огромном каменном лесу мы не отыщем себе пещеры?

→ В этом районе нас не пустят.

— Как не пустят? У меня деньги, — вынимает он из кармана тощий кошелек. — Мы живем в эпоху финансового капитала. Идет дождь. В такую эпоху, в такую погоду ни один хозяин не выгонит на улицу собаку, если она заплатит вперед.

И вот они стоят перед парадным входом и читают записку, наклеенную на дверях:

Сдается комната

Добродушная старушка показывает комнату:

— Солнечная, сухая, теплая! По утрам я вам молочко буду давать, будете жить у меня, деточки, как у Христа за пазухой.

— Мне здесь нравится, — блаженно говорит Максим.—А тебе?

— Хорошо.

— Ладно, мамаша, мы здесь останемся.

— И оставайтесь, деточки! Лучше нигде не найдете. Позвольте паспорта для прописки!

— Вот! — говорит Максим, протягивая книжки.

Старушка, тепло улыбаясь, заглядывает в паспорта.

— А что это у вас, деточки, фамилии будто

разные? В какой церкви венчались? Где мои очки?

— А мы, мамаша, — говорит Максим, хлопывая старушку по плечу, — в гражданском браке.

— Сейчас же уезжайте! — испуганно говорит старушка, сунув назад паспорта. — Как же это так, боже ты мой! Нет, нет, нет, мы неповенчанным не сдаем. У меня дочь молодая девушка...

— Позвольте, мамаша!

Старушка, внезапно завизжав и затопав ногами: — У меня не притон разврата!

Максим и Наташа читают объявление на стене большого дома:

*Сдается прекрасная комната
с видом на сад*

Немолодая, грязная женщина в золотом пенсне на крупном носу вводит Наташу и Максима в маленькую отворотительную каморку.

— Настоящее гнездышко! — говорит женщина басом.

Максим, уныло оглядывает комнату:

— И сколько же вы просите за эту пещеру?

— Мосье! — всплескивает руками женщина. — Какая же это пещера? Это комната с видом на сад.

— А где же вид на сад? — перебивает Максим.

Женщина распахивает оконце. С высоты седьмого этажа можно различить несколько тощих деревьев.

— Вот! — говорит женщина театральным жестом. — Он полон роз.

— Это они и пахнут? — спрашивает Максим, с отвращением нюхая воздух.

Женщина захлопывает дверь в коридор.

— Конечно, — говорит она оскорбленно, — это не Зимний дворец. Но и вы как будто не из царствующей фамилии?

— Нет, — говорит Максим.

— В общем, комната нам подходит, — деловито говорит Наташа. — Но мы вас должны предупредить: мы состоим в гражданском браке..

— За кого вы меня принимаете? — обижается женщина. — Я не ханжа. Я очень левых убеждений. У меня два любовника, и вам советую.

— Ну, вот и превосходно! — перебивает Максим. — Значит, мы остаемся. Вот паспорт, вот задаток.

— Мерси, мерси — говорит хозяйка. — Исчезаю.

Хозяйка удаляется.

— Ну, вот и устроились! — говорит радостно Максим.

Стук в дверь. Появляется хозяйка.

— Пардон, пардон! Ваши вещи внизу? Прикажете принести?

— Вещи? Все наши вещи здесь.

Жест в сторону стола. Там кепка Максима и носовой платок Наташи.

— Простите, я только-что вспомнила, --

всплеснула руками женщина, — комната уже сдана одному профессору. Вот ваши паспорта. Вот ваш задаток. Всего хорошего!

— Позвольте...

Женщина, вскипая:

— Если вы голодранцы, так идите в ночлежку, а не в порядочный дом!

Корректный господин с мяпкими манерами, при воротничке и галстукe, но в домашних туфлях, демонстрирует комнату Максиму и Наташе.

— Значит, подходит? — говорит он, мягко улыбаясь.

Наташа, переглянувшись с Максимом:

— Я хотела вас предупредить, наши вещи еще не прибыли.

— Ну, какое это имеет значение? Главное — люди, а не вещи.

Наташа, осмелев:

— Я хотела еще вас предупредить: мы, знаете, состоим в гражданском браке.

— Помилуйте, это меня не касается! Живите себе, пожалуйста, как хотите! Вы оба такие славные. Простите, а чем вы занимаетесь?

— Я, например, — говорит Наташа, — работаю в газете.

— Журналистка? Превосходно. Простите, случайно не в «Биржевых ведомостях»?

— Нет.

— Простите, а где?

— В «Правде».

— Где?

— В «Правде».

— Простите, в таком случае я не могу сдать

вам комнаты. Нет! Нет! Все, что угодно, только не неприятности с полицией. Достаточно я натерпелся от нее. Я ведь был в свое время революционером. Отдал дань. А теперь я хочу покоя. Очень жаль, очень жаль, вы оба такие славные! — выIROваживает он их. — Да, в ужасное время мы живем, в ужасное. Марфуша, как там с ужином?

Ночь. Дождь прошел. В пустынных аллеях сада—только огромные лужи, в которых дрожит лунный свет. По саду уныло бредут Максим и Наташа. Добрели до какой-то скамейки, садятся, вздыхают.

— Вот тебе и эпоха, вот тебе и погода!— горько и отчасти лукаво говорит Наташа. — Выходит, мы хуже собак.

— А мне здесь нравится!—бодро заявляет Максим.—Воздуху много, стены не давят, соседи не раздражают. А то пойдем: и за Нарвской заставой и на Выборгской найдем, где переночевать!

— Нет, остаемся, — говорит Наташа. — Булку хочешь? У меня с собой.

Она ломает булку на две неравных половины, дает большую Максиму. Он протестует.

— Ешь,—сурово говорит Наташа,—ты мужчина, тебе больше надо, чем слабой, незаметной женщине.

Жуют. Наташа прислонилась головой к плечу Максима.

— Правильно,—задумчиво произносит Максим.—Незаметная ты у меня женщина, Елена! И я у тебя такой же, как ты, незаметный мужчина. Нам и по чину, милая, полагается

незаметно гулять по этому свету, без имени, без фамилии, без лица, без прописки. Я даже в толк не возьму, заметила ли ты, что я пять лет люблю тебя?

— Заметила,—отвечает Наташа.

Крепко целуются.

— Эх, конспиратор,—с досадой говорит Максим,—не мог скрыть...

— Для своих мы заметные...—говорит Наташа.

Улыбаются. Максим обнял Наташу.

— Вот только страшно,—рассудительно говорит Наташа,—если дети. Комнату не сдают, в тюрьму их не потащишь, в Сибири холодно... Ну, ничего, — зевнула философски, — пусть привыкают!

Глаза у нее слипаются.

— Плохо, мальчишка будет,—с сожалением вздыхает Максим,—отчеств много. Не то Максимович, не то Павлович, не то Федорович..:

— Много,—говорит Наташа, засыпая.

Тишина. Легкий ветер зашелестел в деревьях. Дождевые капли упали, чуть звякнув, в лужи. Где-то вдали медленно цокают копыта лошади—проезжает ночной извозчик. Максим почти заснул, вдруг, улыбаясь, шепчет:

— А имя ему, знаю, какое дадим!

— Да?—сонно поднимает глаза Наташа.

— Андрей,—мягко улыбаясь, говорит Максим.—В память товарища моей юности. Помнишь?—И он едва слышно поет:

Крутится, вертится шар голубой,

Крутится, вертится над головой...

Наташа спит у него на груди.

Максим без мелодии, тихо и серьезно говорит:

...Крутится, вертится, не упадет,
Кавалер барышню..

Голова его сонно опускается на голову Наташи.

Где-то бьют часы...

Часть пятая

Гудят вдалеке заводы. Пустынные улицы в утренней мгле. Идет весело и бодро Максим. Вдруг остановился, огляделся. Глухая стена с огромной рекламой. «Пилюли Ара—лучшие в мире!» Рядом—старый, погнувшийся фонарь. Максим с волнением глядит на фонарь.

Утренняя мгла еще не рассеялась. По тротуару шагает, насвистывая свою любимую песню, Максим. Улица перерезана глухими переулками. Издали видно, как из переулка вышли навстречу Максиму два человека. Он, не обращая внимания, насвистывая, продолжает свой путь. Свист обрывается. На Максима накинута мешок. Железная палка блеснула в утренней мгле. Максим падает.

Гудят чуть слышно заводы. Расходится мгла. Два человека — один из них смахивает на конторщика Платона Васильевича — шагнули в переулок и исчезли.

Тишина. В луже лежит Максим.

— «Правда!» Рабочая газета «Правда»!

По пустынным улицам столицы идет Фомка. Он звонко, почти нараспев, орет:

— «Трудовая правда!»

Идет Фомка по улице, пересеченной глухими переулками. На разные лады выкрикивает название газеты и вдруг останавливается, наклоняется. Закричал испуганно:

— Ой!

Лежит неподвижный, с лицом, залитым кровью, Максим. Гудит поблизости завод.

По улице степенно идет Ерофеев. Остановился, увидав необычайное зрелище. Подбежал.

Отстранив Фомку, склонился над Максимом и вдруг с болью воскликнул:

— Ученичок! Убили!

Гудок замирает. Ворота Северного завода. К ним подбегает Фомка. Рослый ингуш-охранник преграждает ему путь.

— Куда?—грозно вопрошает он.

Фомка моргает глазами, но сейчас же, спохватившись, говорит:

— Газеты, дяденька, продать!

— Вот я тебя!

У Фомки слезы отчаяния и злобы на глазах. Вмешивается проходящий господин в инженерской фуражке:

— Какие газеты?

Слезы миготом высохли на глазах у Фомки. Стиснув зубы, он бойко докладывает:

— «Двуглавый орел», господин, «Земщина». Вот, взгляните!

— Пропустить его!—говорит инженер.

Фомка готов бежать, но сдерживается и вкрадчиво предлагает:

— Возмите газеточку, барин!

— Стану я такую дрянь читать!—говорит, удаляясь, инженер.

Проходят к двери цеха рабочие. Фомка пробрался к дверям, напряженно оглядывается. Быстрыми шагами идет к цеху Павел. Фомка светлеет, бросается вперед, вцепился ему в рукав:

— Дяденька! Убили!

Павел останавливается, озадаченно всматривается, потом узнает:

— Кого убили?

Фомка быстро, захлебываясь, шепчет:

— Кто мне газеты с тобой давал...

Павел схватил мальчишку за плечо:

— Федор?

Фомка, едва не плача:

— Убили! Мертвый лежит, там, в переулке.

Павел ошалело глядит на него. Фомка вдруг заревел во весь голос. Павел хочет бежать на улиду, но передумал и бросился в цех. Фомка ревет, держась за дверь.

Громкий крик в цеху:

— Кончай работу!

Фомка поднял грязное от слез лицо. Остановились идущие рабочие, затем бросились в цех. Оттуда громовой голос:

— Останавливай машины! Кончай работу!

Идущие по двору в другие цеха рабочие останавливаются, потом бегут к инструментальному цеху. Оттуда с криками, в смятении выходят рабочие.

— Наверно не до смерти!—бормочет кто-то сбоку.

— Кто говорит, не до смерти? — вынырнул откуда-то Ерофеев.

— Может, по пьяному делу,—попробовал зайкнуться кто-то.

— По пьяному?—вне себя завопил Ерофеев и вскочил на бочку.—По пьяному?

Волосы его развеваются по ветру.

— Врешь!—орет он с яростным пафосом.— Врешь, нечистая сила! Покойный,—я его с детства знал,—в рот росинки не брал, моей, токаря Ерофеева, школы.. Что ж это выходит, братцы?

Кругом уже толпа. Люди прибывают. Павел напряженно следит за Ерофеевым. Тот вне себя; все его поговорки кажутся сейчас трагически серьезными: он говорит патетически, словно трибун.

— Хозяева нам от бастующих неццев заказ спихнули, клейма стерли, ночью везли. Обмануть думали! Да разве найдется такой человек, чтоб Ерофеева обманул?! Не обманешь нас, товарищи! Тогда они головы нашим ломать? Вот им моя голова, бей в нее! Двадцать шесть лет этой вот головою о нашей рабочей жизни думаю, этими вот глазами все хозяйские пакости вижу, этими руками сам головы, кому следует, сокрушу! Что ж, измываться над нами? Невцы уволены? Уволены!

— Расценки снижены!—подсказывает Павел.

— Расценки снижены!—кричит немедленно Ерофеев.—У Нобеля рупь пятьдесят копеек в день, а у нас за рупь двадцать работай!

— И восемь часов..

— А десять часов обязаны мы работать?—

под общий гул кричит, потрясая кулаками, Ерофеев.

— Правильно, Ерофеев!

Взрыв восклицаний. Ерофеев рукой останавливает рабочих. Он величественен.

— Так вот, первое предлагаю я,—с силой провозглашает он,—шапки снять за убитого в цвете лет Федора. Ни фамилии, ни отчества не знаю..

Шапки слетают со всех голов.

— А второе предлагаю: пока требований наших не выполнят, бастовать! День, год, двадцать шесть лет бастовать!

Шумят типографские машины. В наборной стоит оглушительный хохот. Наборщики окружили метранпажа, читающего со смаком идущую в номере басню. В дверях наборной появляется Наташа.

— Ментор!—кричит она.—Статья насчет войны набрана?

— Кончаем!—кричит кто-то.

— Потарапливайтесь!—говорит Наташа и хочет уйти, но задерживается, слушая басню, улыбается и потом уходит.

Идет коридором, общим для всех газет. Из дверей с вывеской «Ежедневная рабочая газета «Луч» выходит человек в студенческой форме, с бумагами в руках. Увидав Наташу, он не без язвительности улыбается:

— А, товарищ Елена! Готовит ваш орган очередную порцию брани по нашему адресу?

— Попадет,—уклончиво говорит Наташа.

— Ничего, не боимся! Я вам тоже сюрприз готовлю. Статью о пресловутом подполье. Эх,

не ваш бы ленинский фанатизм, вы бы поняли..

— Постараюсь,—говорит Наташа.

В редакционной комнатке «Правды» обычный шум и говор. В стороне у стола—мрачный Павел.

— А, здравствуй! — приветствует его Наташа.— Стихи опять принес?

— Стихи,—глухо говорит Павел.

— Хорошие?

— Не знаю. На смерть товарища.

— Какого товарища? — с сочувствием спрашивает Наташа.

— Послушай, милая,— грозно восклицает подошедший к ним рослый рабочий,—ты что надуваешь! Обещала вчера вечером к нам в клуб прийти и не пришла.

— Ой, забыла!—с раскаянием шепчет Наташа.

— Эх, не доведут тебя молодые люди до добра! Сегодня придешь?

— Приду,—обещает Наташа и вновь повернулась к Павлу.

— Так умер товарищ? Жалко! Ну, читай!

Павел читает. Наташа слушает. Подходит, чтобы послушать еще кто-то из сотрудников.

— Хорошо?—спрашивает он.

— Хорошо!—шепчет Наташа.—Должно быть, хороший человек был покойник.

Павел обрывает чтение и, нахмурясь, глядит на Наташу.

— А ты разве не знаешь?

— Не знаю,—удивленно глядя на него, отвечает Наташа.—Кто такой?

— Здравствуй, Елена!—кричит, также вне-

запно появляясь, технолог.—Ой, что-то ты за последние дни все веселая!

— Отстань!—огрызается Наташа.—Так, кто умер, когда?

— Сегодня утром,—говорит Павел,—на наш завод шел, его по дороге и прикончили..

Наташа бледнеет.

— Утром?—переспрашивает она.

— На заре. И трупы мы—потом спохватились — не нашли. Должно быть, дворники в приемный покой сволокли. Теперь завод баствует благодаря ему, твоему Федору...

— А я к тебе,—говорит пожилая работница, подходя к Наташе.—Пришла передать от наших торнтоновских благодарность за газету. И еще поручили мне передать работницы, если что надо, — зубами пойдем защищать газету от этих штрафов, преследований.. Если денег надо, опять соберем...

— Спасибо—говорит Наташа,—передай им наше горячее спасибо!

— Может, тебе помочь чем надо?—озабоченно спрашивается ткачиха.—Ты скажи! Очень охота помочь нашей рабочей газете.. Слушай, родная, пол-то у вас в конторе грязный! Давай, я здесь пол вымою. Будет хорошо...

— Не надо,—говорит с благодарностью Наташа.—Спасибо на пожелании! И так все будет хорошо!..

— Ну, прощай! Пошли тебе судьба счастья!—говорит работница.

— Прощай!—говорит Наташа и повернулась к Павлу.

Хотела об одном спросить, спросила о другом:

— Так забастовка началась?

— Началась.

— Невский поддерживает?

— Да.

— Пиши заметку!

— Есть заметка.

Передает клочок бумаги. Наташа глядит на бумагу.

— Хорошо,—говорит она.

Направляется в наборную. У двери повернулась. Тихо переспросила:

— Наверно убит?

Павел безмолвно машет рукой.

Наташа идет в коридор. Навстречу ей возвращающийся в «Луч» студент-меньшевик.

— Ну, что, договоримся?—весело спрашивает он ее.

Наташа останавливается, тупо глядит на него.

— Слушайте, Елена Андреевна,—ласково хлопает ее по руке собеседник.— Дивлюсь я вам. Как же вы не понимаете?

Вот-вот Наташа сорвется, обрушится.

— Вы..—сказала она страшным голосом, потом таким же страшным усилием воли сдержалась и сухо говорит:— Не понимаю...

Уходит. Студент-меньшевик смотрит ей вслед, пожимая плечами.

Наборная.

— Метранпаж.—зовет Наташа.

Заранее злой, подходит старик-метранпаж.

— Надо срочно набрать заметку!

Метранпаж поднимает кулаки.

— Не могу!—визжит он.—Нельзя так работать!

— Можно,—говорит спокойно Наташа.—Так и работаем. И будем работать. Пока не умрем.

— Смерть нам не страшна,—говорит свирело метранпаж.—Места в газете нет, вот что страшно. Давай твою заметку! Что я не понимаю, друг мой Елена? Эй, налетай, набирай!

Часть шестая

Газетчик орет на углу:

— Убийство австрийского эргерцога Франц-Фердинанда!

Взвыли баяны десятком различных мелодий. Раскрытые граммофонные зевы извергают песни Плевицкой и вальсы Чернецкого. Оглушительны крики людей...

Толкучка на питерском рынке.

— А вот кому брюки, новые брюки!

— Предсмертное сочинение графа Толстого!

Посреди толпы стоит Ерофеев в котелке и рубашке, сумрачно смотрит на проходящих, потом кричит:

— А вот пиджак! Кому пиджак?

— Ерофееву наш привет!

Перед стариком вырастают двое рабочих. Он мгновенно прячет пиджак.

— Продаешь чего? — осведомляется один из рабочих.

— Прогуляться.

— А мы продавать! Держаться-то надо. Де-

ти ведь... Тебе, правда, что! Ты, должно быть, чего накопил?

— Врешь! — говорит Ерофеев свирепо — У меня что, детишек нет? Вот пиджак продаю.

— До точки, значит, дошел? — с сочувствием замечает другой. — Пиджак продаешь, гордость! Ну, прощай!

На всех пластинках один и тот же бравурный марш. Баяны рыдают одну и ту же мелодию. Подняв пиджак, как знамя, кричит Ерофеев:

— А вот пиджак...

Рабочая окраина. На фоне далеких могучих кранов фабричных труб — юрковые домишки, заборы и плетни, гнилые деревянные тротуары. Оборванные дети копаются в грязи, ободранные собаки озлобленно лают. На углу — унылая чайная, в сторожке — зацветшее болото. Дерево, растущее у тротуара, уродливо покривилось.

По тротуару бочком идет Ерофеев. Навстречу ему — пожилая женщина. Она останавливается, кланяется.

— Что же ты без пиджака, Василий Кузьмич? — спрашивает женщина. — Продал?

Ерофеев возмущенно отмахивается и объясняет:

— Тепло.

— А мы так все продали! — вздыхает женщина. — И Нюшка моя больна. Иду постирушку искать.

Ерофеев сопит, потом вынимает бумажки из кармана и протягивает одну женщине.

— Ой, — говорит она, — за что?

— Я твоему Никодиму должен, — отрывисто бурчит Ерофеев, — за миллиард.

— Проиграл ему? — недоверчиво говорит женщина.

— Дура! Двадцать шесть лет не проигрываю. Выиграл. Такая у нас игра была: кто выигрывает, тот платит.

— А-а! — сомневается женщина, но берет рубль.

— Ну, прощай! — говорит Ерофеев и уходит.

Женщина с благодарностью глядит ему вслед.

Ерофеев подходит к своему дому. Преглупо залаял пес. На ступеньках лестницы сидят трое детей и тоненькими голосами поют:

Где эта улица, где этот дом?

Где эта барышня, что я влюблен?

— Цыц! — накидывается на них отец. — Не нашли другого места галдеть!

— Поесть что-нибудь принес? — строгим шопотом спрашивает девочка.

— Принес. Чайной колбасы принес. Высший сорт, третий.

— Ой, тятка чего-то продал! — вскрикивает другая девочка.

— Ты пиджак зачем продал? — деловито укоряет мальчишка.

— Ври больше! — огрызается Ерофеев, потом машет рукой и говорит нравоучительно: — Ну продал! Теперь в Англии пиджаков не носят. Вышли из моды.

— Тятка у нас самый важный, — гордо

объясняет мальчишка сестрам, — к тятке с завода большое письмо;

— Врешь, Севка! — возрился на него отец. — Что за письмо?

— Вот!

— Гм! — говорит Ерофеев, вертя в руках письмо. — Что б это могло быть?

Он идет в дом. Проходит крохотную прихожую и входит в свою комнату. Занавеска делит ее на две половины. В первой степенно сидят несколько пожилых и старых рабочих, встречающих Ерофеева хором приветствий:

— А, нечистая сила!

— Смотрите! Ерофеич-то без пиджака?

— Где пиджак, старый чорт?

— Сдался всем пиджак мой! — злится Ерофеев. — Не вечно же мне в нем ходить. Проветривается. А что это вас нечистая сила ко мне принесла?

— К кому же итти, если не к тебе? У нас дело.

— Ты постой, — прерывает Ерофеев, садясь. — Тут, значит, дирекция меня из всех рабочих выбрала и мне одному из всех письмо написала. Вот погодите, я прочту!

Вооружившись для пущей важности очками, он поднимает белый конверт. Сейчас же все сидящие поднимают такие же белые конверты. Ерофеев глянул вправо, глянул влево и обмер. Закашлявшись, он достает из конверта письмо и шопотом читает:

«...Администрация обращается к вам, как к квалифицированному...»

Все потихоньку повторяют текст

«...старому рабочему со стажем!..»

— Верно! — умиленно шепчет один из стариков. — Со стажем!

«...исключительно из внимания к случайно втянутому в стачку квалифицированным рабочим...»

— Слово-то какое! — удивляется кто-то. — Длинное... Иностранное...

«...Администрация до сего времени не принимает законных мер...»

— Врут, сволочи! — не выдержал кто-то. — Не принимают! Вчера двадцать штрейхбрехеров принять хотели, да мы их...

— А в лавках кредит закрыли...

— Тсс! — зашикали со всех сторон.

Ерофеев, грозно на них поглядев, читает дальше:

«...Разве вам, старому рабочему, желательно лишиться пенсии, оказаться в положении неприемлемой для предприятий столицы наемной силы, подвергнуться неизбежному локауту?»

— Вот это слово похуже! — скептически заявляет любитель иностранных слов. — Короткое, не иностранное и смысл плохой.

«...Администрация не желает репрессий и исключительно из дружественных отношений к своему персоналу согласна отказаться от вызвавшего стачку заказа морского ведомства немедленно после того, как основные кадры рабочих возвратятся к станкам. Директор завода Клюге фон Клюгенау».

Ерофеев, потрясенный, сидит, выпучив глаза. Потом, невероятно поважнев, складывает письмо и цедит:

— Вот! Сдаются. Ерофеева испугались!

— Думаешь, тебя? — говорит кто-то недоверчиво.

— А кого же? Твоей тетки?

— Думаю, всех.

— Я и говорю всех. За мной все и есть.

— Значит, забастовке конец?

— Хорошо бы! Не привык я без дела сидеть!

— И баба довольна будет. Два ее платья проели.

— Невтерпеж.

— Ну, а как же насчет расценок? — заикнулся кто-то.

Пауза. Все переглянулись. За занавеской — тихий большой кашель. Ерофеев поглядел на могучий свой торс без пиджака, вздохнул и шепчет:

— Что ж, не в один день Москва строилась!

— А если попросить...—вмещивается кто-то.

— Нечего, нечего просить! — отмахивается Ерофеев.

— Они нам письмо, и мы им в ответ письмо..

— Очень надо! — мычит Ерофеев.

— А в письме вежливо так и ласково поблагодарим и попросим, нельзя ли мол и расценки, — не слушая, заканчивает предлагающий.

— Правильно! — загудели голоса.

— Чего орете? — негодует Ерофеев. — Не понимают, что человек дело говорит, и орут. Спасибо, Михеич, что поддержал меня. Обязательно письмо! Именно вежливо. С теплотой,

— С уважением!..

— И где это я карандаш оставил? — сует

тится Ерофеев, и вдруг огорченно: — В пиджаке оставил.

— Так вынь!

Ерофеев мрачно смотрит на говорящего:

— Откуда?

— Да из пиджака! Где это он у тебя?

— Пиджак?

— Ну, да, пиджак.

В дверь всунулась физиономия мальчишки:

— Тятка! К тебе дяденька. Твой пиджак принес.

Ерофеев замер. Проглотил слюну. Торопливо объясняет всем:

— Портной. Пуговицы пришивал.

И стремительно идет в прихожую.

Там стоит мрачный высокий рабочий. Ерофеев плотно прикрывает дверь и недоуменно смотрит на гостя, потом перевел взгляд и вздрогнул. В руке у рабочего ерофеевский пиджак.

— Я у тебя пиджак покупал? — спрашивает рабочий.

— У меня, — со вздохом говорит Ерофеев. — Тут еще мой карандаш лежит, позволь вынуть!

— Ты постой! — грубо обрывает гость. — Ты кого же это обманывать вздумал? Самого что ни есть мирового литейщика Алексея Мищенко обманывать? Да я обман хуже смерти ненавижу!

— Кто тебя обманывал? — вскипел Ерофеев. — Купил пиджак и иди себе! Или, может, суконце тебе не нравится? Новый пиджак, а не нравится? Двадцать шесть лет ношу, а тебе в первый же день плох?

— Чихал я на твое сукно! — говорит литейщик. — Ты же с Северного?

— Ну, с Северного.

— Ты ж бастуешь?

— Ну, хоть бы и бастую, тебе что за дело?

— Как, что за дело? Мне до всего дело. Ко мне сам директор за советами ходит. Министр императорского двора барон Фредерикс помощи в разных делах просит. А тут, здрасте, до плюгавого токаря дела нет!

Ерофеев стоит, совершенно юшарашенный, моргает, раскрыл рот и не сводит глаз с забившего его словами гостя.

— Бери свой мундир! — отрывисто говорит литейщик. — Нужен мне он! У меня дома два фрака висят. Я из твоего тряпья кошке подстилку сделать хотел, ну пусть в корзине дрыхнет!

— Как же это так? — упавшим голосом говорит Ерофеев. — У меня уже и денег всех нет. Жена ушла, в чулке у нее.

— Ты кому это деньги отдавать? — шипит озверело литейщик. — Умру без твоих прощей? Мне хоть завтра из банка пять тысяч выдадут. Я в лотерее-аллегри сто тысяч рублей и двуспальную кровать выиграл 15 марта в текущем году... А ты, остолоп, мне чего суешь?

— Боже ж мой, боже ж мой! — подавленно шепчет Ерофеев. — Как же это можно одному человеку столько врать? Зачем издеваешься? Не по нраву пиджак — отдавай, на тебе деньги, сейчас соберу остальные.

— Ты с кем это споришь? — сощуриив глаза, схватив Ерофеева за грудки, осведомляет-

ся гость. — Ты с грозой литейного цеха спиришь? Я Ивана Поддубного..

— Стой! — в отчаянии стонет Ерофеев. — Бери деньги!

— Не возьму, — говорит литейщик. — Тебе нужней. Поди, сужин сын, детей наплодил, как кролик! Держи деньги, говорят тебе! Не бывать этому, чтобы литейщик Мищенко у баствующего рабочего, у товарища пиджак отнимал! И денег назад не надо. Я для того, по секрету сказать, и копил, — знал, пригодятся. Ну, женке, детишкам привет! Носы им утри, а женку от меня прячь — влюбится! Давай лапу, прощевай!

Ерофеев протянул руку сопит, трясет руку гостя и неожиданно говорит:

— Поцелуемся, что ли..

— Давай, — соглашается литейщик.

Целуются и потом отплеваются и откашливаются.

— Тыфу, табачищем пропах, нечистая сила! — ворчит Ерофеев. — Думал ли я после девиц-блamanже такую гадкую харю лобызать?

— Ты гордись! — говорит литейщик. — Тебе все красотки теперь завидуют. Меня, брат, государыня императрица Александра Федоровна к себе заместо Гришки Распутина звала, да я отказался: тощя!

Молодецки крякнув, литейщик уходит. Ерофеев стоит с пиджаком в руке, обалдело и растроганно глядит гостью вслед, потом говорит:

— Хороший человек! Только врет! Ну, я его отучу.

Надевает пиджак и, приосанившись, идет в комнату.

— Кто тут ехидничал про пиджак? — осведомляется он. — Ну, вот пиджак: повисел проветрился.. И карандаш нашелся. Только, я думаю, лучше чернилами.

Идет к занавеске.

— Это правильно, что чернилами, — соглашается один из рабочих. — Уваженья будет больше. Как-никак — хозяйева!

Ерофеев останавливается у занавески. Вдруг лицо его делается жестким, он цедит сквозь зубы:

— Конечно, уважить их надо. Только вот что я вам скажу: нет для меня достойней людей, кто от себя последнее для товарища отдает.

— И жизнь, — тихо сказал один из рабочих. — Вот как этот парнишка, которого из-за нас убили.

— Это ты о ком же? — помрачнел Ерофеев.

— Тьфу, ты же сам речь держал, когда он умер. Скажешь не было этого?

— Умер, умер! — торопливо поворит Ерофеев, опасливо глядя на занавеску, и на цыпочках идет туда.

Там полутьма. Ерофеев осторожно идет к комоду.

— Василий Кузьмич! — слышен слабый голос.

Ерофеев, как пойманный на месте преступления, поворачивается.

— Тсс! — шепчет он в испуге. — Ты же мертвец!

На постели лежит перевязанный, исхудалый, обросший Максим.

— Хорошие сны мне снились, — говорит он, едва слышно. — Будто победа.

— Врешь ты все! — недовольно шипит Ерофеев, подавая ему вино. — Ничего тебе не снилось, а просто подслушивал. Грех!

Максим выпил вино и говорит бодрее:

— Значит, сдаются?

— А тебе что?

— Заказ не берут?

— Не берут.

— Расценки повысят?

— Гм, повысят!

— И шестерых с Невского вернут?

Ерофеев захлопал глазами, вдруг яростно зашептал:

— И чего ты нервничаешь? Велено тебе—покой. Что ты в этих делах понимаешь? Только разозлил меня, а мне сейчас вежливое письмо писать.

— От меня сердечный привет, — говорит Максим.

Ерофеев хотел что-то сказать, потом сердито машет рукой и возвращается в комнату с чернилами и книгой в руках.

Ставит чернила на стол, а сам садится на стул у занавески и торжественно говорит:

— Вот, двадцать шесть лет у меня! «Настольная книга молодых людей. Письмовник для влюбленных». Сокровище!

— Что же это, мы хозяевам в любви объясняться будем?

— Здесь на всякий случай. Вот: «Душа, души моей, бесценная Лиза! Злой божок Купи-

дон...» Не то! Где это тут деловые? Вот, вот: «Милостивые государи, Бренс, Ленс и К^о, город Потсдам, Германия. Настоящим подтверждаем факт получения вашего письма за № 1492, из которого явствует, что заказ наш на рис, маис и пшеницу...»

— Постой: — прерывает кто-то, — причем тут рис, маис и пшеница?

— Ух, ты! — качает головой Ерофеев. — Это ведь модель! А мы вместо фрайса-маиса поставим забастовку..

— Значит, — говорит еще кто-то, — заказ на забастовку?

— Ух, олухи! — возмущается хозяин. — Говорю, модель... Пиши, Фрол: Милостивые государи..

— Бренс, Ленс, — добавляет кто-то.

— Какие там Бренс-Ленс! — свирепо рычит Ерофеев. — Нашело ирода как зовут? Ну и пиши: Милостивые государи Фридрих Хансович..

— Не буду писать.—говорит хмуро Фрол.— Фридрих Хансович — это же Федор Иванович. Они нам хорошее слово, длинное, иностранное, — читает в письме. — ..«квалифицированные», — а мы им — Федор Иванович. Нехорошо. Надо нам тоже вежливо, как-нибудь помудренее.

— Надо бы! — отзываются сидящие.

— Я и говорю, надо, — соглашается Ерофеев. — Пиши. Милостивые государи дирекция..

— Какое же это иностранное слово? Наше!

— Как же? — мучается Ерофеев — Милостивые государи..

— ...Эксплоататоры, — тихо доносится до его уха из-за занавески.

— Придумал! — страшным шопотом кричит Ерофеев. — Пиши, Фрол: эксплуататоры. Вот!

Победоносно обводит потрясенных гостей взглядом.

— ...Милостивые государи эксплуататоры, — читает Фрол.

— И к^о.. — вставляет кто-то.

— А что это «к^о»? — любопытствует кто-то.

— Стыдно не знать! — строго говорит Ерофеев.

— А ты знаешь?

— Я-то — обижается Ерофеев. — Я двадцать шесть лет...

— Да ты скажи!

Шопот из-за занавески: — И компания..

— И скажу, — режет Ерофеев, придвигаясь к занавеске, — И компания. Вот что значит!

— Какая такая компания?

— Уж известно какая! Теплая компания, чорт их дери!

— Ума ладата!

— Пошли дальше. Настоящим подтверждаем факт получения вашего письма, — выдали, как залущено! Факт получения письма за №...

— А номера-то и нет! — беспокоится кто-то.

— Пиши, что номера мы не знаем, — диктует Ерофеев.

— И нам на это наплевать, — вставляет другой.

— ...За номером, коего мы не знаем, — трудится Фрол. — И нам на это наплевать...

— Родные! — возмущается Михеич, — как же это наплевать? Что же тут вежливого?

— А тебе номер нужен? — ехидничает кто-то. — Не можешь без номера?

— Цыц! — говорит сурово Ерофеев. — То, конечно, ты зря Фрол, написал, только вычеркивать невежливо! А ты, Михеич, в конце насчет номера свое особое мнение напишешь!

— Министр! — восхищаются старики.

— Пиши дальше! — диктует польщенный Ерофеев, — из которого явствуется... Что же это, черт побери явствуется?

— Может, выкинуть насчет явствуется? — робко заикается один из рабочих.

— Дурь из твоей головы выкинуть, — сосредоточенно говорит Ерофеев. — Как же можно против письмовника? Что же это, в самом деле явствуется?

Максим рассеяно шепчет, словно не для Ерофеева:

— Туго им, видно, пришлось...

— Как? — вскрикивает Ерофеев.

— Что как? — поражаются все.

— Туго им, видно, пришлось, — доносится до Ерофеева шопот.

— Шумите! — с горьким упреком говорит Ерофеев. — Не даёте человеку сказать! А ведь у меня все тут..

— Да ты говори, что явствуется?

— Явствуется, что туго приходится им, господам хорошим. Вот что явствуется..

— Ох, голова! А ведь и вправду, с хорошей жизни они бы не писали!

— Уж этот Кузьмич!

— Таки и пиши: туго приходится вам, господа хорошие, и не зря на попятный идете...

— Ох, идут ли? Я их преподлую натуру знаю.

— Правильно! — восторженно диктует еще кто-то. — Только мы вашу подлую натуру знаем...

— Разрешите мне! — кричит Михеич.

— Куда лезешь, молчи!

— У меня мнение... Не смеете рот затыкать... Разрешите насчет номера!

— Причем же тут номер?

— Разрешите! — волнуется Михеич. — Пиши, Фрол: И номер ваш не вышел.

Взрыв хохота.

— Здорово! — в восторге кричит кто-то. — Ай да Михеич!

— Что, Михеич! — обиженно вмещивается Ерофеев. — Я еще не так скажу. Пиши: ...а внимание ваше к нам очень нам лестно...

— Вот это вежливо! — обрадовался поклонник хорошего тона.

— ...только оно нам ни к чему, — грозно говорит Ерофеев. Встал, застегнул пиджак. — Ни к чему, — повторяет он, и голос его дрожит: — Потому живы мы вниманием наших людей, рабочего люда! Он — за нас, мы — за него.

— Правильно! — растроганно подтверждает рабочий. — Ох, товарищи, хоть заплачь!

— Ох, не могу! Реву!

— А ваш интерес, — вопит кто-то яростно, — рабочих за глотку душисть. Слоибыль копить, в тюрьмы лучших людей сажать!..

— А ну его, письмовник! — свирепо отмахивается Ерофеев. — Его кто составлял? Буржуазия... А мы по-своему, по-пролетарскому..

— Только вежливо?

— Вежливо.

— Пиши, Фрол... Постой, сбил меня письмовник...

— Об угрозах вспомни, — шепчет Максим из-за занавески.

— Правильно! — радостно восклицает Ерофеев. — Пиши: ..А что пенсии мы лишаемся, так на пенсию вашу и подштаников себе не шить..

— ...А что в черные списки вы нас внесете, — другого от вас, паразитов, не ждем...

— ...И к локаутам вашим привыкли. И время придет, ответим вам всем таким локаутом, что придется вам ехать...

— ...в Потсдам... — заканчивает Ерофеев: Гомерический хохот.

— Теперь бы им требования! — шепчет едва удерживающийся от смеха Максим.

— Молчи! — шипит Ерофеев, — Чего ты в политике смыслишь? Учить меня нынче все вздумали. Пиши, Фрол... Насчет же заказа премного благодарим..

— Вежливо! — радуется кто-то.

— Вежливо, — подтверждает Ерофеев. — И только покорнейше напоминаем о расценках, а также о сокращении дня...

— Вот это ласково! Прямо злой божок Упидон!..

— И о невцах.. — эхом голос Максима.

— ...И эксплуататорам с Невского передайте, чтоб они с вас брали хороший пример...

— И прибавь.. — говорит какой-то рабочий на ухо Фролу.

Тот отмахивается.

— Ты это брось! — сдвигает брови Ерофеев. — Матерщины ни-ни! Теперь нужен конец под статью письму. — Ищет в письмовнике. — Вот! Пиши, Фрол: «С совершенным почтением и горячею преданностью».

Общий восторг. Старики хохочут, подталкивают друг друга. Кто-то пошел в присядку, за ним другой, третий запел:

По России слух прошел:
Николай с ума сошел
Что я вижу, что я слышу,
Николай полез на крышу.

Гремит хор, старики пляшут, Ерофеев откалывает коленца, все весело смеются. Морщась от боли, смеется за занавеской Максим.

И вдруг сразмаху открывается дверь. На пороге — взволнованный Павел, Наташа и еще несколько рабочих.

— Сказались! — восклицает вне себя Павел, и все остановились. — Пляшете, поете, а хозяева нас обкрутили!

— Как обкрутили? Не родился..

— Родился! Теперь всему Питеру туго придется.

— Да что, говорите!

— Локаут.

Молчание. Все замерли в маленькой комнате Ерофеева.

— Локаут? — шепчет кто-то. — Да это хуже смерти!

— С квартир — вон!

— Податься некуда!

— С рабочей поддержкой кончено.. Каждый завод о себе думать должен.

— Хуже нет, чем локаут, — стонет Ерофеев. — Двадцать шесть лет.. видел их..

— И вынес? — раздается женский голос:

Все повернулись к Наташе Она выступила вперед.

— Я из «Правды», товарищи! — говорит она. — Принесла полученные для вас деньги.. Двести двенадцать рублей пятнадцать копеек.. Из Киева, из Одессы, из Сормова, из Иваново-Вознесенска.. Верно, локаут! Поголодает Питер... а вся Россия на что?

— Золотые слова, товарищ, даром, что баба! — стукнул кулаком по столу Ерофеев. — Не даст Россия Ерофееву помереть.

— Мы ж на бакинцев отчисляли, — поддержал Павел.

— Теперь они должны.

— Много городов в России!

— Да как они узнают?

— Узнают, — говорит, повысив голос, Наташа. — Для этого и выбрали мы депутата в Думу.. Завтра ему речь говорить, его вся Россия услышит.. Я и вам два билета на хоры принесла, еле достала..

— Уж он им ответит!

— Я так думаю,—озабоченно говорит Фрол,—что наше вежливое письмо теперь ни к чему...

— Врешь! — вскричал Ерофеев. — Теперь-то мы его и пошлем. Ах, нечистая сила! Думаете, рабочий класс ваших локаутов испугался? Так нет! Пощли, сынки, по квартирам!

Двадцать шесть подписей наберем, ткнем им в нос наш рабочий ответ.

— Верно. Пошли.

— Держитесь, милостливые государи эксплуататоры!

Фрол, взмахнув рукой, взревел тут же озорную песню, старики подхватили и, суетясь, посыпались к выходу. Песня гремит за окном.

Наташа с улыбкой глядит им вслед, повернулась к Павлу:

— А мы — в Сампсониевское общество! Сегодня там собрание... Уж сегодня там все будут!

— Все! — раздается голос Максима, и занавеска падает.

Наташа и Павел замерли на месте. Максим радостно улыбается им. А за окном, затихая, звучит песня.

Часть седьмая

Зал Государственной думы полон. Энергично звонит председатель. На трибуне — огромный, слоноподобный депутат. Он говорит с большим темпераментом:

— ..Количество забастовок подозрительно растет. Между тем, с чего бы рабочему классу бастовать? Он сыт, обут, одет. Хозяин не сет о нем полное попечение. Он живет счастливей нас с вами, господа! Без обиняков скажу: я хотел бы быть рабочим!..

Панорамой мы видим зал, депутатов на своих местах, министров в их ложах, публику на хорах. Озираясь на восседающих здесь ба-

рьнь, проходит на хоры кучка счастливых рабочих, среди них — Павел и Ерофеев. Пристав брезгливо указывает им места.

— ...Истинная причина забастовок в том, что революционные воротилы, студентишки, жида да армяшки подстрекают доверчивого русского мастерового...

— Что ж он говорит? — сразу заволновался Ерофеев.

— Молчи! — шепчет грозно Павел. — Смотри лучше на депутатов. Вон справа Пуришкевич, вон Шульгин — монархист, вон Миллюков — кадетский вождь.

— Что ж на затылки смотреть! — огрызается Ерофеев.

— Может, когда и в лицо их увидишь!

— Тсс! — шипят на рабочих барыньки.

— ...И некоторые из этих подстрекателей сидят среди нас, господа члены Государственной думы, — кричит оратор.

Голос из зала:

— Почему берете с головы?

Председатель энергично звонит.

— ...Я назову их. Это так называемые рабочие депутаты, — восклицает оратор.

Взгляды обращаются на крайние левые скамьи Думы. Там — рабочие депутаты. На них обращены лорнеты дам. Тураев поднимает голову и встречается взглядом с рабочими на хорах.

— Наши! — чуть не плачет Ерофеев. — Родные!

— ...Их выбрали заседать. Обманутые избиратели — глупое рабочее стадо — почтили их доверием.

Возмущенные крики слева:

— Долой! Исключить!

Справа:

— Тебе не нравится?

Слева:

— Успокойте жандарма!

— Дайте ему холодной воды!

Председатель звонит. Оратор, не смущаясь, кричит:

— ...А они вместо этого шляются по заводам, разводят смуту, выпускают прокламации, издают газету, которая с раннего утра занимается подстрекательством, — он потрясает «Правдой».

— Да как он смеет! — кипит Ерофеев, но Павел сдергивает его.

В зале волнение, какие-то выкрики и справа и слева. Председатель лениво позвякивает в колокольчик. Оратор словно упивается атмосферой скандала. Он орет все визгливее:

— ...Простодушные рабочие потеряли голову, послушались голоса изменников царю и отечеству, пошли по пути виселиц. Зараза забастовок распространяется...

Ерофеев дрожит от негодования.

— ...Лучшее средство против забастовок, господа, — это уменьшить заработную плату. С голоду не забастуешь, мятежами заниматься впору лишь сытым.

Ерофеев что-то кричит, но Павел во-время заткнул ему рот. Глаза Ерофеева горят неукротимой яростью. Трясутся от ненависти другие рабочие. Оратор между тем заканчивает:

— ...Так как это преступление колеблет основы государственного порядка, то этих гос-

под надо судить, как государственных преступников, и повесить. Мы обязаны сказать правительству: мало, мало, дуй больше!

Гром аплодисментов. Оратор косится в сторону министерской ложи, замечает там одобрение и, вытирая платком лоб, сходит.

Председатель зычно объявляет:

— Слово предоставляется депутату Тураеву!
Новая волна возбуждения в зале.

Тураев идет на трибуну. Оглянулся. Тягостное молчание. Свет многочисленных люстр. Зал наполнен врагами. Сидят махровые черносотенцы, тупые попы, застыли безличные ряды центра, суетливо, кокетничая, перебирают бумаги кадетские адвокаты.

Тураев поднял глаза на хоры. Барыньки лорнируют его.

— Он, кажется, слесарь, — шепчут они.

И слева от них застыли свои, рабочие. Ерофеев словно подзуживает депутата. Вдохнув глубоко воздух, облокотившись о кафедру, Тураев звучно и сильно говорит:

— ...Господа члены Государственной думы! Вы слышали здесь утверждение депутата правых о том, что рабочий живет сытно и беззаботно. Бия себя коленой рукой в манишку, этот господин выразил желание стать рабочим. Сомневаюсь, чтобы рабочие приняли его в свою среду...

Голос справа:

— Тебя не опросят!

— ...Рабочие прекрасно видят разницу между своими, рабочими депутатами и вами. Вас здесь большинство, и вы идете с думской три-

буны в министры. Нас здесь ничтожная кучка, и мы идем с думской трибуны на каторгу!..

Энергичный звонок председателя.

Справа возгласы:

— Давно пора!

— ...Позвольте коротко обрисовать положение питерского рабочего. Двенадцатичасовой рабочий день. Штрафы на каждом шагу: за выход до свистка, за выход после свистка, за неотметки в контрольных часах, за несообщение нового адреса.. Рабочие в таких каторжных условиях работать не могут.

Шум справа и крики:

— Пошел вон!

Председатель:

— Член Государственной думы Тураев, я призываю вас к порядку!

— За что же это? За правду? — недоумевает Ерофеев.

— ...Господа, известно, что бессмысленно прививать оспу телеграфному столбу. Не менее бессмысленно говорить о положении рабочих в этой черносотенной помещичьей Думе...

Новая буря возмущения.

— Что за безобразие! — орут оскорбленные октябристы.

— Я сам рабочий, — взволнованно говорит Тураев под звонок председателя. — И если я говорю здесь о страданиях рабочих, то для того, чтобы показать всему пролетариату, всему народу эту систему эксплуатации, чтобы убить все надежды в сердцах наивных людей на примирение с правительством произвола и насилия...

— Член Государственной думы Тураев, будьте осторожны в выражениях! — грозно кричит председатель.

— ...И не к вашей милости взываю я, господа! Как два лагеря друг против друга стоят, с одной стороны — объединенная буржуазия, а с другой — пролетариат. И я от его имени бросаю вызов правительству внесением нашего запроса о забастовках в Санкт-Петербурге. Не сомневаюсь, что вы провалите его, но этим вы лишней раз покажете народу, что большинство Думы, попавшее сюда благодаря безобразному избирательному закону...

Шум в зале.

Председатель:

— Если вы еще позволите себе подобные выражения, я вас лишу слова!

Шум усиливается. Тураеву с трудом удается говорить.

— ...В крике забастовавших рабочих слышится: «Долой всю систему крепостного права, долой это систематическое убийство и истощение рабочего! На насилие мы ответим насилием!»

— Член Государственной думы Тураев! — орет, звоня, председатель. — Я вас лишаю слова.

Справа — рукоплескания и голоса:

— Вон, его вон!

— ...Нам нечего ждать от вас. Рабочий класс может добиться улучшения своего положения только собственными руками..»

— Вы лишены слова, член Государственной думы Тураев!

— ...Вы можете лишить меня слова, но ни у кого нет силы зажать рот рабочему классу! Председатель отчаянно звонит. В зале крик и шум.

— Потрудитесь оставить кафедру! — кричит председатель. — Господин пристав!

Пристав подходит к Тураеву. В зал входит воинский отряд.

— ...Рабочий класс, пославший меня, услышит!

— Слышим! — не выдержав, кричит Ерофеев. — Слышим!

К нему бросаются служители. Внизу два солдата, поднявшись на кафедру, сталкивают Тураева.

— За неслыханное нарушение думского устава, — стараясь перекричать шум, вопит председатель, — предлагаю исключить члена Государственной думы Тураева на пятнадцать заседаний.

Яростно кричит, рукоплещет, грохочет черносотенная Дума.

Часть восьмая

И вновь по темной утренней улице летит мальчишка, потрясая газетой, крича:

— «Правда», рабочая газета «Правда»!

Гудит издалека завод.

— Изгнание рабочего депутата из Думы!

— «Правда»! Газета «Правда»!

При свете печей в пекарне читают пекаря:
«...Сознательные рабочие очень хорошо знают и некоторые конкретные формы повыше-

ния, исторически неоднократно испытанные...»

— Понятно, — говорит один из пекарей.

На пороге пекарни, освещенная отблесками огня и печи, вырастает фигура хозяина. Всплеснув руками, он восклицает:

— Ироды! А месить кто будет?

— Сам меси! — кричит один из пекарей, сбрасывая передник и размахивая им, как флагом. — Ребята! На улицу!

Большая заводская печь. Утирая торопливо лицо, надевает куртку рабочий. Сзади одеваются другие. У двери цеха на фоне сумрачного рассвета появляется молодой рабочий.

— Эй, ночная, давай! Утренняя уже строится.

Рабочий стоит во дворе на фоне зданий и труб.

Он взмахнул рукой, кричит:

— Сдвигайтесь теснее! Отворяйте ворота! Протяжный гудок.

— Пошли!

Конный городской лихо повернул коня и помчался по сонной улице. Гудят заводы, в переулке стоит кучка конных городских, впереди — офицер. Городовой подлегает, отдает честь, орет, стараясь перекрычать гудки:

— Так что обуховские пошли, ваше благородие!

Гудят и гудят заводы.

Конный наряд полиции перед Нарвскими воротами.

Офицер тревожно оглядывается. Лошади гулко ржут.

Из ворот какого-то небольшого завода выбегает рабочий; он глядит вдаль. Сторож пытается задержать рабочего. Тот с руганью отталкивает его и кричит в ворота:

— Эй, выходи! Путиловские идут!

Распахнулись ворота завода—виден рабочий, стоящий на бочке, громогласно читающий прокламацию:

«...Пусть не дымит ни одна заводская труба, не стучит молоток, не открываются магазины!.. Да здравствует социализм!»

Громовой голос:

— Пошли!

И, запевая рабочую «Марсельезу», двинулись вперед ряды рабочих

Фомка летит по улице,

— Газета «Правда»! Сегодняшние события! Гудят заводы. Отдаляется пение. Фомка бежит насквозь переулком. И вдруг чья-то рука схватила его.

— А!—говорит торжествующий городской.— Попался, приятель! Пошли в участок!

Он тащит упирающегося Фомку. Тот яростно кричит.

Городовой толкает его сапогами.

Фомка схватил его за сапоги, сильно дернул. Городовой падает. Фомка вскочил, стрелой понесся прочь. Мчится по улице, прижимая сумку с «Правдой».

За ним — яростный свист. Бежит неуклюже городской. И вдруг, завернув за угол, Фомка застывает. Он даже не обращает вни-

мания на то, что враг уже догоняет его. Слышит какой-то мощный шум. На лице Фомки ширится сияющая улыбка.

— Наши! — кричит он восторженно. — Наши идут!

Фомка бросился вперед. Чуть было не схвативший его городской остановился сразбега, тяжело дыша, взглянул и попятился назад.

— Наши идут!

Заполняя всю улицу, плечо к плечу идут тысячи людей—идет рабочая демонстрация.

В небольшой комнате захудалого трактира сидят несколько человек. Один из них. — Максим — с запавшими от бессоницы глазами, хриплым голосом говорит стоящему перед ним рабочему:

— Главное — знаменосцев покрепче, чтобы их не свалили..

— Крепкие! — говорит рабочий.

— Запасные флаги?

— Имеются..

— В первые ряды ставь только наших! Иди!

Максим поднимается. В комнату влетает Павел. Машет рукой.

— Ну?

— На «Русском дизеле»..

— Вышел?

— Не пускают.. Большевики отговаривают..

— Эх, а людей нет! Пошли!

По улице движется демонстрация. Разносится мощное пение, гремит «Марсельеза». Идут

заводы, люди — булочники, текстильщики, печатники, металлисты.

А по другой улице спешно идут городовые — усиленный наряд. Готовится схватка.

Максим и Павел подбегают к заводу с закрытыми воротами. Перед заводом гарцуют два конника. Максим остановился. Павел в отчаянии.

— Как крепость! И не попасть!

— Это нам-то, рабочим, не попасть? Беги, выводи Северный, а я попробуюсь.

Разошлись.

У ворот Северного завода бурлит толпа. Ораторствует празднично одетый Ерофеев. Слышны неторопливые восклицания.

Максим рыщет вдоль забора; какая-то доска поддалась. Он налег, пролез во двор. Бежит.

Во дворе завода — море голов. Рабочие столпились перед крыльцом заводоуправления, на котором стоит седобородый меньшевик. Он кричит надрываясь:

— Самозванные листовки вызывают вас на улицу. От имени социал-демократической партии вас зовут выступать. Товарищи! Я старый социал-демократ и я заявляю вам, что это ложь! Вас провоцируют...

С пением «Марсельезы» идет демонстрация. Бегут навстречу городовые.

— Разойдись!

Два отряда сталкиваются.

К рабочим Северного завода подбегает запыхавшийся Павел.

— Пошли! — кричит он и машет рукой.

— А Федор?

— На «Русском дизеле». Пошел сражаться с меньшевиками.

— Ах, нечистая сила! — восклицает яростно Ерофеев. — А ты его одного оставил? Его же опять убьют! Ребята, вперед!

Навстречу бегущему через двор Максиму бросается какой-то стражник.

— Куда? — орет он.

Вместо ответа Максим подставляет ему подножку. Стражник падает. Максим мчится дальше.

Главный двор. Кричит седобородый оратор:

— ...Уличными шествиями, случайными забастовками вы растрчиваете мощь рабочего класса. Увольнения после забастовок у вас были?

— Были!

— Видите, вместо того чтобы накапливать силы, расти, развиваться и когда-нибудь предъявить грозный счет врагам, вы погибнете по-одному. Верно я говорю?

Все поворачиваются. Седобородый на секунду остановился. Величественно махнул рукой.

— Верно! — раздается неслыханной силы голос.

— Слушайте, что говорит честный рабочий!

— Слушайте, — кричит Максим, стоя на карнизе стены, уцепившись за окно. — Мы погибнем по-одному. Мы победим вместе.

— Остановите его! — кричит распознавший Максима оратор.

— Ваши братья — двести тысяч питерцев — на улице, а вы одни уйдете в тыл? Спрятаться вздумали? А каждый день вы не погибаете от штрафов, от голодовки, от кабалы?

Несколько человек — конторские служащие и стража — бросаются к Максиму.

— Держите его! — кричит какой-то инженер.

— Не верьте, это провокация! — надрывается седобородый.

В толпе смятение. Рабочие бросаются к страже, начинается свалка.

— Не трожь, его, не трожь! — орет литейщик Мищенко.

А Максим продолжает кричать:

— С той стороны — полицией и закрытыми воротами, с этой — речами вас хотят остановить. И вы остановитесь?

По улице стремительно идут Ерофеев и старик с Северного. Лицо Ерофеева дышит яростью. Он потрясает кулаками.

Поворот — и перед ними завод «Русский дизель». Ерофеев бросается к воротам. В это время они стремительно раскрываются. Ерофеев едва успел вскочить на какую-то тумбу. Пылая гневом, он орет бегущим к воротам рабочим:

— Товарищи!

Больше ему ничего не удастся сказать.

Толпа выходит на улицу бурным потоком. Толпа выбрасывает к Ерофееву плотного, задыхающегося Максима. Ерофеев сходит с

тумбы, оттирает лоб, тяжело дышит, удовлетворенно говорит:

— Вот! Вот, что значит Ерофеев! А не то была бы тебе крышка. Ну, чего стоишь? Я свое дело сделал, теперь ты иди, подсобляй мне!

— Иду! — послушно откликается Максим.

— Кого толкаете? — яростно орет Ерофеев, пытаюсь выбраться из несущейся толпы.— Стой, начистая сила! Пиджак изорвете, первый раз надеванный.

— Опять обманывать? — раздается сбоку ворчливый голос.

Ерофеев живо с опасностью для пиджака, поворачивается.

— А, Мищенко!— радостно восклицает он.— Ну что, хорошо я говорил?

— Хорошо, — убежденно говорит Мищенко. — Почти как я! Здорово это ты насчет самодержавия, и насчет республики, и насчет восьмичасового... и как это ты не боишься?

— Уж я такой..

Толпа рабочих Северного завода и «Русского дизеля» лавиной движется по улице. Из соседнего переулка выбежал какой-то рабочий без шапки, преграждает путь, кричит взволнованно:

— На Сампсониевском бьют..

На проспекте казацкий сотник подъехал к офицеру. Отирая пот, кричит:

— Ваше благородие, ничего тут нагайками не сделаешь!

Офицер хлестнул лошадь, мчится по проспекту. Его окружают казаки.

— Винтовки! — орет офицер.

С песней идут демонстранты. В первых рядах — Наташа.

Толпа рабочих во главе с Максимом, Ерофеевым, Павлом, Мищенко торопливо идет, почти бежит переулками. Демонстранты подбирают по дороге камни, сжимают гайки в руках.

Снимаются ружья, раздается треск затворов.

Демонстрация остановилась, подалась назад.

— В безоружных? — иступленно кричит Наташа.

— Пли!

Стремительный залп.

— А!

Из переулка выскакивают рабочие.

— Сволочи! — орет Павел.

— И-эх! — размахнулся Мищенко, швырнул камень.

— Бей!

Каменный дождь засыпает казаков. Камни гулко стучат, ударяясь о забор. Залп.

— Бей!

Железными гайками осыпают рабочие казаков. Лошади ржут.

— Бей!

Каменный и железный ливень сыплется на казаков. Они поворачивают лошадей, скачут прочь. Несколько лошадей мчится без всадников. Окровавленные казаки бегут, догоняя их.

Торжествующий Ерофеев яростно кричит:

— Удрали? Ерофеева испугались?

— Не хвались! — говорит, тяжело дыша, Максим. — Вернутся.

Лицо Ерофеева побагровело от злобы.

— Вернутся? Думаешь, побоюсь? Врешь, нечистая сила! Не уйду с улицы. Моя!

— Правильно! — отзывается Мищенко. — В пятом году я на Бронную казаков не пускал и сейчас не пушу.

— Непустишь? — спрашивает Максим. И, повернувшись к толпе: — Ваше слово!

— Драться! — кричит Павел

— Защищать! — раздается женский голос. Максим поворачивается и видит Наташу. Потное, грязное от пыли лицо его становится радостным.

— И ты за это? Хорошо!

Бросается к афишной тумбе, толкает ее раз, два. Тумба качается.

— Эй, подсобляй!

Мищенко, Павел, Ерофеев бросаются к столбу. Толчок — столб с грохотом падает.

— Баррикады! — орет в полном восторге пожилой рабочий.

— Строй баррикаду!

Максим — на тумбе. Взмахнул рукой.

— Товарищи!

— Товарищи! — кричит, взбираясь рядом, Ерофеев.

— Мы не хотим крови. Царские палачи по мирному шествию открыли стрельбу. Пусть же они получают наш ответ: по этой улице им не пройти!

— Не пройдут!

— Тащи лопаты, кирки, доски! Рой мостовые, строй баррикады!

Лом и кирки вонзились в мостовую, — бу-

Лыжник летит вверх, лопаты врезались в землю — летит земля, пошли в ход топоры.

Срывают ворота с петель. Срывают вывески. Валят столбы. Бегут люди с мешками.

Ерофеев тащит мешок; перед ним, мешая ему, Мищенко несет на могучих плечах фанарный столб.

— Как тащишь? — брюзжит Ерофеев. — Разве так тащут?

— Я паровоз стащу, — огрызается Мищенко. — А это мне апчхи!

Какой-то парень с бочонком хочет пробраться вперед, кричит:

— Эй, посторонись!

Двое рабочих сейчас же набрасываются на него:

— Куда лезешь? — орет Ерофеев.

— Поперек литейщиков лезешь! — кричит Мищенко.

В другой стороне Наташа и молодые рабочие утрамбовывают мешки.

— Вы, барышня, с какого завода будете? — кричит молодой парень.

— Из «Правды».

— Хороший завод! — отзывается кто-то.

Максим сидит с куском бумаги, чертит грубый план.

— Двор № 17 — проходной, — резюмирует он, — значит, в мышеловке мы не окажемся.

По другой улице идет демонстрация. Песня. Какой-то рабочий подбегает, машет рукой, кричит:

— Товарищи! На Выборгской баррикады!

По переулку быстро идет отряд городовых.

По проспекту к баррикаде бежит запыхавшийся Фомка. Он, как кошка, взбирается наверх, с восторгом озирается.

— Сегодняшняя газета «Правда», — орет он, — выходит без печати и без бумаги. Редактор-издатель — Фомка События в городе! Двести тысяч на улицах! Рабочие на Невском! Наша берет! Ур-ра!

Он скатывается вниз и говорит:

— А вы — берегись! Идут фараоны.

— Товарищи! — кричит Максим. — Становитесь! Только без подвигов. Не высовываться!

— А главное-то и забыл, — говорит Наташа. Вынимает сверток и поднимается на баррикаду. Максим идет за ней.

Вбивает палку в баррикаду. Дунул ветер и над баррикадой взвилось знамя.

Тишина.

— Вот мы и вдвоем, — говорит Максим Наташе, — всегда мечтал зажить как следует: жена, самовар, дети..

Они улыбаются.

— Какой сегодня хороший день! — мечтательно говорит Максим.

— Замечательный! — вздыхает Наташа.

А Ерофеев говорит литейщику:

— Боюсь я самого себя! Я сегодня, пожалуй, полэскадрона порушу.

— А ты не страшись! — отзывается Мищенко. — Не успеешь, убьют, — я за тебя весь разрушу.

— Говори больше! — свирепо рычит Ерофеев. — Это копо ты переживать вздумал? Я тебе еще глаза закрою.

— Тыфу! — говорит литейщик. — Противно слушать!

Тишина. Люди застыли на местах. Потом издали едва слышно:

— Эй, там! Уходи! Стрелять будем!

Молчание. Руки сжимают револьверы, камни.

Отряд городских идет на баррикаду.

Ветер развеивает красное знамя.

Максим запеваёт громко, взволнованно:

Отречемся от старого мира,

Отряхнем его прах с наших ног...

Звонкие голоса подхватывают:

...Нам не надо золотого кумира,

Ненавистен нам царский чертог...

Линия вооруженных полицейских идет на баррикаду.

...Мы пойдем к нашим страждущим
братьям,

Мы к голодному люду пойдем,

И пошлем мы злодею проклятья

И на бой мы его позовем!..

Идет с ружьями наперевес полиция.

...Вставай, подымайся, рабочий народ!

Вставай на борьбу, люд голодный!

Раздайся, клич мести народной,

Вперед, вперед, вперед!

Идет полиция.

— На места!

И вновь запеваёт могучий голос литейщика:

...Богачи, кулаки жадной сворой,

Расхищают тяжелый твой труд...

Полиция остановилась в сотне шагов от баррикады.

...Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут!..

Залп. Дождь пуль едва долетает до баррикады.

— Недолет! — орет азартно Фомка.

...Голодай, чтоб они пировали,
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб глумились они над тобой!..

Полицейские, ободрившись, идут вперед.

Голос Максима:

— Пли!

Стрельба. Городовые падают, стреляя, отбегают, прячутся.

На баррикаде упало двое рабочих.

— Кого запугать хотите? — кричит Ерофеев. — Питерского рабочего, токаря Ерофеева? Врешь, нечистая сила!

...Вставай, подымайся, рабочий народ!
Вставай на борьбу, люд голодный!
Раздайся, клич мести народной!..

Прячась за трубами, стреляют рабочие с крыши, стреляют с баррикады.

...Вперед, вперед, вперед!

Стреляют полицейские, падает рабочий с крыши. На баррикаде рабочие сменяют убитых. Дождь пуль осыпает баррикаду.

— Эх, дьяволы! — восклицает Мищенко. Ерофеев яростно стреляет.

— Оружия нет! — стонет Павел. — Разве ж это оружие?

— Давай револьверам остыть! — раздается спокойный голос Максима. — Разорвет!

— Вот это командир! — одобрительно шепчет старик рядом с Ерофеевым. — Стреляный!

— Моей школы, — отрывисто говорит Ерофеев, подмигивая, — двадцать шесть лет... А!

Пуля попадает Ерофееву в грудь. Он падает.

Максим подбегает к нему.

— А, нечистая сила! — говорит Ерофеев. — Умираю!

— Врешь! — говорит Максим. — Не умрешь!

— Кто умирает: ты или я! — свирелеет Ерофеев. — Учить меня вздумал, как умирать!

Стоит рядом Наташа, стиснув зубы.

— Слушай, Федор, — говорит Ерофеев, притягивая к себе Максима. — Я твою звездочку вижу. Был ты непутевым, пора тебе браться за ум...

Выстрелы прячущихся городских.

— Прямой тебе путь в партию, — таинственно говорит Ерофеев. — К большевикам. Я двадцать шесть лет около был, не записывался... А ты вступай! Нет без партии новой жизни! За границей, говорят, Ульянов да Ленин живут, здоровыо пишут... Иди к ним, скажи, Ерофеев рекомендовал... Примут...

— Хорошо, — говорит Максим с глазами, полными слез.

— Чего ревешь? Плакс в партию не пускают. Прощай!

По набережной быстро идет рота солдат, офицер покрякивает:

--левой! левой! прибавь шагу!

Максим поднимается. Одинокий выстрел —

пуля проносится мимо лба Максима. Он с досадой отмахивается, поднимает руку ко лбу. Рука в крови. Максим смотрит вперед. Лицо его постепенно свирепеет. Он озирается. Лежат убитые, сидят перевязанные женщинами раненые

— Ну?—говорит Максим таким голосом, что поднимаются все здоровые и большая часть раненых.

— Ну? — повторяет Максим и заканчивает жестом.

И вдруг большинство защитников баррикады бросается вслед за Максимом в проход.

— Вперед!

— Бей!

Рабочие налетают на городских в воротах, на улице, за столбами. Идет расправа над застигнутыми. Удирают другие. С колена стреляют в них рабочие.

— Бей!

И вдруг страшный крик раздается на другой стороне баррикады.

Стрелявшие повернулись.

Прорвалась через посты, бежит на баррикаду орава солдат.

Отчаянная стрельба.

Максим, воскликнув, бросается на баррикаду, но уже солдаты окружили отстреливавшуюся Наташу, смяли остальных.

— Максим! — раздается отчаянный крик.

— Наташа!

Максим вкочил на баррикаду, пуля сшибает его. Он падает.

Павел и двое рабочих оттааскивают его.

— Неси его через проходной! — орет один

на рабочих. Павел, схватив Максима на руки, бросается в соседние ворота.

Лавина солдат заполняет баррикаду.

27 ИЮЛЯ БЫЛИ РАЗБИТЫ ПОСЛЕДНИЕ БАРРИКАДЫ НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ

Вечер. По окраинному проспекту, тупо и безостановочно крича «ура!», идет патристическое шествие.

1 АВГУСТА РОССИЯ ВСТУПИЛА В МИРОВУЮ ВОЙНУ

С портретом царя, национальными флагами, с чадающими факелами идет, хрипло восклицая «ура!», и еще раз «ура», и снова «ура!», шествие: сидельцы, мясники, дворники. Впереди всех, словно дирижируя и руководя, идет конторщик Платон Васильевич; он упоен, пьян и горд, он — на гребне событий.

Видя его зверскую физиономию, торопливо снимают шапки прохожие на панели. Человек в котелке и дымчатых очках смотрит на приближающуюся процессию и идет прочь в переулок.

Крики «ура!» отдаляются. Человек в котелке и дымчатых очках вошел в квартиру Тураева. Депутат стоит у телефона, слушает с усталой улыбкой на лице, говорит:

— Ладно! Мое почтение!

Человек в котелке снимает очки — это Максим. Тураев вешает трубку и, пожимая плечами, говорит Максиму:

— Третий раз обещают меня повесить!..

Неимоверный грохот и звон: булыжник, бро-

шенный с улицы, разбил стекло в окне, упал на пол.

— Что это? — говорит Максим.

— Балуются, — угрюмо отвечает Тураев.

Оба идут в другую комнату. За книжным столом сидит Николай; он пишет перелистывая газеты. Поднял голову.

— Здравствуй, Максим! — приветливо говорит он, — что так мрачен?

— Судили их сегодня, — тихо говорит Максим, — Наташу, Мищенко, Павла... Наверное Сибирь.

Секунду — молчание. Тураев вздыхает:

— Может, встретимся. По всей видимости, и моей депутатской неприкосновенности скоро каюк.

Николай тоже вздохнул:

— Жалко Елену. Ну, что ж, не привыкать. Нам — на баррикады, в Сибирь, а господам меньшевикам — в министры или в Союз городов. Максим, а если б снова тебе пришлось идти на баррикады? На смерть...

— Пошел бы! — твердо говорит Максим. — Пусть опять с камнями и с палками, все равно пошел бы.

— Это вчера были камни и палки, — качает головой Николай, — сегодня народу дали миллионы винтовок.

Тон его стал боевым и решительным. Где-то вдали прозвучал военный оркестр.

— Дело за нами. Директива ЦК есть, лозунг дан — из войны империалистической в войну гражданскую! Садись, Максим, рассказывай!

Сдвинулись стулья. Три человека говорят тихо и быстро.

Максим: Комитет я сколотил...

— Сколько?

— Семь человек

— Кто?

— Люди новые, но надежные. Кроме того, на случай ареста, ссылки, угона на фронт — четверо в запасе.

— Кто для связи?

— Егор.

— Хорошо, — говорит Николай. — Как шрифт?

— Достают. Как ты указал, крупный, курсивный. Чтоб могла прочесть самая что ни есть деревня.

— Хорошо, — одобрительно говорит Николай, — очень хорошо. — И, повернувшись к Тураеву: — Замену ему подготовил?

— Антон, — отвечает Тураев.

— Так, — задумчиво говорит Николай. — Ну, что ж! — Встал, положил руку на плечо Максиму. — Хорошо наладил работу. Жалко с тобой расставаться, а надо. Партия поручает тебе Максим, новую ответственную работу!

И МАКСИМ ПОШЕЛ НА НОВУЮ РАБОТУ

Дождливый осенний вечер. Длинный сыкатный перрон. Слышна команда:

— Шагом арш!

Топот ног: идут по перрону бесконечные ряды отправляемых на фронт солдат. Стоят готовые к отправке ооставы. Топот сапог — монотонный, угрюмый — не прекращается.

По перрону идет важный военный, рядом с ним—седобородый меньшевик; он великолепен—на нем форма Союза земств.

— Теперь,—говорит военный,—вопрос только в победе. После нее—свободы. Вот он, сермяжный воин, который сломит шею врагу и выведет Россию на светлый путь!

Перед ним, спиной, стоит невысокий солдат. Военный ласково положил руку на его плечо:

— Выведешь, братец, Россию на светлый путь?—спрашивает он.

Солдат делает полный оборот, пристукнул каблуками. Это—Максим.

— Так точно, выше высокородие!—гаркнул он,—выведем.

— Молодец!—подхватил военный.

— Рад стараться, ваше высокородие!—лихо отвечает Максим. Повернулся, идет.

Седобородый меньшевик остался стоять с разинутым ртом.

Издали слышится команда:

— Садись!

— Прекрасный солдат!—говорит военный, глядя вслед Максиму.

Седобородый отчаянно закашлялся.

Загудел паровоз. Прошлыли теплушки. Поезд пошел.

Мелькают дома, улицы—в пелене дождя, в сумерках.

Все быстрой, быстрее идет поезд, громыкает состав.

Теплушка. Открыта дверь. Солдаты глядят на остающийся позади город.

— Эх ма!—вздыхает солдат,—прощай, мой город Питер! Бог знает, вернемся ли!

— Наверяд!—говорит другой.

Максим сидит тут же, на ящичке, гармонь в его руках. Стучат, гремят колеса, рельсы.

— Почему не вернуться?—говорит Максим.— С того света люди не возвращаются. И то—бывает. А на этом...

С веселой улыбкой махнул рукой:

— ..Поживем еще, покурим... Нет ли бумажки, братцы?

Солдат роется в карманах шинели. Вытащил какую-то бумажку. С удивлением глядит на нее:

— Это откуда взялось?

— И у меня тоже!—вынул из кармана бумажку другой.

Первый солдат развернул, смотрит, читает вслух:

— «Долой войну!»

Испуганно оглянулся. Солдаты сдвинулись к нему, на лицах загорелся интерес.

— А ну, читай, читай!—раздались голоса.

Максим тоже, видимо, удивлен, что за бумажка такая. Оглянулся и таинственно говорит:

— Читай! А чтобы не вышло чего, мы и слушать станем и песню споем. Песня, друг, никогда не помешает. А ну, братцы?

Рванув гармонь, заиграв негромко, но с силою, со злобою, и с неизменным оптимизмом, запевае любимую:

Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой...

Незаглушаемое песней, идет медленное чтение листовки:

«Товарищи-солдаты! Вас призывают умирать во славу казацкой нагайки, во славу царя, расстреливающего голодных крестьян, душащего в тюрьмах рабочих..»

Звенит песня:

...Где эта улица, где этот дом?

Где эта барышня, что я влюблен?

И звучат слова листовки:

«Пусть же знают цари и их правительства, что солдатские винтовки обратятся против них. Товарищи! Храните оружие! Близок день!..»

Прносятся дома, заборы, мосты. Все громче, яростнее хор:

...Вот эта улица, вот этот дом,

Вот эта барышня, что я влюблен!

Пронзительно и долго гудит паровоз.

ВЫБОРГСКАЯ СТОРОНА¹

Часть первая

Гулкий пушечный выстрел. Сналету распахиваются тяжелые двери Зимнего дворца. Лавина солдат, матросов, красноармейцев врывается во дворец. Впереди всех с поднятым револьвером, небритый, с повязкой на лбу, человек в солдатской шинели—Максим.

На секунду толпа остановилась. Перед ней — широкая сверкающая лестница, кучка юнкеров отбегает на верхнюю площадку, поворачивается и стреляет.

Пороховой дым окутывает ворвавшиеся отряды. Потрясая револьвером, Максим кричит громовым голосом:

— Вперед!

Рабочие, кронштадцы, солдаты бросаются вперед.

Бурлящий, задымленный актовый зал Смольного. Неистовые оглушающие аплодисменты. И — тишина.

На трибуне Ленин продолжает речь:

— Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего зна-

¹ Сценарий написан в соавторстве с Л. Славниным.

чение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, наш собственный юрган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные классы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат в лице советских организаций.

Напряженная тишина, все взоры обращены к кафедре.

Подняв руку, Ленин говорит:

— Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма.

Снова дым — дым от костров, порящих у Смольного, смешивающийся с ноябрьским туманом, паром от дыхания; стоит неумолчный шум; приезжают и отъезжают машины: броневики, грузовики, мотоциклы; приходят и уходят отряды.

На ступеньках лестницы стоит Наташа в механой куртке, в теплом платке, перед ней — матрос. Наташа говорит ему:

— Найдешь командира, передашь приказ.

Сбоку подбегает молодой солдат, говорит торопливо:

— Товарищ Наташа! Прибыл отряд из Лути.

— Сообщи в комнату двадцать шесть, — говорит Наташа, и вдруг радостная улыбка вспыхивает на ее лице.

К подъезду, гудя и громяхая, подлетел грузовик с красногвардейцами. С переднего сиденья соскочил Максим, идет к Наташе.

Где-то у костра зазвенела протяжная песня:

Взвейтесь, соколы, орлами...

Песню подхватили. Максим подходит к Наташе.

— Наташа, куда?

— На Выборгскую. А ты?

— Ну, и я с тобой, — говорит Максим. — Кажется, на сегодня все.

Подъехала легковая машина, оттуда выскочил человек в кожаном костюме, с борюджкой, в пенсне. Он легко вбежал по ступеням, остановился подле Максима и Наташи.

— Максим, в Смольный?

— На Выборгскую, товарищ Свердлов! — отвечает Максим.

У костра звенит песня. Гудят, приезжая и уезжая, грузовики. Свердлов вздыхает и говорит:

— Не люблю я семейной жизни мешать, а надо. Придется тебе, Наташа, Максима нам уступить. Не возражаешь? Ну, и прекрасно. Давай, заходи, Максим.

Он исчезает в дверях. Максим и Наташа опорченно глядят друг на друга. Наташа говорит задумчиво:

— Зачем это тебя, Максим?

От костров несетя песня:

Взвейтесь, соколы, орлами...

С грузовика кричат:

— Товарищ Наташа!

Наташа идет, Максим кричит ей вслед:

— На Выборгской — привет передайте!

Ответный крик, лязг и шум грузовика, свирепый гудок.

Максим смотрит вслед тронувшемуся грузовику, машет рукой. Чей-то голос сбоку:

— Кому привет посылаешь, Максим?

Максим живо повернулся. Перед ним — худощавый человек в крылатке, ласково улыбается ему.

Максим улыбается в ответ.

— Выборгской стороне, Феликс Эдмундович!

— А ты что же не поехал? — спрашивает Дзержинский. — Может быть, свободен? Я бы с собой тебя взял.

— Не могу — вздыхает Максим, — а ты куда?

— На Пороховую, — говорит Дзержинский, — градоначальником буду.

Он весело, с комической скорбью вздыхает.

— Ну, смотри, я тебя числю в резерве.

Быстро уходит.

— Прощай, товарищ Дзержинский! — кричит Максим.

Машина загнула, тронулась. А подле Максима — уже другой, плотный человек, торопливо спрашивает:

— Где Дзержинский? Где? Эх, придется ехать, не повидавшись.

— А ты куда, Фрунзе? — спрашивает Максим.

Солдаты у костров поют. Не смолкает их песня.

— В Москву, — говорит Фрунзе, — там бои идут.

— И я с тобой, — загорелся Максим, — берешь?

— Давай, собирайся! Что же ты?

— Не могу, — разочарованно отмахивается Максим. — Свардлов ждет.

— Ну, ничего, — утешает Фрунзе, — когда-нибудь опять поработаем вместе. Будь здоров, Максим.

— Прощай, Фрунзе!

Звенит, разливается в туманном, дымном воздухе песня, перекрывает шум, придавая всему — прохождам, проездам, гудкам, перекличке — особенный смысл:

Взвейтесь, соколы, орлами,
Полно горе горевать!

Длинный, как улица, коридор. Толчея людей. Грохот протаскиваемых пулеметов. Хлопают двери.

Сквозь толпу, спеша и все время задерживаясь, идет Максим.

— Здорово, Максим! — кричит человек в шинели, вынырнув сзади и обгоняя.

— Здорово, Попов! Откуда?

— Почту и телеграф занимал. — И уже издали: — Марюк почтовых не нужно?

— Пришли для коллекции!

— А не скажите ли вы мне, — с сильным украинским акцентом спрашивает, остановив Максима, какой-то явно заблудившийся человек, — как тут пройти к товарищу Сталину?

— Вон туда, — показывает Максим и вдруг схватил украинца за руку: — Остап?

— Товарищ Максим! — Переходя на родной язык, в сильном волнении восклицает украинец. — Родной мой! Я ж тебя пять лет не видел. Помнишь Казанский централ?

— Помню, помню. А где брат твой, Петр?

— А брата моего Петра на фронте убили. Встретимся?

— Встретимся! Стой! — восклицает в свою очередь Максим, на полном ходу вцепляясь в спешащего человека. — Мартын? Щукин?

— Я. Только я уже не Мартын и не Щукин: я—Андронов. Здравствуй, Федор.

— И я не Федор. Я—Максим. Откуда, друг?

— Из Тамбова. Делегатом на съезд. Что ж, завтра в тайгу пойдем белок стрелять?

— Обязательно. Встретимся?

— Встретимся.

— Максим! — с радостным хохотом бросается на шею Максиму смуглый, ослепительно белозубый человек, — узнаешь?

— Мишико?—восклицает, озаряясь улыбкой, Максим и уже по-грузински продолжает: — Приятель! Откуда?

Они крепко целуются и идут дальше рядом, любовно глядя друг на друга.

— Не забыл, значит, — сияет грузин.

— Во век не забуду...

— И песню, что я тебя учил, помнишь?

— И песню помню.

И, не стесняясь, Максим запевае на ходу протяжную песню, спутник сейчас же присоединяется; все идущие мимо с улыбкой обращиваются.

Другая часть коридора. Неописуемый шум: кто-то кого-то окликает, где-то читают последнюю листовку, из открытых дверей комнат доносится стук пишущих машинок...

По коридору идут Свердлов и какой-то высокий человек в меховой шапке.

— Да ты послушай, Яков Михайлович. — волнуется высокий человек.

— И слушать не буду, — отмахивается Свердлов, — решение ЦК, и кончено. Давай, поезжай — Исаакиевская площадь, министерство земледелия, трамвай номер пять. Прощай, товарищ министра!

Высокий человек, с отчаянием надвинув шалку на лоб, идет, исчезая в толпе, а Свердлов уже кричит:

— Максим! Что ж ты? Давай, давай!

Они идут и подходят к окну, выходящему на площадь.

— Давай, — говорит Свердлов, — сядем здесь, поговорим.

Садятся на подоконник. С площади доносятся грохот грузовиков и все еще не прекращающаяся песня.

— Здесь хорошо! — говорит Свердлов, — ветер и песня. Хорошо поют. Только песня старая. Давай сочиним новую песню, Максим. Сядем и сочиним. И споем: я — баском, ты — тенором!

— Не умею я песни-то сочинять, — сокрушенно вздыхает Максим.

— Не умеешь? — прищурившись, взглядывается на него Свердлов. — Что же ты умеешь, Максим?

— Вот дворцы кое-как научился занимагь, — говорит Максим.

— Дворцы — это что! А вот, помнится, ведал ты в Сормове больничной кассой?

— Было, — подтверждает Максим, с удивлением глядя на Свердлова.

— А в ссылке, — продолжает Свердлов, —

говорят, лихим казначеем артели был.

— Бывали мы и в казначеях, — умиленно улыбается Максим.

— И чего мы смотрим? — всплескивает руками Свердлов. — Перед нами можно сказать финансовый гений, а мы ищем, отчаиваемся. Ну, значит, мы правильно решили. Есть для тебя работа!

— Ну? — глядит на него недоуменно Максим.

— Про Государственный банк слышал?

— Слышал.

— Так вот, — решительно говорит Свердлов, — получай его со всем содержимым. Назначаясь ты в Государственный банк полномочным министром, а по-нашему — комиссаром.

Прогудела вблизи сирена броневика. Максим дикими глазами смотрит на Свердлова.

— Да ты никак тронулся, Яков Михайлович! — восклицает он.

— Думаю, что нет. А что, похоже? — озабоченно говорит Свердлов.

— Ну какой же я банковский деятель?

Ветер, проникая в окно, колеблет бумаги на подоконнике, треплет волосы Максима и Свердлова.

— Эх, Максим, Максим! — с чувством говорит Свердлов. — Не готовили мы министров в специальных школах. Но не боги горшки обжигают. Давай, шагай в цитадель капитала. Знаем, трудно тебе придется. Придется бить и ломать по-революционному. Придется сдерживать гнев, слушать, учиться по-деловому. Ничего, справишься. На то ты Максим!

Похлопав остолбеневшего Максима по плечу, соскочил с подоконника.

— Оставайся здесь, можешь понадобится. Прощай, полномочный министр!

Он уже идет прочь, когда Максим, словно опомнившись, истошным голосом кричит:

— Яков Михайлович, постой!..

Но Свердлов скрылся в толпе, и уже издали доносится его могучий бас:

— Гусэв!

Максим никак не может притти в себя. Проводит рукой по лбу. Ничего не понимает.

Из толпы, спешащей мимо, вдруг раздается отчаянный крик:

— Максимка! Здоров будь, вшивая команда!

Из толпы вынырнул дородный солдат в рваной шинели, в драной папахе; он радостно гогочет, орет:

— Узнаешь Егора Бугая?

— Егор! — радостно кричит Максим.

Они бросаются друг к другу. Человек в очках, пожав иронически плечами, торопливо уходит.

— Ты как здесь? — спрашивает Максим солдата.

— Делегат! — немедленно сообщает Бугай. — От всех что ни на есть фронтов делегат. Всю нашу смертельную окопную жизнь осветить мне велено. И еще наказ мне дан..

Наклонился к уху Максима, таинственно шепчет:

— ...Керенку найти и зад ему скипидаром смазать: пушай бежит до победного конца!

Оба хохочут.

— А ты где бегал, Максим?

— А я, — улыбаясь, отвечает Максим, — министров заарестовывал.

— Ну?! Керенского поймал?

— Нет, удрал.

— Давай, — нетерпеливо тянет его Бугай, — вместе искать будем. Едем со мной! Первый человек у нас будешь, верховным главнокомандующим выберем!

— Не могу, — вздыхает Максим. — Дела.

— Какие такие дела?

— Назначен я, Егор, банком управлять.

Бугай всплескивает руками:

— Максим! Как же это? Боевого человека, серого орла — на позор? Бросай. Максим, едем! Прямой путь, легкий ветер!

— Нельзя, — дружелюбно говорит Максим — В банке — все деньги народа. Миллионы. Понимаешь ты, Егор, что такое миллион?

— Умом не пойму, — со вздохом говорит Бугай, — а только если у взводного за руль совесть купить можно, что ж тогда миллион?

— Вижу, понимаешь, — одобрительно говорит Максим.

И вдруг Бугай, словно решившись, восклицает:

— Ладно. Давай вместе охранять будем. Я теперь от тебя не отстану: куда ты, туда и я. Вместе мы таких дел наделаем, только поворачивайся!

Оглянулся. У стенки стоит диван, угол пуст.

— А здесь можно и на постой ложиться, — заявляет Бугай. — Давай соснем.

Бросив шинель в угол, он улегся и почти сейчас же захрапел. Максим с улыбкой поглядел на него, потом перевел взгляд на диван.

С наслаждением потянулся, пошел к дивану, но вдруг спохватился. Достал карандаш, оглянулся, сорвал со стены какой-то плакат и пишет что-то на оборотной стороне, бормоча про себя:

— Эх, Максим! Горемычная твоя голова! Носить тебе еще, Максимка, фрак с хвостом и цилиндр, и жениться тебе по государственным соображениям на дочери английского короля.

Приколел бумагу над диваном, ложится и тоже мгновенно засыпает. На бумаге: «По делам Государственного банка беспокоить с 7 часов утра».

Тишина. Коридор пустеет. Спят Максим и Бугай.

Шаги двух людей. Два человека, проходя мимо, остановились. Пауза. Потом характерный смех и голос Ленина:

— Полюбуйтесь, товарищ Сталин, наш государственный аппарат уже приступил к работе!

Стоящий рядом с Лениным Сталин улыбается, берет карандаш и, подойдя ближе к плакату, изменяет цифру «7» на «8».

Максим безмятежно спит.

Часть вторая

Государственный банк. Колонны, золоченые, величавые буквы.

Ноябрьский ветер. Где-то поодаль, проходит воинская часть с оркестром; еще дальше — пронзительный звон трамваев, и рядом — выкрики газетчиков:

- Подробности сражения под Пулковом!
- Бегство Керенского из Гатчины!
- Тайны большевистских комиссаров!

По Банковскому мосту идут Максим и Бугай. Остановились, взглянули на здание. Солнце блекло освещает окна. Машина отъехала от банка, прошелестела мимо Максима, вдали прозвучал ее гудок.

Вестибюль. У дверей картинно стоит швейцар, прозванный «Бог Саваоф». Он преграждает путь Максиму:

- Куда?
- К управляющему.
- Прием клиентуры закончен.

Стоит непреклонным столбом. Сбоку — вежливый голос:

— Гражданин!

Швейцар с достоинством поворачивается.

Бугай делает рукой таинственный знак, приводящий швейцара в недоумение, затем подходит, берет библейскую бороду Саваофа в руку и одобрительно говорит:

— Интересно мне знать, почему такая борода за аршин?

Швейцар обмер.

Блеск паркета, стекло и мрамор. Десятки окошечек, таблички с русскими и иностранными названиями. Сотни клиентов и служащих заполняют зал; шум шагов едва слышен, разговоры нарочито тихи, все сливается в неясное жужжание.

Максим и Бугай идут мимо окошечек и табличек с диковинными словами: «Депозит»,

«Онколь», «Учетный процент», «Тратты»; останавливаются, озираясь. Мимо них проходят занятые своим делом и разговорами чиновники и клиенты.

— Граждане! — пробует Бугай остановить двух проходящих мимо беседующих служащих

— Аккредитивом на Королевский банк в Стокгольм...—продолжает один из служащих, и оба проходят.

— Граждане! — обращается Бугай в другую сторону.

Но там — ожесточенный, вполголоса, спор:

— Ваши коносаменты...

— Простите, но соло-векселя...

Бугай вытирает пот.

— Первое дело, — думает вслух Максим, — мы у самого входа стол для справок поставим. В помощь рабочим и крестьянам. А пока — пошли напрямик.

Комната в банке. За столом — величественный, лысоватый чиновник; он, морщась, делает выговор перепуганной молодой уборщице:

— Сто раз говорил вам, Валентина, не трогать ничего на столе. Не нравится чай разносить — можете освободить место. Вам что угодно? — недовольно воззрился он на вошедших Максима и Бугая.

— Мне нужен,—вежливо начинает Максим,—управляющий банком...

— Господин управляющий занят, — сухо говорит чиновник. — У него — совещание, беспокоить нельзя...

— Для того я и послан, — сокрушенно го-

ворит Максим, — чтобы беспокоить... Вход здесь?

И, не дождавшись ответа, он идет в противоположную дверь. Чиновник недоумевающе смотрит ему вслед, потом кричит:

— Что такое? Как вы смеете?.. Да где он?

Бугай вырастает перед ним:

— Можете говорить со мной.

— Вы — кто такой?

— Я — ихний заместитель.

— Да кто он?!

Бугай торжественно объявляет:

— А он есть посланный Лениным и трудящимися чрезвычайный народный комиссар по всем что ни есть банкам — товарищ Максим.

Огромный, обставленный массивной мебелью кабинет. Большой стол, вокруг которого сидят ответственные чиновники банка. Торжественная тишина.

— Утверждаю, — говорит сидящий на председательском месте управляющий. — Добавлений нет?

Все головы склоняются. Дверь тихо открылась, вошел никем не замеченный Максим.

— Следующий вопрос? — спрашивает управляющий.

— Великая княгиня Анастасия Михайловна, — говорит секретарь, — просит о выдаче ей процентов во французских бумагах...

— Я думаю, возражений нет? — говорит управляющий.

Головы склоняются.

— Утверждаю! — говорит управляющий. — Следующий вопрос.

— Об отпуске министру иностранных дел Терещенко на представительство, прием послов и прочее двух миллионов рублей.

— Утверждаю! — говорит управляющий. — Возражений нет?

— Пожалуй, есть! — говорит Максим и, не спеша подходит к столу.

Все поворачиваются, глядят в недоумении.

— Деньги эти, — деловито говорит Максим, облакачиваясь на спинку кресла, — господину Терещенко, скажем прямо, ни к чему, ибо он в отлучке—сидит в Петропавловской крепости.

Молчание. Все, словно остолбенев, глядят на Максима.

Потом кто-то механически заявляет:

— Во время отсутствия господина министра обязанности несет товарищ министра, господин Нератов.

— Нету, — со вздохом говорит Максим, — ни обязанностей, ни министров!

— Да кто вы такой? — приподнимается управляющий.

— Комиссар рабоче-крестьянского правительства, — отвечает Максим, достает из кармана бумагу и кладет ее на стол. — Вот мандат.

Бумага лежит на столе. Все, оцепенев, глядят на нее, не беря в руки. Молчание.

— Милостливый государь! — слегка дрожащим голосом говорит управляющий. — Российский государственный банк вне всякой политики, вне борьбы групп и партийных раздоров.

Максим слушает со вниманием.

— Малейший подрыв — и случится катастрофа. Банковые билеты потеряют силу...

— Остановятся заводы... — подхватывает кто-то из чиновников.

— Западные страны предъявят претензии...

— Россия погибнет..

Все глядят на Максима, искусно скрывая злобу и ненависть.

— На нас, — с силой говорит управляющий, — возложена великая ответственность. Поэтому мы не можем согласиться ни на какое вмешательство в наши дела. Возьмите обратно ваш мандат.

— Советская власть установит контроль в банке, — властно говорит Максим.

— Мы не признаем вашей власти! — не выдержав, вскакивает и кричит один из чиновников.

Чиновники вскакивают один за другим, возбужденно орут:

— Никакого контроля!

— Вы не посмеете тронуть банк!

Управляющий встает и поднимет руку; крики прекращаются.

— Сударь! — внушительно говорит управляющий. — Нам не о чем больше говорить с вами. Прошу вас удалиться.

— Значит, не договорились? — заключает Максим. — Хорошо. Поговорим с массами.

Пронзительный, оглашающий все коридоры, залы и комнаты, звонок. Смятение в банке. Во всех углах — группы служащих, возбужденные голоса, выкрики:

— Они осмелились притти в банк!

— Господа, дадим им отпор!

— Эти грабители!

— Мы подчиняемся только Учредительному собранию...

Во всех углах — шопот, агитация, уговоры.

— Трехмесячное жалование вперед, если...

— Неужели вы пойдете против коллег?

— Через три дня им конец!

Снова звонок.

Зал, набитый чиновниками. Тишина. Максим подходит к помосту. Бугай останавливается подле трибуны.

— Товарищи! — говорит Максим. — Я послан к вам рабочими Петрограда, Советской властью.

Ледяная тишина. Сзади Максима — огромная карта Петрограда.

— Вот Петроград. Нарвская застава. Московская. Выборгская сторона, Охта. Здесь — кружочки. А для меня — заводы, дома, живые люди. Я пришел к вам от этих людей.

С каменными лицами, сидя в небрежных, издевательских позах, слушают чиновники.

— Рабочие стоят у станков, им не платят. Жены их мерзнут в очередях. Дети умирают.

— Очень интересно рассказывает молодой человек! — протяжно говорит солидный чиновник в первом ряду.

Сзади смешки. Максим продолжает, как бы не замечая:

— Рабочим не платят, а господа заводчики переводят капитал в иностранные банки. Солдаты мерзнут в окопах, а бывшим министрам отпускают миллионы на представительство.

Застывший в злобе и вражде зал.

— Дело за вами, товарищи! Придется пересмотреть счета Бачмановых, Манташевых, Нобелей. Придется нам с вами, засучив рукава, начать работать так, чтобы не умирали с полоду женщины, живы остались дети!..

В одном из рядов поднимается заранее усмехающийся чиновник.

— А позвольте вас спросить, — громко говорит он: — Какая разница между активом и пассивом?

Хохот.

— Нет, позвольте, позвольте! — петушком кричит кто-то: — Не скажет ли сей министр финансов, сколько будет дважды два?

Гомэрический хохот. Максим поднимает руку. Шум стихает.

— Дважды два будет четыре, — говорит Максим. — А насчет актива и пассива, боюсь, как бы некоторые из чересчур активных шутников не вышли бы в скором времени в пассив.

На мгновенье чиновники смолкли и заерзали на местах.

— Пусть я ничего не знаю. Зато знаете вы! Я зову вас помочь народу.

Где-то в задних рядах незаметный чиновник нерешительно говорит:

— Это, пожалуй, верно!

— Кому верите? — набрасывается на него сосед: — Каторжнику? Анархисту?

И сейчас же, как бы для того, чтобы не дать Максиму больше говорить, вспыхивает буря.

— Мы подчиняется только управляющему!

— Правильно!

Только что спокойный зал наполнен яр-

стью и злобой. Чиновники орут, свистят, машут кулаками, стучат стульями.

— Хотите набить себе карманы?

— Господа! (Он назвал нас «товарищи!»)

— Вон из банка!

Какой-то истерического вида чиновник вскочил на стул и орет, размахивая руками:

— Никакой поддержки. Пусть они сами справляются! Мы уходим!

Взрыв восклицаний.

— Правильно! Посмотрим, что они будут делать без нас!

— Слесаря и конюхи — за арифмометрами!

— Всем уходить! Всем до одного!

Чиновники лавиной устремляются к двери. Неистовый шум и крики.

Толпа уходящих рассыпалась по отделам. Кипит разрушительная работа; чиновники закрывают шкафы и столы, прячут ключи в карманы, швыряют банковские книги в угол, вырывают из них листы, рассыпают бумаги по карманам.

Толпы чиновников идут по операционному залу, крича, угрожая, издеваясь. Проходят мимо разинувшего рот швейцара. Хлопает безостановочно дверь.

И банк пуст. В вестибюль выбегают разъяренный Бугай и Максим, удерживающий его.

— Пусти, комиссар! — орет Бугай вне себя: — С буржуями нянчишься? Гранату швырнуть не позволил! Тоже — комиссар?!

— Какую такую гранату? — сердито посмотрел на него Максим: — Да ты что, одурел?

Бугай оглядывается по сторонам и, демонстрируя гранату, говорит таинственно Максиму:

— Да она у меня пустая... Больно швырнуть хотелось. Прямо весь дрожу, места себе не нахожу.

— Вот твое место! — сурово говорит Максим:— Карауль здесь, пока я наряд Красной гвардии не вызвал.

Идет обратно в помещение.

— Слушаюсь! — поворачивает Бугай.

С независимым видом садится на ступеньки лестницы, достает из кармана шинели горсть семечек и начинает лужгать.

Операционный зал. Попрежнему блестят паркет и колонны, таблички с пугающими названиями висят над окошками. Пусто. Максим стоит посреди зала в глубокой задумчивости.

— Гражданин управляющий! — раздается голос.

Максим поднимает голову. Перед ним в почтительной позе стоит лысоватый чиновник с набитой бумагами папкой в руках. Максим в недоумении смотрит на него. Чиновник озабоченно говорит:

— Срочные бумаги, требующие вашего утверждения!..

И, раскрыв папку, деловито продолжает:

— Наше письмо Креди Лионне о продлении опциона...

Максим сдвинул брови, глядит на него.

— ...Письмо в Лондон Каунти энд Вэминстер Банк относительно клиринг хаусед чекс.. Очень спешно!..

Он тщательно перелистывает бумаги и продолжает:

— ...Письмо министру Пьер Джей, Федераль

Резерв Банк Нью Йорк, о разрыве с Контингент энд Коммерс Национал Банком в Чикаго. Прикажете посылать?

Замерев в почтительной позе, он невинными глазами смотрит на Максима. (Максим вот-вот разразится, но вдруг, передумав, говорит спокойно и небрежно:

— Нет. Оставьте. Я посмотрю. И затем нужно выяснить мнение ВРК, ЦИК и СНК.

Теперь очередь чиновника выпучить глаза. Он снова кланяется и передает папку.

— Послушайте, — говорит Максим с подозрением и внезапно вспыхнувшей надеждой, — а вы что же, остались?

Чиновник выпрямляется и уверенно, напыщенно восклицает:

— Вы ошибаетесь. Я только сдал дела в ваши надежные руки.

И он торжественно идет к выходу.

На лестнице им овладевает припадок восторга. Он останавливается, восхищаясь собственным остроумием, от души хохочет.

Бугай, попрежнему лущающий семечки, молча и выжидательно поворачивается к нему.

Лысоватый чиновник, узрев Бугая, быстро мрачнеет и торопливо уходит.

Кабинет управляющего. Максим стоит за письменным столом, беспомощно озираясь. Потом садится, решительно снимает трубку телефона, звонит:

— Алло! Алло! Барышня!

Коренастый матрос стоит на телефонной станции и говорит в трубку грубым голосом:

— Какая тут к чорту барышня? Они все

разбежались, а наш отряд тут ковыряется...

— Слушай, друг! — нетерпеливо говорит Максим. — Я из Государственного банка. Мне Смольный поскорей.

— А ты приди сюда и сам разберись... Может поскорей и выйдет.. Ванюха!. — кричит матрос в сторону диким голосом. — Что ж ты копаешься? Втыкай эту... Слушай, банк, позво-ни-ка!

— Алло! Алло!

— Что-то не вышло! — говорит матрос. — Ванюха! Втыкай другую.. А ну, еще раз!

— Алло! — кричит Максим. — Смольный?

— Какой Смольный? — отвечает сидящий в кресле плотный мужчина с усами.—Это про-доловольственная управа...

— Что за чорт — выходит из себя Ма-ксим. — Мне нужен Смольный.

— Я сам Смольный вызываю, — говорит мужчина с усами.—Что-то у тебя голос зна-комый.. Это не Максим ли?

— Максим! А это кто? Тураев?

— Я самый. Здравствуй, дорогой!

— Ты что? По продовольствию? Как у тебя дела?

— Великолечно!—говорит Тураев и, за-крыв трубку рукой, тяжело вздыхает. Так же, как Максим, он сидит один в пустом большом кабинете. — А как у тебя?

Максим вздыхает в сторону не менее тяже-ло, потом в трубку говорит деловито и бодро:

— Лучше быть не может. Разворачиваемся. Заходи! Алло, алло! Смольный?

Но вместо Смольного начинается телефонная свистопляска, возникают испуганные голоса,

недоумевающие лица, взбешенные, изумленные люди:

— Здесь нет такого!

— Розалия Моисеевна?

— Скорую помощь!

— Конюшня гвардейского экипажа?

— Барышня! Два ноль четыре ноль два!

Все это напоминает кошмар, прекращающийся с появлением того же матроса; матрос прищелкнул языком и деловито сообщил:

— На текущий момент ничего не выходит... Придется подождать!..

Матрос исчезает. Максим кладет грубку на место.

Сидит в полной прострации.

Деликатный стук в дверь. Максим машинально поднимает голову. Стук повторяется.

— Войдите!

Дверь открывается. Сначала просунулась голова, унылое лицо, потом «обладатель лица» — приличнейшим образом одетый, невысокий человек.

— Разрешите?

Чиновник осторожно подходит к столу, оглядывается, потом представляется.

— Капицын Федор Федорович, заведующий отделом кредитных билетов.

Максим кланяется. Чиновник снова оглядывается, потом, повернувшись к Максиму, спрашивает:

— Скажите, в числе ваших вооруженных сил могут найтись два «квалифицированных конвоира»?

— Как?

— Два конвоира.

— Не понимаю.

Капитан вздыхает, потом говорит:

— Попробую объяснить элементарно. Я могу не покидать работы..

— Что?

Максим встает и ошалело смотрит на Капицына.

— Пардон! — говорит Капицын.— При условии, если вы будете доставлять меня из круга семьи в банк и из банка обратно в круг семьи под надлежащим конвоем.

Максим страдальчески трет себе лоб, потом разводит руками, говорит:

— Не понимаю, причем тут конвой?

— Обязательно конвой, — подтверждает Капицын.

И, приготовившись к длительному объяснению, он рассудительно продолжает:

— Представим себе такой.. гм... гипотетический случай, что ваша власть через три дня, как ей и полагается, лопнет... — Сделал иллюстративный жест рукой. — ..Меня ведь тогда к ответу: «Капицын работал с этой (пардон) сволочью!» — «Винovat — отвечаю я, — меня приводили под конвоем!.. С моими убеждениями работать с этой (пардон) сволочью? Никогда!».

— Послушайте, — еще боясь поверить, спрашивает Максим. — На кой же чорт с вашими убеждениями вы все-таки идете работать?

— Представим тебе, — невозмутимо отвечает Капицын, — такой.. гм.. гипотетический случай, что катастрофа продлится не три дня, а, скажем, три месяца. Тоже, знаете, дилемма! И потом, — застенчиво продолжает Капи-

цын, — скажу вам абсолютно конфиденциально.. Я — человек солидный, жена, двое детей, подписка на «Ниву».. И все-таки иногда задаешь себе вопрос: «Неужели я никогда не увижу Сандвичевых островов?!» В этом аспекте мне интересно, знаете, поглядеть на ваш.. гм.. эксперимент.

Максим вытирает пот с лица и вдруг говорит:

— Послушайте, а ведь я могу вам и не доверять?

— Первое слово, свидетельствующее о наличии у вас некоторого интеллекта! — облегченно вздыхает Капицын — А вы и не доверяйте! Знаете, я и сам себе не всегда доверяю. Но, как знать, очень может быть, что я скажусь исключительно честным человеком... Конечно, при условии двух конвоиров.

— Двух конвоиров? — в необузданном восторге кричит Максим. — Полк солдат при двух орудиях и одном броневице будет доставлять вас, милый, голубчик, подлец вы этакий! Садитесь!

Берет папку бумаг в руки, глядит на них озабоченно, потом говорит:

— Первое дело, просмотрите, пожалуйста, эти бумаги... Я составил свое мнение, но..

И вдруг, взглянув на Капицына, Максим машет рукой и с веселым отчаянием говорит:

— А ну его, — мое мнение! Нечего мне с вами хитрить! Ничего я в этом не смыслю, и все тут... Понимаете, пролетарская революция означает не только..

— Вот глохну, — удрученно говорит Капицын. — Совершенно глохну.. Как только слы-

шу насчет агитации и пропаганды, сейчас же пропадает слух... Очнь, знаете, интересное медицинское явление.. Врачи теряются в догадках...

— Да я вас не агитирую, — улыбается Максим — Я приказываю...

— С конвоирами? — осведомляется Капцын.

Максим небрежно кладет револьвер на стол.

— Слушаю! — почтительно говорит Капцын.

— Нет, я вас буду слушать. Читайте мне лекцию: что должен делать управляющий Российском государственным банком?!

Бугай сидит на ступеньках, прилежно грызет семечки и нестерпимым голосом поет оконную песню:

Я гимназию не кончил,
Да в окопы прямо скочил
И попал в ниверситет
На геройский факультет.

Появляется незамеченная Бугаем молодая уборщица Валя. Она видит шелуху на полу, уходит и сейчас же возвращается с метлой, молча начинает подметать сор. Бугай застыл с шелухой на губе, потом прячет руку с семечками в карман и вежливо говорит:

— Извините!

Уборщица, не говоря ни слова, продолжает работу.

— И к чему тебе прибираться! — вдруг вспылал Бугай. — Шабаш! Прибрали! Всех людей начисто прибрали.

— Ой, нет! — говорит, останавливаясь, уборщица.

— Как это нет? — возрился Бугай.

— Людей много осталось. Весь низший персонал.

— Где? — поднимается, оторопев, Бугай.

— Там, — испуганно показывает уборщица.—
Внизу.

— А ну, веди! — промовым голосом говорит Бугай.—Сей момент веди, только поворачивайся!

Нижний этаж банка. Огромное помещение с низким потолком. При свете тусклых настольных ламп в дымной, туманной комнате сидят у столов десятки счетчиков в халатах; молчание; шелест денег.

Бугай и уборщица остановились на пороге.

— Работают!—потрясенно бормочет Бугай—
Ровно бабы у прясел работают! Свои! Эх, есть еще правда на земле!

И шагнув вперед, сорвав папаху, он отчаянно кричит, так что все поворачиваются и застывают:

— Товарищи! Команда! Слушай Егора Бугая! Речи я говорить не обучен. Одно скажу: кто был ничем, тот станет всем! Вали наверх, к комиосару! Живей вали, только поворачивайся. И — да здравствует революция!

Часть третья

Огромная толпа розъяренных женщин стучится в двери закрытой лавки. Над лавкой

вывеска: «Продажа конского мяса И. Хабибулова» и изображение лошадиной головы.

Сумерки на Выборгской стороне. Ветер. Перед закрытыми дверьми лавок бушуют очереди. Женщины вопят:

— Открывайте, ироды!

Воет ветер. Проходит, спеша, молчаливо, красногвардейский отряд. Проехал автомобиль; студент выбросил кучу разлетевшихся прокламаций: «Голосуйте в Учредительное собрание за партию народных социалистов!»

Площадь. Перед закрытым парадным, вдоль забора, молча, словно окаменев, стоит другая очередь. На заборе плакаты, афиши, декреты. На мостовой — пегий от грязи снег.

Очередь солдатских жен стоит перед закрытыми дверьми. Впереди — высокая, с впалыми щеками, в нищенской одежде и все же красивая солдатка; на руках она держит крохотную, оборванную девчонку, за юбку цепляется и скулит паренек лет семи:

— Мамка-а! Хлеба!

Женщина, не отвечая, с тоской смотрит вперед.

Вдруг из-за угла раздается нестройное пение, визгливый оркестр; на площадь вышла жидкая процессия.

Высокий мужчина с огромным бантом на пальто несет зловещее черное знамя. Двое матросов с трудом тащат против ветра плакат с анархическим лозунгом. Шествие громко, но нестройно поет:

Смерть у нас на знамени,
Месть наш пароль!

«Да здравствует анархия!» —
Сказал Равашоль...

Процессия останавливается. Низенький человек в развевающейся крылатке кричит, подняв руки:

— Творите анархию! Обитатели тьмы! Я зову вас к свету, к солнцу, к равенству!

Оркестр заглушил его слова. Снова звучит песня:

«...Разрежь живот хозяину
И поперек и вдоль.
Потом пускай повесят!» —
Сказал Равашоль.

Женщины в очереди тоскливо смотрят на процессию.

Высокий мужчина с бантом поглядел в их сторону.

Взор его упал на красивую солдатку. Передав знамя соседу, он выходит из двинувшейся дальше процессии.

Музыка и песня удаляются; очередь попрежнему стоит у забора. Человек с бантом останавливается около очереди и громко и ясно восклицает:

— Здорово, бабоньки! Чего ждете?

Молчание. Женщины тупо смотрят на мужчину с бантом.

Он продолжает бодро:

— Соскучились без мужей? Не извольте беспокоиться! Откомандирован в ваше распоряжение, получайте с аннексиями и контрибуциями.

— Отойди, кобель! — хмуро говорит какая-то солдатка. — И без тебя тошно!

— Без меня тошно. со мной будет сладко. дайте наглядеться! Теперь свобода. За что боролись?

Подходит к солдатке с впалыми щеками. Присвистнул.

— И такую краю муж-подлец оставил, в окопы гулять подался! Как здоровье, Сильва Ивановна?

Женщина молчит, враждебно глядя на него.

— Что ты к ней пристал? — огрызается стоящая рядом пожилая солдатка. — Не видишь, дети при ней...

— Молчи, эфиопка, пока жива! — шипит на нее человек с бантом. И сейчас же галантно поворачивается к женщине с детьми. — Очень красивые дети! Получай, сопля, шоколад «Миньон». Реквизирован у мировой буржуазии. А тебе — семечек, зубы точить.

Дети жадно берут презенты. Мать напряженно, и с недоверием, и с благодарностью глядит на человека с бантом.

— Так как вас звать?

— Евдокией, — тихо говорит солдатка.

— По батюшке?

— Ивановна.

— Честь имею, Евдокия Ивановна: Платон Дымба, свободный анархист, король биллиарда. Изволите проживать в собственном дворце или в гостинице «Англетер»?

Улыбка, горькая, но красящая, озаряет лицо солдатки.

— В подвале живем, — отвечает она чудесным, грудным голосом.

— Адресок не скажете? — быстрым шопотом осведомляется Дымба.

Она вновь недоверчиво глядит на него. Он обиженно:

— Я же вам добра. Промежду прочим, вы чего ждете?

— Пособия...

— А дверь не открывают, — говорит кто-то.

— Эх, вы! — возглашает Дымба. — Цыпленки! Сейчас мы их откроем.

Он подходит к двери и громоподобно стучит. Пауза.

Потом — вся очередь вздрогнула — дверь открывается.

В дверях — высохший чиновник министерства призрения. Безучастно взглянув на очередь, он поправляет манжеты. Громко говорит:

— Напрасно стучите! Пособие выдано не будет.

Мгновенный ропот и вновь тишина. Угасающее солнце блеснуло в стеклах чиновничьего пенсне. Чиновник шагнул вперед, с деревянной патетикой восклицает:

— Государственный банк разгромлен большевиками. Денег нет. Мы не можем работать в таких условиях.

Оцепеневшая толпа. Чиновник, вскинув вверх руки, продолжает:

— Мы умываем руки.

И дверь захлопнулась.

— Как же? — растерянно произнес кто-то.

Молчание. Потом маленькая, тощая солдатка шагнула вперед и заговорила, будто перед ней внемяющий мольбам чиновник, а не закрытая дверь:

— Господин заведующий! Кушать ведь, есть

надо... Муж ведь в окопах... Четвертый год...

Дверь безмолвствует. Солдатка отчаянно закричала:

— Господин!.. Жить-то как?

— Вот я тебе разъясню! — говорит Дымба, отодвигая ее в сторону. — Дела ваши плохи, гражданочки! Деньги ваши стырили граждане-товарищи... Большевики... И называется это — пиши, пляши, советская власть.

— Что делать, скажи! — истошный голос.

— Цыц! — говорит величественно Дымба. — А делать вот что... Пока они там, в Совете, всех денег не пропили, всем, так сказать, народом пойти...

— Правильно!

— Я всегда правильно! И вынуть из них, дьяволов, душу... И между прочим деньги...

Ветер рванул платки на головах женщин и словно вдохнул в них волнение и ярость. Все заговорили, закричали, дети заплакали. Сгустились сумерки.

— С богом, православный народ! — с азартом заправского погромщика кричит Дымба. — За что боролись? Бей их, буржуев проклятых!

— Бабы! В Совет! — истерически кричит маленькая солдатка.

— В Совет!

Толпа истерзанных, озлобленных женщин устремляется вперед. Платон Дымба вытирает пот и удовлетворенно говорит сам себе:

— То-то!

На улицу, где стоит очередь перед закрытыми лавками, высыпала толпа солдаток. Ма-

ленькая солдатка влезла на бочку, кричит над-
рывно:

— Наши мужья кровь льют, а нам в пособи-
ях отказывают!.. Спасайте, с голода погибаем!

Толпы сливаются. Возмущение становится
общим.

— Это все — большевики! — надывается
солдатка.

— Врешь! — вскочила на другую бочку дю-
жая работница. — При чем большевики?

— Ей богу! Чиновник сказывал..

— Все они черти — чиновники, лавочники!
Их бить и надо!

— Кишки ему выпустить, мяснику!

— Открывай лавку!

Удары все чаще сыплются на дверь. Рас-
свирепевшие женщины швыряют камни в ок-
на. Звон и гвалт. К двери протискивается
мужчина с ломом. Дверь разлетается. Женщи-
ны с криком врываются в лавку.

Лавка пуста. Бешенство женщин обруши-
вается на прилавки, на полки.

На улице маленькая солдатка сорвала вы-
веску с лошадиной головой, потрясая ею, кри-
чит:

— Советская власть, а жрать что? Это? В
Сове-е-ет!

Армия голодных, разъяренных женщин по-
неслась по улице. Темно.

Выборгский районный совет. Хаос и нагро-
мождение: только что переехали. Смешались
мебель, папки с делами, знамена, ящики с па-
тронами; поломанная пишущая машинка в

соседстве с пулеметом, табуреты — с лентами лозунгов.

Зал. Голо и тихо. Заседает президиум Совета. На председательском месте — Наташа. Один из сидящих за столом читает протокол:

— Вопрос 48-й. О выделении в Государственный банк бывших работников страховых касс. Вопрос 49-й. О походе рабочих завода «Феникс» за сырьем. Вопрос 50-й. О саботаже учительства. Вопрос...

Раскрывается дверь. Влетает красногвардеец:

— Там толпа!

— Какая толпа? — поднимается с места Наташа.

По помещениям Совета несется лавина распаленных женщин. Они бегут вверх по лестнице. Врываются в зал и на пороге останавливаются, увидев спокойно сидящий за столом президиум. Стоящие впереди тяжело дышат, лица их искажены злобой. Сзади слышны шум, возгласы нетерпения.

Из-за стола президиума встает Мищенко и гневно кричит:

— Куда лезете? Тут заседание идет, государственные дела решаются, а вы — орать?! Бабы!

— Опять бабы! — напускается на него сейчас же Наташа. — Сто раз тебе сказано — не бабы, а женщины. И ничуть никто нам не мешает.

И, повернувшись к женщинам, она громким приветливым голосом говорит:

— Входите, товарищи, садитесь! Очень вы кстати.

Ошеломленные такой встречей, женщины стоят, не трогаясь с места.

— Давайте, давайте, — поощряет Наташа. — Стульев мало, садитесь на столы. Принимайте участие в разговорах.

— Давай, входи, — наперебой приглашают члены президиума.

И сначала одна, потом несколько женщин, потом вся толпа входит неловко в зал, занимает места.

— Уселись? — спрашивает Наташа. — Очень хорошо. Какой вопрос на очереди?

— Ты наш вопрос давай, — вскакивает немедленно маленькая солдатка, — некогда нам сидеть! С утра голодные.

Стоящая сзади нее Евдокия с детьми неловко кивает головой, не сводя лихорадочного взгляда с Наташи.

— Нам слово вперед, — кричит маленькая солдатка.

Полным голосом, упершись руками в бока, Наташа немедленно обрушивается на нее:

— Давай, садись, веди собрание! А я покричу. Думаешь, хуже кричать стану? Шутить вы пришли или серьезное у вас дело? Серьезное, так давай по-серьезному.

— Молчи! — накидываются на маленькую солдатку соседки. — Дай послушать.

Маленькая солдатка замолкает. Наташа говорит:

— Твой вопрос, Лапшин.

Встает рабочий с седой копной волос, на шее — шарф.

— По всем районам, — тоненьким, хрипловатым голосом говорит он, — предложение бы-

до от Смольного пощуровать, нет ли где квартир свободных на предмет вселения бесквартирных... — Сильно закашлялся. — Хорошо—в центре, на Сергиевской или там на Фурштадской... баре, дворяне, князья.. А у нас — что? Рабочие...

— А мы — в центр! — стучит кто-то по столу кулаком. — С Батениной да на Невский..

— И в нашем есть, — вмешивается красногвардеец у дверей. — Вот в шестнадцатом по Песковской генерал, генеральша живут—двое, а комнат двенадцать...

— Есть, есть! — вскакивает неумная маленькая солдатка: — Вот те крест... Баронесса есть... Одна, растреклятая, и собак полсотни... Мопсы да пудели.. Сама видела....

Голоса со всех сторон.

— Вот еще на Успенской...

— Графья какие-то..

— Адмиралова вдова... По Нижегородской...

Наташа слегка постучала по столу.

— Выходит, есть, — говорит она рабочему в шарфе.

— Может и есть, — разводит руками тот.— Да как выяснишь?.. Дворники — на откуп. А наших — дома обойти — нет никого..

— Уж будто бы никого? — качает головой Наташа.

— Красная гвардия разве..

— У нас дела по горло — угрюмо говорит Мищенко. — Будем мы тебе с баронессой возиться.

— Так и все! — вздыхает старик в шарфе.— Кто в завкоме, кто где... Искал, аж вспотел..

— Значит, плохо искал, — заключает Наташа. — Людей тыща в районе, знай — выдвигай.. Вот я тебе контролера найду..

— Ну!.. Где?

— Тут вот, недалеко!.. Вот он сидит контролер..

И она показывает на маленькую солдатку. Все головы поворачиваются, раздаются возгласы изумления.

— Она? — поражается старик.

— Она.

— Да ей ввек не справиться!

— Ты почему знаешь? В работе попробуем..

Маленькая солдатка сидит с выпученными глазами. Все женщины с недоумением смотрят то на нее, то на Наташу.

— Не бабье дело, — сердито ворчит Мищенко, — с дворником цапаться..

— Цапаться? — подхватывает Наташа. — Самое женское.. Ты попробуй, поцапайся с ней.. Ну, контролер, как имя, фамилия?

Маленькая солдатка попрежнему сидит в столбняке.

За нее отвечают голоса:

— Лизаветой ее.. Лизавета..

Вдруг маленькую солдатку прорывает. Вся багровая, она вскакивает, кричит:

— Что Лизавета? Что Лизавета? Насмешки с меня строят, перед людьми стыдят, а вы ржете?

— Почему насмешки? — удивляется Наташа. — Совсем серьезное дело. Будешь контролер от Совета, пойдешь с мандатом по всем домам..

— Я-то? — вскрикивает Лизавета.

— Именно ты.

— Подойдет ли? — качает головой кто-то из мужчин.

— Эта? — всплескивает руками Наташа. — Как по мерке придется.. Голос зычный.. Характер, как у меня — ведьма.. Сама — бедняк.. Она им подсыплет перцу — дворникам, господам..

Теперь все присутствующие, особенно женщины, приходят в восторг. Раздаются смехи, одобрения, возгласы:

— Она — даст! От нее взвоют!

— Потолкуй с господами, не трудно ль им жить вдвоем на сто двадцать комнат?

— Дрожжи, генерал, адмирал, — Лизавета идет!

Кто-то из красногвардейцев поет басом:

Ешь ананасы и рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй!

— Сказались! — беспомощно, сорвавшимся голосом взывает Лизавета. — Все сказались! Куда я пойду? Чего знаю? В жисти ничего такого..

— Все ни черта не знаем, — убежденно говорит Наташа, — да вот, пробуем.. Ну, товарищи, принимаем кандидатуру.. Фамилия как?

— Кукушкина, — испуганно отвечает Лизавета.

— ...Елизаветы Кукушкиной?

Голос членов президиума:

— Можно принять..

— Пусть попробует..

Только старик в шарфе кашляет и покачивает головой:

— Ох, не справится... Не пустят ее... Закроют парадный ход на пять засовов..

И вдруг в Лизавете вновь просыпается ярость.

Она снова вскакивает, звонко кричит:

— Хоть на десять!.. Все звонки оборву... Парадный закроют, с черного хода пойду... В окно влезу..

Поднимается оглушительный хохот, крики восторга:

— Вот это да!

— Загорелась!

— Держись, баронесса!

— Тише! — стучит Наташа и сама улыбается. — Пошли дальше! Следующий вопрос — о продовольственном положении. Слово имеет комиссар управы товарищ Тураев!

Общее волнение. Женщины подались вперед, привстали. Тураев выходит из угла к столу и раскрывает бумаги. В наступившей тишине явственный шопот ребенка:

— Мамка! Кто это?

— Ш-ш-ш-... — успокаивает мать. — Это главный, который карточки выдает... Хлеб... Мясо..

— И пряники?..

— И пряники... Ш-ш-ш!

Ребенок идет к Тураеву, прежде чем мать успеет его задержать.

— Товарищи выборгские рабочие и работницы! — говорит Тураев.

Ребенок дергает его за рукав. Тураев глядит на ребенка:

— Что ты?

— Дядя, дай пряника!

Тураев бережно поднимает ребенка, ставит обратно и говорит с грустью:

— Нет у меня для тебя, дорогой, пряников. Мать уносит ребенка. Никто не засмеялся.

— Хлеба, товарищи, тоже нет. Запасов в городе — на три дня. Картошки — на пять. Подвозу нет. В продовольственной управе сидят чорт его знает что за люди. А тронуть их нельзя. Совсем запутаемся. Так что — плохо.

Мрачная тишина.

— На ваш район выделяем — вот цифры. А насчет норм сами решайте.

Пауза. Наташа:

— Нормы сейчас будем решать?

— Сейчас.

— Вы что скажете, домашние хозяйки?

Женщины вздрагивают, хмуро смотрят. Глухая реплика:

— Что мы сказать можем?

— Кто как не вы? Вы же дома, в семье распределяете...

Снова пауза. Потом чей-то нерешительный голос:

— Известное дело, работнику больше надо...

— Он сдаст — все сдохнем...

— Работающим — четверка. Прочим — осьмушка, — говорит кто-то из членов Совета.

— Значит, принято?

— Могу идти? — поднимается Тураев.

— Не торопись, товарищ Тураев. Отчет перед массами — так отчет. Вопросы есть?

— Есть, — говорит Мищенко.

Встал.

— Ты скажи мне. Андрей Ефимович, кто там у вас на ком сидит: ты на продовольственной управе или она на тебе?

— Постой..

— Нет, ты постой.. Как же так? На Невском—пирожные, крем-брюле, а на Выборгской?..

— Правильно! — кричат, не выдержав, женщины.

— Спекулянты сто шкур дерут,—стучит кулаком по столу один из членов президиума.

— Граждане!—вскакивает дюжая работница, — шесть часов в очереди стояла, ноги не держат.. Не открыл, подлец, лавки..

— А она пустая..

— Вы откуда знаете?—перебил кто-то из мужчин.

— Уж мы ее..

— Что? Говорил я?—вскипел Мищенко.— Хулиганов ищем, а вот они.

— Не смеешь обзывать!

— Лавки ломать мы вам не позволим! — встает Тураев.

— Не позволишь?—выскочила вперед пожилая солдатка.—А ты что за царь? Мне пособия не дают, дети с голоду пухнут, а вы не позволите?

— Вот, с утра не кормленные, — выталкивает вперед детей Евдокия.

— Спасите, православные, помираем!

Рев детей и женщин.

— Тише!—стучит по столу Мищенко.—Не базар! Заседание! С рассудком надо.

— Нет у меня рассудка ни крошечка,—над-

рывно кричит солдатка.—У вас есть, почему не кормите?

— Ты говорил, — подскакивает к Тураеву женщина,—хлеба на три дня... Выдавай весь—досыта поесть.

— А завтра? — спрашивает хмуро Тураев.

— Что мне завтра?—кричит женщина.—Сегодня кончаемся.

— Хлеба-а-а-а!

Поднимается такой шум и рев, что ничего нельзя понять. Во весь голос, с силой ударив по столу, Наташа кричит:

— Тише!

На мгновенье женщины стихают. Наташа говорит спокойно—усталость от бессонных ночей на ее лице:

— Вы за чем пришли? За отчетом? Помогать пришли? Товарищами будете. Вредить?! Так кому?

Тишина.

— Думаете, по шучьему велению все делается? Царская власть, Керенский по счету все сдали?

Солдатки глядят на нее мрачно.

— На голод жалуетесь? Царь и война постарались. Мы расхлебывать хотим, а вы на нас с криком? Совет громить?

Тягостное молчание. Потом из-за толпы, у дверей чей-то веселый голос:

— Здесь, что ли записывают?

Все повернулись. Тот же голос:

— Раздайтесь, дамочки, новорожденному пройти!

Женщины расступаются, глядят изумленно. В дверях стоят двое: красногвардеец Бараш-

кин, одетый по-праздничному, и молодая женщина с младенцем на руках. Оба глядят торжественно и смущенно. Барашкин говорит:

— Отказывает.

— Что такое?—удивилась Наташа.

— Отказывает поп крестить нашего наследника-цесаревича.

Общее изумление.

— Говорит: «Ни крестить, ни венчать, ни хоронить вас, дьяволов, не буду. Расточитесь!» Пришли в Совет.

— Что же мы вам сделать можем?—недоумевает Наташа.

— Окрещай, комиссар!

— С ума сошел!

— Ни чуточки!—Стал серьезен.—Когда наши под Царским Селом смертью легли, не звали мы попов. Самы вырыли, отпели. И крестить обойдемся. Вот и Марьиванна того же мнения. Правильно, Марьиванна?

— Уж говори ты!—шелчет, пряча лицо, молодая женщина.

Лицо Наташи расплывается в веселой улыбке.

— Ну, что ж,—говорит она.—Не приходилось, а можно. Тащите сюда книгу. Покрасивее книгу. Свидетели со стороны отца кто?

— А вот,—говорит «счастливый» отец,—в кумовья приглашаю весь наш славный красногвардейский отряд. Согласны Барашкина Васю почтить?

Громовой ответ:

— Согласны!

— А с материнской?

— Ну, одной кумы на сто кумов маю!
Правильно. Марьиванна?

— Уж говори ты!

— Я скажу. Эх, дорогие гражданочки, окажите честь наследнику-цесаревичу, поступайте в кумы! Идет?

Общий хохот, хихиканье.

— А имя какое дашь?

— Имя?—вдохновенно говорит Барашкин.— Как родился он в дни создания новой жизни, а ей наша партия—виновник, имя ему дать в честь вождя нашего Владимира Ильича Ленина—Владимир!

Грянула с необычайной силой гармонь. Все стоят вокруг стола, в огромной книге расписываются счастливые родители. Мищенко держит младенца неумелыми руками.

Тураев говорит речь:

— Выборгский районный совет поздравляет молодых родителей и желает им вырастить такого же хорошего большевика, как они сами. Жаль, нечего подарить ему. Страна наша сейчас нища и гола. Ничего, выправится. Ура!

— Ура!

Ружья вздымаются в воздух, гремит оглушительно гармонь. У женщин слезы на глазах. Мищенко, передав ребенка матери, сопит вытирает усы и ворчит:

— Хуже, чем баба.. А дите — это дело. Эх выпить бы по этому случаю коньяку финьшампаню!

Тревожный телефонный звонок. Красногвардеец снимает трубку.

— Алло!—говорит он.—Совет. Чего?

Лицо его искажается таким ужасом, что все поворачиваются к нему. Он слушает и повторяет:

— Горит склад на Батениной.. И на Охте.. и в Лесном.. Все запасы топлива.. горят...

— Заседание Совета прекращается,—говорит Наташа.—Все члены Совета, красногвардейцы, пролетарии объявляются мобилизованными. Пошли!

Зал опустел. Только несколько растерянных женщин с детьми стоят неподвижно. У самой двери—солдатка Евдокия. Губы ее дрожат, она бессмысленно прижимает к себе детей.

— Мамка! — хнычет мальчик. — Чего это делается?

— Наказанье божье!—вдруг говорит отчаянным шопотом Евдокия.—Детей не крестят.. Хлеба не будет.. Не дам, не дам вас, будь они прокляты!

Выскочила на темную улицу, бежит, не разбирая дороги. А на улице — яростный ветер, смятение: спешат люди, промчался, гудя, грузовик. Набат.

У какого-то тусклого фонаря перед солдаткой вынырнула из тумана мужская фигура.

— Ай!—вскрикнула Евдокия и остановилась

— Куда спешите, Евдокия Ивановна?—осведомляется Дымба.—Не на пожар ли? Море огня, масса смеху. Иллюминация в честь Советов! И водопровод очинно кстати не действует. Так что умора. Домой-с?

— Домой,—говорит она шопотом.

— Адресок не скажете?

Она молчит, судорожно глядит на него. С

грохотом проносится телега по улице, на телеге бочка с водой.

— Зайду вечерком, угощеньице принесу, цыпленка детям... Одна в квартире?

— Одна..

— Адресок? Минеральная?

— Не-е... Бабурин, 8.

— Спасибо, Дуняша! Интересно бы узнать, с чего пожар заделался? Адью!

И он идет в ночь, запев модную песенку:

Цыпленок жареный,
Цыпленок вареный,
Пошел по Невскому гулять...

Огромное зарево пожаров над Выборгской стороной. В уличной грязи, белой с черным от талого снега, стоят растянувшейся линией женщины, мужчины, дети и передают из рук в руки ледяные ведра с водой.

На лицах—отчаяние и ужас перед будущим. Рвет платки сильный ветер.

Красногвардейцы орудуют у самого огня: он захлестывает их, они, ослепленные, обожженные, шарахаются.

Наташа, распахнув куртку, бросается вперед к огню.

Пронзительный ветер дует ей в спину, огонь пышет в лицо. Ее обдают ледяные струи воды.

— Ходи прочь!—орет Мищенко.—Погибнешь.

— Воды! Воды!—не обращая внимания, кричит Наташа.

И люди устремляются с топорами и ведрами к огню, ожесточенно сражаются с пламенем.

А издали, как издевка:

...Я не советский,
Я не кадетский,
Я не народный комиссар.
Не агитировал,
Не аннексировал,
А только зернышки клезал...

Часть четвертая

Ночь. Пурга. Ветер и снег озлобленно бушуют на улицах: в вьюге возникают и пропадают дома, фонари, столбы, возникает и вновь пропадает плакат на канате, висящем над улицей: «Вся власть Учредительному собранию!»

Медленно идет по пустой улице красногвардейский дозор.

Шагают молча и хмуро, ежась от лютого ветра, зорко вглядываясь в темь.

Проходят. И словно тень мелькнула вдали. Мищенко хриплым, побеждающим ревом пурги голосом восклицает:

— Кто идет?

Молчание, рев пурги. С винтовками за плечами идет дозор.

Проходят переулком. Что-то метнулось поодаль. Отряд настороженно всматривается, и Барашкин звонко кричит:

— Кто там?

Молчание. Только свист и вой ветра. Проходит отряд.

Черная, мрачная улица. Идет дозор. Что-то испугнуло людей — какая-то тень в боковом

переулке. Маленький, молодой красногвардеец тонким голосом кричит:

— Кто?

Выстрел. Тень метнулась и скрылась в сугробах. Лежит на снегу маленький красногвардеец. Вскинуты ружья, вдогонку залп. Тишина. Пусто.

Над головами, от дома к дому, исчезая и вновь появляясь в метели, висит огромный плакат: «Вся власть Учредительному собранию!»

СТРАННЫЕ ДЕЛА ЗАНЕСЛИ ЧЛЕНА ЦК ПАРТИИ ЭСЕРОВ РОПШИНА В ГРЯЗНЫЙ ПОДВАЛ В БАБУРИНОМ ПЕРЕУЛКЕ, 8.

Бравурно зазвенела гитара. Маленькая до удушья комната в грязном подвале. Ветер свободно гуляет в ней, проникая через крохотное, почти под потолком, оконце. На полу спят дети, за столом с бутылками и закуской сидят Евдокия, Дымба и человек с худым, нервным лицом, с узким лысеющим черепом — Ропшин, с явной нарочитостью одетый в солдатскую грубую шинель.

С огромным чувством Дымба поет:

Цыпленок жареный,
Цыпленок вареный,
Цыпленки тоже хотят жить!.

— Вы меня извините, — прервал себя Дымба, — что я к вам, Евдокия Ивановна, гостя привел. Это — такой человек! Только цыц, молчок!

Евдокия боязливо глядит на Ропшина.

..Его схватили,
Остановили,
Велели пачпорт предъявить.

Рошшин пьет и поворачивается к Евдокии.

— Значит, муж на фронте? — негромко спрашивает он.

— На фронте.. Четвертый год... одна..

— Ничего, — хмуро говорит Рошшин, глядя в свой стакан.—Я тоже.. всегда один..—Медленно пьет.

— Непорядок, беспорядок!—рассуждает Дымба, накладывая себе закуску.—Вот мы с ним доберемся до власти, тотчас тебе мужа представим... Ты что карие глазки пучишь? Не веришь?

— Не верю,—тоскливо говорит Евдокия.—Никому не верю..

— И дура!.. Ваше здоровье, Евдокия Ивановна! Власть власти рознь. Ты какой властью обижена?

Евдокия глядит на него, жалкая, хмельная.

Дымба злое подмигивает и продолжает:

— То-то! Ты еще погоди, комиссары еще себя покажут. Тебя самое на учет возьмут.

— Что это вы говорите?

— Истинный факт. Будут женщин по карточкам выдавать. Специальный организуют комиссариат.. И как красивая, вроде вас, — хвост, очередь. Вы уж тогда меня, Дуняша, по знакомству без очереди..

— А дети?

— Детей — в лагеря. Собственности на детей не полагается, — говорит Дымба, наливая себе вина.

...Цыплята, уточки..

Ну ни минуточки

Ведь я покою не имел..

— Врешь, врешь! — взволнованно говорит Евдокия. — обманываешь!

— Охота мне такую обманывать — пренебрежительно говорит Дымба, выпивая. — Я, Дуня, графинь лобзал, а вас мне что?

— Выпьем, что ли, хозяйка? — говорит Ропшин Евдокии. — Хорошо мне у вас.. Я без людей соскучился.. Питерская?

— Тамбовская..

— Из глубин России.. Любимые нищие места.. Скоро они заговорят..

Пьет. Тоже хмелен.

— Заговорят, обязательно, заговорят, — подхватывает Дымба, наливая себе. — Здоровье прелестнейшей хозяйки, красы здешних мест! Тьфу, гадость! стыдно даже за такую дамочку водку глотать, требуется шампанское со складов купца Смирнова.

Выпивает и вздыхает:

— Тоже несправедливость судьбы.. Стоят закрытые склады, а приличные люди должны водку хлестать.. Нам бы с вами, Дуняша от туда сотню бутылок, мы бы магазин открыли, жизнь бы была..

Евдокия с хмельной, мечтательной улыбкой глядит перед собой.

— А так, поди, все комиссары выпьют..

— В полку был? — спрашивает Ропшин.

— Плохо, ваше сиятельство.. Конечно, солдат—он всегда недоволен, его сговорить можно.. Только трудный народ.. Даже проходить стало опасно.. Эх, всколыхнуть бы их чем!

Ропшин напряженно думает

— Ты что про склады плел?

— Какие склады? Винные склады? Есть, есть..

— Охрана большая?

— Охрана — тьфу!..

Ропшин перегнулся через стол и отдельно спрашивает:

— В полку про них знают?

Дымба смотрит на него, не понимая. Вдруг икнул и расцвел:

— Ваше сиятельство!.. Золотая идея!..

— погоди! Сам в полк не ходи!

— А кто ж?..

Оба, как по наитию, переводят глаза на Евдокию. Она сидит, не понимая.

— Евдокия Ивановна,—почти взвизгивает Дымба.—Она пойдет!. Прачкой пойдет при белье.. Я адресок дам.. Радуйтесь, Дунечка!..

— Что это вы говорите?—морщась от хмеля, смотрит на мужчин Евдокия.

— Пей, — говорит жестко Ропшин, пододвигая ей стакан.

Перегнувшись к ней, говорит глухю, но уже без жесткости, почти любовно:

— Слушай, ты, женщина!.. Я с детских лет за народ дерусь.. За голову мою тысячи рублей давали.. Никаким золотом, никакими благами меня не купить.. Ради тебя, ради таких, как ты, я..

Задохнулся, залпом проглотил водку. Голос звучит хрипло, в нем глухая злоба:

— Ленины.. Книжные люди.. хотят Россией править, русоких душисть.. Обман, надругательство, голод! Будет им конец..

Охрип, нет голоса. Евдокия, как зачарованная, глядит на него.

— И хлеб будет?—почти беззвучно говорит она.

— Будет,—говорит Ропшин.

— И не будут без церкви крестить? Детей отымать?

— Большевистские бредни!—морщится Ропшин.

— Говорите, куда,—бледная до жути, шальная, говорит Евдокия.—Пойду... Всюду пойду! Может, правду вы говорите... Давайте, куда идти?

— Цыц! Понеслась,—вмешивается Дымба, — Ваш номер шестнадцатый, вызовут... Вышей... Пей, Дуня, за людей, которые жить хотят со звоном да с треском!

Изо всех сил ударив по струнам гитары, он возбужденно, азартно поет:

Цыпленок жареный,
Цыпленок вареный,
Цыпленки тоже хотят жить!

Вьюга ответила свистом, пронзительным воем и смолкла. Огромные буквы на прислоненном к стене гигантском плакате «Вся власть Советам!»

Горит костер перед зданием Выборгского совета; у костра — красногвардейцы.

Зал Совета. Притушенная лампа тускло освещает патронные ящики, пулеметы, спящих на полу красногвардейцев. Люди спят вповалку, не раздеваясь прижав к себе ружья, положив голову на тюк с листовками.

Дребезжащий звонок телефона. Спящий у стены, стоя, с винтовкой в руках, красногвардеец просыпается, берет трубку.

— Алё?—говорит он хриплым со сна приглушенным голосом. — Совет. Совет, говорю. Чего? Какая бомба? Сейчас.

Кладет трубку. Стараясь тише ступать, идет к спящему в кресле Бугаю. Бугай открывает глаза, смотрит свирепо.

— Телефон!—говорит шопотом красногвардеец.

Бугай идет к телефону.

— Слушаю!—бормочет он.—Да. Бомба? Где обнаружена? Хорошо, передам. Наташа? Больна товарищ Наташа. Крепко больна. Я комиссару скажу. Будет звонить. — Вешает трубку. Стоит мрачный.

Дверь открывается. Весь в снегу вваливается красногвардеец.

— Не идет!—громко докладывает он.

— Цыц, оглашенный!—шипит на него Бугай.—Кто не идет?

— Лекарь,—шопотом говорит красногвардеец.—Еще ругается. Ногами топ-топ. Вы, говорит, насильники, Россию губите, то да се. Ба-стует интеллигенция.

— И доктора?—вытаращил глаза Бугай.

— И доктора!—торжественно подтверждает красногвардеец.

Бугай молча смотрит на него, словно не в силах поверить. Медленно, скрипя, вновь открывается дверь. Входят занесенные снегом люди, вносят труп. Мищенко проходит в сторону. Бугай, эстолбенев, глядит на процессию.

Небольшая комната наверху. Горит свеча на подоконнике. На походной кровати, укрытая солдатской шинелью, лежит Наташа. Сбо-

ку сидит осунувшийся, небритый Максим. В отдалении замерла маленькая солдатка Елизавета. Глаза Наташи устремлены лихорадочно в потолок. Хриплым, не своим голосом Наташа говорит:

— Максим!

— Что?

— Безобразия это, Максим! Во всем районе нет дров, а в Совете—жара.. Пусть не топят столько...

— Не топят,—угрюмо говорит Максим,—совсем не топят, Наташа..

— Я—не Наташа... Я—Елена... А школы? Товарищ Ефремов, пиши резолюцию... В школах топить...

— Хорошо,—говорит тихо Максим,—делаем..

— Не сделает,—бредит Наташа,—помоги ей, Максим.. Ее зовут Лизавета..

Лизавета делает шаг вперед, лицо ее искажено, в слезах. Максим останавливает ее рукой.

— Хорошо, поможем, Наташа!—отвечает он ласково, поправляя шинель на Наташе.

Вдруг она открыла глаза, осмысленным грустным взором поглядела на Максима и просто, тихо говорит:

— Это ничего, Максим.. Ничего..

— Ничего, Наташа,—говорит он тоже грустно,—спи только.

— Хорошо, Максим! Сплю.

Она закрывает глаза. Максим с мукой и нежностью глядит на нее. Скрипнула дверь. Максим быстро повернул голову. На пороге—Мищенко, молчаливый, сумрачный.

— Доктор? — одними губами спрашивает Максим.

Мищенко качает головой. Максим встает, идет. Чуть хлопнула дверь. Лизавета садится на место Максима, мрачно и любовно глядит на Наташу. Та открывает глаза.

— Зовут,—шепчет она лихорадочно.—Зовут меня..

— Лежи!—хриплым голосом говорит Лизавета.—Тоже лезешь всюду.. И без тебя люди найдутся.

Зал. На столе лежит мертвый красногвардеец. Вокруг, опустив головы, молча, недвижно стоят Барашкин, Бугай, красногвардейцы.

— Что же это выходит, братцы?—тихо, сильным голосом говорит Бугай.—Убивают наших людей, бомбы, склады жгут. Куда ж дальше, а?

Молчание. Медленно расступились люди. К трупу прошел Максим. Стал в головах, глядит без слов. Резкий телефонный звонок. Мищенко снял трубку.

— Да. Чего? Какой взрыв? Так. Понимаю. Сообщу.

Вешает трубку.

— На Лесснере,—медленно говорит он.—В прокатном цеху.. Четверо ранено.. Валы разнесло..

Движение и вновь тишина. Барашкин вздыхает и тихо, не поднимая головы, говорит мертвецу:

— Эх, Ваня, Ваня! На нашем, значит заводе.. Ты ж в Октябре дежурил, юнкеров в цеха не пускал.. А теперь пробрались.. Ору-

дуют.. Бомбы кладут... Завтра, поди, весь завод наш с тобой взорвут.. А ты — лежишь!..

Хлопнула дверь. Входит занесенный снегом красногвардеец. Простуженным голосом вызывает:

— Карпов! Глизаров! Рябинин! Зайцев! Сумский! На дежурство к мясным лавкам.

Из толпы тихо выходят вызванные. Чей-то голос из рядов:

— Нет Карпова! У него утром девочка померла. С голоду померла..

Пауза. Молодой красивый красногвардеец поднимает кулаки и почти стонет:

— Товарищи! Неужто нехватит?

Пауза. И опять хлопнула дверь. Мягкий приветливый голос с порога:

— Здравствуйте, товарищи выборжцы!

Все повернулись. У дверей стоит высокий, с одухотворенным лицом человек в шляпе и мокром от снега пальто. Он дружеским взглядом обводит рабочих.

— Здравствуй, товарищ Нехлюдов!—говорит Максим.—Заходи! .

Бугай наклоняется к Мищенко.

— Это кто?—спрашивает он шопотом.

— Из Смольного,—таким же шопотом отвечает Мищенко.—Большого ума человек.

— Это хорошо,—удовлетворенно выпрямился Бугай.—Скажет, как быть..

Нехлюдов проходит на середину. Увидел труп. Лицо его стало серьезным.

— Это что?—спросил он.

— Убит! Подстрелен.

Нехлюдов снял шляпу. Снег, тая, сползает

с воротника его пальто. Нехлюдов молча вглядывается в мертвеца. Сдвинул брови.

— Я его знаю,—задумчиво говорит он,—он в Октябре в Смольном стоял. На пропусках.

— Верно!—быстро откликнулся Барашкин.

Нехлюдов чуть улыбается, грустно говорит:

— Это он меня без пропуска не пускал: «Нельзя.—говорит,—власть!» И сам улыбается: «Поздравляю,—говорит,—товарищ Нехлюдов, со светлым воскресеньем!»

Отбросил шляпу, сел на край другого стола, почти яростно сказал:

— Светлое воскресенье! А люди мрут!

Молчание. Максим устало смотрит на Нехлюдова и спрашивает:

— По делу заехал?

— Да нет,—говорит неопределенно Нехлюдов и махнул рукой.—Так. Соскучился. Захотелось в район.

Оглянулся. Говорит с теплотой:

— Ведь я на Выборгской почти свой. Помните: Сампсониевское братство, диспуты..

Голоса:

— Было! Было!

— Помню, перед войной я читал здесь реферат «Как будет жизнь после революции?» Здорово аплодировали, когда я сказал: «Это будет конец злобе, вражде, борьбе, мир!»

Голос его внезапно повысился, он почти на крике говорит:

— А что сейчас? Мира нет. Война. Настоящая война. Мы толкаем людей на борьбу, на выстрелы, на смерть!

Сильным жестом показывает на труп.

— Вот сегодня составлен декрет... страш-

ный, противоестественный, антипартийный декрет, который и я и большинство товарищей отказались подписать..

Волнение в зале, все сдвинулось вокруг Нехлюдова.

— Какой декрет?

Нехлюдов, видимо, наслаждается общим возбуждением. Как бы направляя его искусной рукой, он гневно говорит:

— Декрет об аресте всех членов партии кадетов за то, что они будто бы занимаются заговорами..

Застывшие люди.

— Господа кадеты, конечно, ошибаются, они не понимают нас,—говорит Нехлюдов.— Можно с ними спорить, дискутировать... Но арестовывать!..

Его уже трясет, он уже не следит за слушателями, уверенный в них.

— Мы не можем брать на себя ответственность за эти аресты, за недопустимые приемы.. Мы уходим со своих постов..

Громкий выкрик изади:

— Кто это мы?

— Лучшие большевики: Рыков, Зиновьев, Каменев, Шляпников... Надеюсь, вы знаете эти имена?..

Гул голосов.

— Знаем!

— Мы апеллируем к массам,—взволнованно говорит Нехлюдов.— Может быть, ваш голос остановит Ленина. Именем народа, пока не поздно, скажите ему!..

— Скажем, сейчас же скажем!—говорит Максим и идет к телефону.

Легкий шум голосов. Нехлюдов, вытирая пот, садится.

— Смольный! Смольный? Кабинет товарища Ленина.

— Эх, и спасибо тебе, товарищ Нехлюдов!— негромко вздыхая, говорит Мищенко.

— Говорил я,—вытирает пот Бугай,—поможет. Теперь другое дело.

— Товарищ Ленин?—говорит Максим, и все в зале подались вперед.—Здравствуйте, Владимир Ильич! Говорит Максим. Да, я. Ну, да ведь и вы не спите. Не до сна сейчас, товарищ Ленин! Здесь, в Выборгском совете...

Повернулся, оглядел всех.

— ...сорок членов партии, семьдесят рабочих. Только что мы узнали, что часть членов ЦК...

Голос Максима тверд, не дрожит, и словно все, кроме Нехлюдова, знают, что он скажет, как будто подсказывают без слов.

— ..отказалась подписать декрет о кадетях, уходят с постов. Ну, скатертью им дорога!

Нехлюдов вздрогнул.

— А если есть на вашем декрете место,— взволнованно говорит Максим,—мы, партийцы, рабочие Выборгской стороны, как один, подпишем его руками, сердцем. И можете верить: за нами вся Выборгская сторона!

Теперь никто из рабочих, красногвардейцев не может сдержаться. Вопли, крики, возгласы—со всех сторон:

— Правильно!

— Все, как один!

— И партийные и беспартийные.

— Скажи ему: понимаем теперь, как жить...

Нехлюдов, бледный, озирается, но видит вокруг себя только возбужденные, пылающие от волнения лица.

— Товарищи!—пробует крикнуть он, но никто не слушает.

— Вот и все,—говорит в трубку Максим,—наши слова, а дальше — займемся делом. Выборгская не подкачает, товарищ Ленин!

Кабинет в Смольном. Застыла в ожидании машинистка у машинки. Голос Ленина:

— Знаю.. Ну, передайте привет. До свиданья! Не запаздывайте на заседание ЦИКа завтра. Впрочем, уже не завтра, а сегодня.

Ленин вешает трубку. Улыбка на его лице. Секунду он молчит, потом берет со стола рукопись и говорит машинистке:

— В каком месте вы не разобрались? Давайте прочтем..

Он диктует:

— «..Нас же, как и всех искренних друзей угнетенного класса, крайние меры сопротивления эксплуататоров могут лишь радовать, ибо мужания, созревания пролетариата к власти мы ждем не от уговоров и уговариваний, не от школы сладеньких проповедей или поучительных декламаций, а от школы жизни, от школы борьбы..»

Стучит машинка.

— «..Чтобы стать господствующим классом и окончательно победить буржуазию, пролетариат должен научиться этому, ибо сразу ему неоткуда взять такого умения. А научиться надо в борьбе...»

Стук машинки. Тишина кругом. Ночь.

— «..А учит только серьезная, упорная,

отчаянная борьба. Чем более крайним является сопротивление эксплуататоров, тем энергичнее, тверже, беспощаднее, успешнее будет подавление их эксплуатируемыми».

Ленин встает.

— Дальше понятно? Получайте. Я сейчас.

Он идет в другую комнату. Там сидит дежурный. При виде Ленина он живо вскакивает. Ленин кивает ему головой и говорит:

— Попросите ко мне товарища Сталина... Он, кажется, разговаривает по прямому проводу с Киевом, с украинской Радой...

Дежурный идет. Ленин вновь останавливает его:

— И потом, нет ли у вас хлеба? А?

— Сейчас поищем, товарищ Ленин!—говорит дежурный, лезет в шкаф, но ничего не находит.

— Пусто,—огорчается Ленин.—Ну, ничего, идите за Сталиным...

Дежурный вышел в приемную. Там сидят двое караульных. Они встают. Дежурный ищет в шкафу, но и здесь пусто. Дежурный возмущенно крикнул.

— Ты что?—приближается один из караульных.

— Да вот, Ленину хлеба нет..

— Ленину нет хлеба?—выпучил глаза караульный.—Как это может быть? Стой!—Он лезет в мешок, висящий у него за плечом, достает оттуда каравай хлеба, отрезает половину.—Неси немедленно!

Кабинет Ленина. Спит машинистка. Открывается дверь. Входит Ленин с хлебом под

мышкой. Увидев спящую, идет к столу на цыпочках. Кладет хлеб на стол, потом осторожно берет машинку, переносит ее к себе. Стучит одним пальцем и ест, озираясь, не разбудил ли. Телефон. Ленин сразу снимает трубку и негромко говорит:

— Слушаю. Да. Это насчет француза-военного, Садуля? Знаю. Приму шестого. Нет. Так и передайте, что с французским послом я не буду вступать в переговоры, пока правительство Франции не даст официального ответа на наше обращение о мире.

Вешает трубку. Скрипнула дверь. Ленин обернулся. Легкий шум приближающихся шагов. Ленин с улыбкой, тихо говорит:

— Вы еще раз оказались правы.. Кто-то из наших «друзей» сунулся на Выборгскую и получил, что следует.

Улыбка уступила место серьезной озабоченности.

— Ну, давайте займемся делом. Как с нашим проектом? Проект декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа.. Вот, я набросал начало..

И он читает севшему сбоку Сталину:

— «Учредительное собрание постановляет: Россия объявляется социалистической республикой..» А может быть, лучше Республикой Советов, а?

— Лучше, Владимир Ильич!—говорит Сталин.—Советы—сейчас главное.

— Так и запишем. Эх, товарищ Сталин, а ведь это вправду только проект—первая попытка.. Ведь мы еще будем с вами составлять настоящую социалистическую конститу-

цию, а? Ну, не будем мечтать... Вот это место, по-моему, хорошо..

Сталин сидит, слушая. Тихо звучит голос Ленина:

— «Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах...»

Зал Совета полон шума и волнения. Максим стоит у открытых дверей и кричит:

— Прощай! Извини, что лучше принять не могли товарищ Нехлюдов!

Закрывает дверь поворачивается, с презрением и злобой повторяет про себя:

— «Товарищ» Нехлюдов!

Он идет к столу. Там бурлит и кипит толпа.

— Новая жизнь начинается! — кричит Барашкин.

— В самый раз жизнь, — отзывается Бугай. — Только поворачивайся!

Один из красногвардейцев выступает вперед.

— Разрешите сказать, товарищи?

— Говори!

— Я думаю, на такой декрет отвечать надо. В городе нет хлеба.

— Ну!

— Надо, по-моему, ответить хлебом.

— Говори яснее!

— На Финляндской дороге, на втором километре вагоны стоят. Написано: нитки. А маль-

чишки играли, божатся,—видели через дырочку,—мешки там с мукой.

— И я скажу, — восклицает молодой рабочий, пролезая вперед. — Позвольте мне..

Все повернулись к нему. Он захлебывается, волнуется.

— Вот тоже баржи... Стоят на Неве... С виду пустые. А я думаю, нет.. Может, там тоже хлеб...

— Верно! — говорит Мищенко. — Завтра пойдем.

— Почему завтра? — чей-то голос. — Завтра уже началось!

— Давай, пошли сейчас!

— Ночь смутила?

— Какие теперь ночи?!

— Революционные ночи!

— Тише, — говорит Максим. — Дело правильное. Становись в два отряда — один на дорогу, другой—на Неву.

Ночь. Ледяная стужа на улице. Из здания Совета выходят отряды. Шаг их быстр и тверд. Один — налево, другой — направо, они идут в ночь, в мороз, исчезают в тумане.

Наверху, в комнате, где спит Наташа, Максим говорит Мищенко:

— Вот тебе адреса, бери людей и кати!

— Я протестую против насилия! — раздается взбешенный голос.

Максим и Мищенко быстро оборачиваются. На пороге — Бугай и Барашкин, запыхавшиеся, в снегу, а между ними — низенький человек в меховой шапке и шубе.

— Я протестую, — кричит низенький человек, — врываться к врачу, ночью...

Максим гневно смотрит на Бугая:

— Твои шутки?

— Не отрекаюсь, мой! — мрачно заявляет Бугай. — Честью просили, не помогло. Ну, мы поднажали.

— Безобразия! — кричит доктор. — Я отказываюсь иметь с вами дело... Немедленно доставьте меня домой... У меня семья...

— И у меня семья... — печально говорит Максим. — Жена больна, в бреду... Трижды сидела в тюрьме, была в ссылке, ее избивали нагайки казаков... Спасите мне жену, доктор!

— Какую жену? — кипятится доктор. — Я не признаю большевиков. Покажите мне больную.

— Уф! — говорит Мищенко, вытирая пот. — Нет, лекари еще ничего...

В зале звонит непрерывно телефон.

Доктор слушает спящую Наташу. Встает.

— Воспаление легких, — говорит он сердито. — Ни за что ручаться не могу. Нужно усиленное питание. Курица. Хорошо вино.

Максим слушает, бледный и растерянный.

— На чем писать рецепт? — попрежнему яростно спрашивает доктор.

Пока он пишет, Максим и Мищенко копаются в карманах.

— Вот, — говорит доктор, передавая рецепт. — А это что?

— Извините, — бормочет Максим. — Ваш гонорар.

— Я не возьму ваших денег, — шарахается доктор. — Они нажиты гибелью России!.

— Можете быть спокойны, — устало говорит Максим,—это не те..

Доносится яростный звонок телефона. Мищенко идет вниз. Доктор прячет деньги в карман и злобно спрашивает:

— Долго еще вы будете нас расстреливать?

Максим смотрит на него с недоумением. Бугай громко разбирает рецепт:

— Каждые два часа по столовой ложке..

— Кошмар! — восклицает доктор и идет к двери.

Мищенко быстро входит, встревоженный, мрачный.

— Громят винные склады! — сообщает он хриплым голосом.

— Кошмар! — восклицает потрясенный доктор и скрывается.

— Сколько человек в наличности? — быстро спрашивает Максим.

— Мало.

— Звони в крепость. Пусть высылают людей.

Пристегивая на ходу револьвер, Максим летит вниз. Бугай и Мищенко за ним. Хлопнула дверь.

Наташа кашляет, просыпается.

— Максим!—в забытьи, говорит она.

— Тсс! — шелчет Лизавета. — Не Максим. Это я, Лизавета Кукушкина..

— Максим! — едва слышно говорит Наташа. — Все хорошо.

— Спи, — шепчет Лизавета. — Все спят, а ты не спишь. Спи! Все хорошо!

Часть пятая

Солдатский штык вонзается в бочку. Брызнула струя. К ней жадно припадает рот.

Вино бежит из бочки: винные потоки бегут по полю.

Вино льется, бежит по снегу на ночной улице, образуя мутные ручьи. На улице, перед винными погребами, опромные толпы людей — солдат, женщин, обывателей, оборванцев. Люди толкаются, дерутся, кричат, лезут с бутылками, с ведрами, с бочками.

Вблизи в подворотне — Дымба орет на десяток людей. Их преступные, пьяные физиономии резко диссоциируют с нарочитой, под рабочего, под красногвардейца, одеждой.

— Уговор забыли? Лакаете? А еще просвещенные люди, специалисты! Вам дело поручено государственной важности, — голову надо держать сухой!

По улице бегут и бегут люди.

— Вина не видали? — кричит Дымба. — Олухи! В кабинетах лакать его будете, цаплятами-суперфлю закусывать, кордебалет подрывать! Хозяева — первый сорт, платят золотыми червонцами.

Шум и крик, доносящиеся от погреба, все усиливаются.

Пробегают толпами мимо подворотни люди с кувшинами и ведрами.

— С богом, орлы! — говорит Дымба. — Одежда на вас рабочая, в самый раз! Зовите, чтоб грабили, чтоб весь город стоном стонал!

Десяток людей двинулся из ворот к погребам. Дымба азартно напутствует:

— Попадется кто, вызволю! Лучше адвокаты встанут. Вперед, ангелы! С нами бог! Прыгайте!

По пустой улице бежит маленький отряд: Максим, Бугай, Мищенко, Барашкин. Останавливаются, переводя дух.

— Ох, — говорит Мищенко. — Не добежать!

— Одну минуту! — говорит Бугай и бросается в сторону.

Выбегает на проспект. Навстречу ему мчится автомобиль. Бугай кидается наперерез, кричит:

— Стой!

Автомобиль останавливается. Высунулся встревоженный седок в шубе.

— Извольте очистить помещение! — задыхаясь, говорит Бугай. — Спешно нужен мотор.

— Я — итальянский консул, — кричит седок. — Именем итальянского короля.

— Именем итальянского пролетариата, — бешено кричит Бугай, — слезай к чортовой матери!

Максим и другие бегут по улице. Гудя, шурша шинами по снегу, нагоняет их автомобиль.

— Садись, — кричит Бугай.

— Откуда машина?

— Как откуда? — злится Бугай. — Вызвал из Смольного. Из гаража. Поехали!

Опрямная толпа народа перед погребями. Люди, припав к бочкам, разбивая бутылки, бросаясь к льющемуся по снегу вину, пьют тут же на улице, наполняют ведра, кувшины.

В толпе бьется, пролезая вперед, Евдокия.
— Пустите, — кричит она, — пустите!

Ее толкают, швыряют из стороны в сторону. Шум, гвалт. Люди Дымбы кричат бесперестанно. Во всех углах идет погромная агитация.

— Братья! — орет, ударяя себя в грудь, одетый рабочим субъект — Сказано «революция»! Пей задарма!

— Айда магазины громить!

— На Невский! — визжит кто-то. — На Невский!

— Заставить дворников ворота открыть! Кого охраняют? Богатых?

Крики, драка, пьяный хохот, толчея...

Отчаянно гудя, подлетает машина, не тормозя, врывается в шарахнувшуюся толпу. Стоя на крыльях, орут Максим, Мищенко, Бугай и Барашкин. Толпа, на секунду отшатнувшаяся, сейчас же вновь напирает на них, кричит, грозит.

— Назад, — во весь голос кричит Мищенко. — Расходись!

— Назад! — кричит Максим. — Именем Советской власти, назад!

— Расходись! — кричит Барашкин. — Не пустим!

Разъяренные крики:

— Как не пустите?

— А вы кто?

— Жалко вам, жалко?

Из бокового окна вылезает Дымба. Он видит Максима, вздрагивает, таращит глаза. Потом, веки протрезвев, скрывается в толпе, и уж оттуда доносится его голос:

— Вот они, комиссары! Им только бы народ давить!

— Бей их, проклятых! — кричит кто-то из людей Дымбы.

— Бей!

Замахиваются руки, звереют лица, толпа напирает. Из окна вылезает прямо на Мищенко Евдокия, нагруженная бутылками.

— Бросай вино! — командует ей Мищенко. — Не смей грабить!

Евдокия, полупьяная, ошалевшая, смотрит на него безумными глазами.

— Бросай, — кричит, разъярившись, Мищенко. — Не велено!

Евдокия вдруг прижала в себе бутылки, истерически кричит:

— Не смеешь! Не смеешь отнимать! Не твое!

— И не твое! — сердито говорит Мищенко, выхватывает у нее бутылки, бьет их о землю.

— А-а-а! — закричала Евдокия. — За что? за что?

— Вино губят! — орет яростно один из людей Дымбы, высовываясь из толпы. — Бей их!

— Бей! — кричит Евдокия вне себя!

Сверкнул огонь, пуля вонзилась в фонарь над Максимом.

— Назад! — кричит Максим. — Товарищи!

— Уходи!

— Не уйдем! — говорит Барашкин.

Выстрел, еще... Пущенные пьяными руками, пули вонзаются в машину. В толпе — крик, вопли, давка.

И вдруг раздается протяжный рев сирены. Все повернулись. С двух сторон, гудя и свер-

кая огнем прожекторов, мчатся броневики. Они подлетают к толпе, останавливаются; лучи прожекторов начинают бегать по толпе. Из броневиков выскакивают, бросаются к погребам красногвардейцы.

В толпе паника. Пьяные, ошалевшие люди бросаются во все стороны, солдаты зарываются в сугробы, женщины вопят, падают на колени. Какие-то совсем одуревшие люди, не обращая внимания на гудки и крики, лежат у бочек, тащат бутылки.

— Ну, ничего не поделаешь!—говорит Максим. — Придется дать слово тэзке.

— Понимаю! — отзывается Мищенко. — По аэропланам!

Он бросается к броневику. Через секунду грянула пулеметная очередь. Толпа в диком смятении разбегается. Красногвардейцы хватают людей Дымбы, еще не успевших кинуть револьверы.

— Бежим! — кричит Дымба Евдокии.

Она, потрясенная, ошалевшая, вцепившаяся в него, не может двинуться с места. Он, чертыхнувшись, грубо толкает ее и бежит.

Мутные реки вина бегут по снегу, красногвардейцы бьют бутылки.

— Эх,—воскликает Мищенко.—Такое добро пропадает. Одну бы бутылочку — для комиссарши.

— Молчи! — кричит Максим, направляясь к машине.—Давай, поехали! Ночь еще не кончена.

И в эту же ночь были разбужены и доставлены в банк саботирующие чиновники.

В мягкой постели безмятежно спит человек

с окладистой бородой. Над ним раздаётся громкий бас:

— Гражданин бывший управляющий!

Спящий испуганно открывает глаза. Сперва не понимает, в чем дело, потом быстро садится на постели, остолбенев, глядит: перед постелью стоят три красногвардейца с винтовками, впереди — Мищенко, внушительно говорящий:

— Извольте встать!

Другая комната. Бледный, как смерть, лысоватый чиновник банка натягивает торопливо брюки, испуганно глядя на Бугая, стоящего непринужденно в стороне вместе с двумя красногвардейцами.

Кабинет управляющего. За столом сидит Максим, против него—еще в шубе и шапке—бывший управляющий.

— Уходя из банка, — лаконически говорит Максим, — вы кое-что забыли передать.

Бывший управляющий глядит на него с удивлением.

— Вот,—говорит Максим, глядя на опись,—ключ от центральной кладовой, ключи от секретных сейфов. Ключи от архива. Ключ от секретной переписки. Всего 36 ключей. Если вы не коллекционируете ключи, покорнейшая просьба вернуть.

Гость успел оправиться от первого смущения.

— У меня нет никаких ключей, — холодно заявляет он.

— Значит, нет?... — говорит Максим. — Ну

что ж, пишите домой записку, чтоб не беспокоились!

— Вы меня арестуете? — бледнеет гость.

— Нет, — резко говорит, вставая Максим.— Вы мне окажете честь, проведете здесь ночь и завтрашний день. Ко мне явятся за деньгами представители заводов, рабочие, солдаты, солдаты, учителя, инвалиды. Я, не взыщите, направлю их к вам. И, от души говорю, не завидую я вам, гражданин бывший управляющий Государственным банком!

Бугай вводит привезенного чиновника с лысиной в его бывший кабинет, говорит:

— Прошу дожидаться!

И снова выходит. Чиновник растерянно осматривается. Подходит к столу, пробует открыть ящики. Скрип двери: он поспешно отскакивает. Сейчас же лицо его озаряется радостной улыбкой. Он бросается навстречу вошедшему Капицыну.

— Федор Федорович! — восклицает он, — и вас?!

— И не говорите! — стонет Капицын.— Варвары!

— Но мы будем держаться стойко! — подбадривает себя чиновник с лысиной. — Пусть грозят, я не уступлю.

— Ай! — покачивает головой Капицын. — Вы не знаете на что способны эти люди!

— На что? — бледнеет чиновник, — что они могут со мной сделать?

— Лучше не спрашивайте, — зловеще отмахивается Капицын.

— Повесят? — заикается чиновник.

— Хуже!

Чиновник, дрожа, смотрит на Капицына.

— Что же?

Капицын оглядывается. Потом — шопотом:

— Они применяют к вам номер шесть.

И сам испуганно шарахается. Чиновник глядит на него, ошавев от испуга, потом прерывающимся голосом спрашивает.

— Что... что это значит?

— Чистить сортиры! — с мрачной торжественностью сообщает Капицын.

Чиновник стоит недвижим, потом, придя в себя бормочет:

— Нет, я применю иную... тактику... Я буду работать... Все равно, недолго им мучить нас...

Голос его крепнет. Он схватил Капицына за рукав:

— Слушайте мой совет, Федор Федорович! Не спорьте с ними, делайте, что прикажут. Скоро им конец.

Шепчет на ухо:

— Из достоверных источников... Готовится переворот... Грандиозное дело... Успех обеспечен...

— Вот глюкну, — огорченно говорит Капицын. — Определенно глюкну. Ну ничево не слышал из вашей превосходной речи...

— Понимаете, — возбужденно говорит чиновник, — заговор... В день открытия...

— Ну, просто ничего не слышу, — скорбит Капицын. — Врачи теряются в догадках...

— Да поймите же вы, — потеряв терпение, почти кричит чиновник, — готовится...

— Тсс! — поспешно машет руками Капицын, и чиновник отскакивает.

Входит Бугай, неся кучу конторских книг. Он кладет все книги на стол и торжественно говорит:

— Показано вам все книги пересмотреть и привести в порядок. И прошу поскорей, а то мне волноваться вредно.

Он уходит, пропуская проходящую незаметно, стороной, бывшую курьершу Валю. Чиновник в ужасе глядит на кучу книг. Капицын на цыпочках подходит к нему и шепотом говорит:

— А то еще есть номер семь...

Сам содрогается от ужаса и уходит. Чиновник, выйдя из столбняка, бросается за ним, крича:

— А что такое семь?

Но Капицына уже нет. Чиновник поворачивается к столу и вновь застывает. Сбоку от стола сидит Валя и говорит деловым тоном:

— В первую очередь просьба заняться счетами Путиловского завода... Совершенно запутаны...

Операционный зал. Уходящий Максим сталкивается с Капицыным.

— Куда?

— Домой! — ворчливо отзывается Капицын. — Надеюсь, мне позволят на этой варварской службе хоть три часа поспать?

— Валяйте! — улыбается Максим. — Хоть все восемь!

— А вы тоже домой?

— Какое? Через полчаса начало занятий!

— Куда же вы уходите? — изумляется Капицын.

В свою очередь Максим сердито смотрит на него и говорит шопотом:

— А зачем, чтобы знали, что я ночью работаю? Вовсе не доблесть—ночей-то не спать! Вот я и сделаю перерыв.

Капицын восхищенно смотрит на него. Сейчас же ловит себя на этом и мрачно говорит:

— Нет, я люблю поспать... Сны хороши. Снилось мне, будто — переворот, Учредительное собрание... Мечта!

Максим внимательно поглядел на него.

— Интересный сон! Подробности не снились?

— Да нет, не снились... — неопределенно говорит Капицын. — Ну, прощайте!

Уходит Максим, сдвинув брови, глядит ему вслед. Потом тоже идет. Бугай за ним.

Рассвет. Студеное утро. Догорающие костры на набережной канала. Из переулка выходят Максим и Бугай. Проходят в банк.

Швейцар, бог-Саваоф, стоит у дверей. Он опрометью бросается открывать, снимает фуражку.

— Как изволили спать? — осведомляется он.

— Великолепно! — серьезно отвечает Максим. — Чуть не проспал!

Часть шестая

На высоком заборе поверх плакатов наклеено свежее объявление: «Первое заседание Революционного народного Суда Выборгского района. Приглашаются все граждане...»

Зал в первом этаже Совета до удущья набит народом.

Сплошной массой, плечо к плечу, сидят на скамьях, стоят рабочие, солдаты, женщины, обыватели. В другом конце зала — стол, за столом еще не совсем оправившаяся после болезни Наташа, матрос, человек интеллигентного вида, работница и рабочий. Сзади членов, по стене, под знаменем — красногвардейцы с винтовками. В стороне сидит Максим.

Человек интеллигентного вида читает обвинительный акт:

— «...Задержанные обвиняются в том, что, активно участвуя в разгроме винных складов фабриканта Смирнова и в общей пьянке...»

Впереди публички, лицом к столу, на длинной скамье сидят шесть человек из шайки Дымбы. Они держатся независимо, иронически относясь к процедуре суда: один из них, толстый, с маленькими глазками, со щетиной на щеках, хрипло, но громко говорит:

— Кумедия!

Конвойный повернулся и слегка пристукнул винтовкой.

В холодной комнате — пар от дыхания: форточки открыты; за окнами — любопытные.

Чтение обвинения продолжается:

— «...они призывали толпу грабить и сами стреляли в красногвардейский отряд...»

Тишина. Все напряженно слушают.

У стены, в стороне, перед охраною сидит солдатка Евдокия. Она неотрывно, широко раскрытыми глазами глядит на суд, капли пота у нее на лбу.

— «...Кроме того обвиняются в том, что, являясь по всей очевидности грабителями...»

— Оскорбляют личность! — возмущенно пожимает плечами один из подсудимых пшютоватого вида.

На него зашикали. Наташа негромко звонит.

— «...Юни воспользовались обычной одеждой Красной гвардии, выдавая себя за рабочих. На основании всего этого...»

Тишина.

— «...Революционный Народный суд Выборгского района привлекает граждан Ползикова, Стрекалова, Глотова, Харч-Харчевского, Чибиряк и Кривушу к ответственности...»

К зданию Совета подлетели сани, из них выскочил Дымба, помог выйти юсанистому человеку в шубе. Человек этот, не спеша, снимает пенсне, протирает стекла. Дымба возбужденно шепчет:

— Христом-богом!.. Скорее!.. Вот-с адреса свидетелей..

— Не надо нервничать! — снисходительно говорит человек в шубе. — Дело—совершенно пустяки!..

— Вы уж постарайтесь! — льстиво шепчет Дымба. — За гонораром не постоим: хозяева — первый сорт.

— Я, любезнейший, — говорит поучительно человек в пенсне, — всероссийскую аферистку Софию Тарновскую начисто оправдал. Я ротмистра Далматова, убийцу пяти женщин, спас.. А у вас — абсурд, нонсенс!

Тишина в зале. Попрежнему внимательна толпа. Подсудимые в непринужденных позах

стоят перед судом. Изредка они оглядываются на толпу, словно ищут кого-то, и вдруг заметно обрадовались.

— Виновными себя признаете? спрашивает один из членов суда.

— Чего?

— Признаете себя виновными, — терпеливо говорит Наташа, — в том, что громили, пьянствовали и призывали грабить?

— Боже ж мой, боже ж мой! — с гримасой говорит один из обвиняемых. — Сколько шуму из пустяков!

— Отвечайте! — сердито повысил голос Бугай.

— Совершенно невинно страдаем! — громко возглашает другой обвиняемый. — За что губят наши молодые жизни?

— Мы будем жаловаться! — восклицает третий. — В самый главный Совет. На рабочих людей клеветают. За что ж мы боролись?

Со всех сторон несутся негодующие крики.

— Тише, — говорит Наташа. — Даю слово желающему — одно для защиты, одно — для обвинения.

— Разрешите? — выступает вперед человек в пенсне.

— Для защиты или для обвинения?

— Разрешите мне в защиту.. э-э-э... граждан Ползикова, Стрекалова, Глотова, Харч-Харчевского, Чибиряк и Кликуши! — приятно улыбаясь, говорит, человек в пенсне.

— Давайте!

Человек в пенсне поворачивается так, что его видят все, и привычным голосом оратора начинает:

— Я, конечно, понимаю, что это — первый опыт, эксперимент... Допустим и ошибки... но не забудьте, господа...

Мрачный голос из публики:

— Господ тут нет.

— Простите, я оговорился. Не забудьте, повторяю, что дело идет о нормативах юрисдикции..

Публика глядит на него, наморщив лбы, стараясь понять, но не мешая. С тревогой глядит на него Евдокия. С видимым наслаждением — подсудимые.

— Можно судить по-разному... Можно судить по так называемой совести. Эта форма суда еще осталась у... гм... первобытных народов... можно судить и по закону..

Напряженное внимание.

— Рассмотрим дело под углом совести. Предположим, обвиняемые действительно пили вино, громили склады, призывали грабить... Я отнюдь не солидаризируюсь с гражданами... э-э... Ползиковым, Стрекаловым, Глотковым, Харч-Харчевским, Кривушей и Чибирик, но по совести я их понимаю.

Возник смутный ропот, однако люди сдерживаются.

— Грабь богатых, буржуазию, — все дозволено, — разве это не лейтмотив всех нынешних речей? Почему же не дозволено пить? Веселие Руси — есть пити. И мои подзащитные поддались агитации, оказались жертвами вечерними царящей анархии. И, по совести, их нельзя за это судить. Судить надо тысячи, граждане, а не песчинки.

Шум стал общим, крики:

— Что ж он говорит?

Наташа встает и звонит.

— Тише! — энергично говорит она. — Прошу не мешать защитнику.

— Благодарю! — склоняет голову человек в пенсне. — Перейдем к суду по законам. В чем обвиняются граждане.. э-э Ползиков, Стрекалов, Глотов, Харч-Харчевский, Чибик и Кривуша? Пункт первый: в погроме винных складов. Но, граждане, это абсолютно нелогично. Хорошо, они обвиняемые. Но где же истец? Склады, на сколько мне известно, принадлежат господину Смирнову. Где ж его иск? Я не вижу его иска..

Снова — молчание, напряженные взоры. Скрытый в толпе Дымба довольно ухмыляется.

— И если уж на то пошло, то ведь и ваша так называемая Красная гвардия громила оклад, причиняла ущерб собственности господина Смирнова.. Вполне уместен вопрос: а судьи кто?

Вновь вспыхивает возмущение. Вновь Наташа звонит, но человек в пенсне, увлекаясь неотразимостью собственных рассуждений, продолжает:

— Эрго, пункт первый отпадает. Перейдем к пункту второму: стрельба в отряд. Это, конечно, преступление, статьи 75 и 76 Уголовного уложения. Но кем доказано, что стреляли именно мои подзащитные? Я могу представить свидетельство вполне уважаемых граждан — фамилия, адреса у меня имеются,—в том, что в момент стрельбы обвиняемые находились в самих погребах, а не на улице. Полное безусловное алиби.

— Чего? — выкрик из публики.

— Эрго, и пункт второй отпадает, — с приятной улыбкой говорит человек в пенсне. Остается пункт третий — о рабочей одежде. Но, граждане, это уж просто странно. Закон устанавливает ответственность за ношение, скажем, офицерского мундира. Но укажите мне закон, воспрещающий надевать рабочее платье! Смею вас уверить, я знаю наизусть все законы. Такого закона нет!

Общее подавленное молчание. Человек в пенсне приятно и скромно, но с сознанием собственной победы смотрит на судей. Судьи переглядываются. Подсудимые с обожанием глядят на своего защитника.

Из публики раздается совсем низкий бас:

— Разреши, товарищ судья; вопрос защитнику?

— Говори!

Все оборачиваются. Рабочий с седыми усами, морщинистыми щеками и крепкой грудью ясно и раздельно спрашивает:

— Вот ты все законы выучил, все на свете осветить можешь... А мне вот что хочется узнать...

— Охотно помогу вам, э-э.. товарищ! — поправляя пенсне, говорит защитник.

— Разреши тебя спросить об одном, — медленно и твердо спрашивает рабочий. — Бандиты они или не бандиты?

— Я не понимаю такой постановки вопроса, — сдвинул брови защитник.

— А все же скажи: бандиты или не бандиты?

— Я ведь объяснял, — терпеливо говорит

человек в пеньке. — Нельзя упрощать... Надо ставить вопрос юридически..

— Бандиты или не бандиты? — раздаются уже десятков голосов.

Атмосфера в зале раскаляется. У адвоката на лбу выступил пот.

— Граждане!—кричит он.—Я протестую..

— Бандиты или не бандиты? -- гремит уже весь зал.

Наташа звонит. Подсудимые — в заметном смятении. Их защитник уже потерял хладнокровие, растерянно кричит:

— Граждане!.. Но это — абсурд, нонсенс... Где правовые нормы? Вы ликвидируете суд!

— Тише! — повелительно говорит Наташа, и все стихло. — Кто еще хочет слова?

В разных концах зала люди подались вперед, слышен шопот:

— Максим!

Стоящий в задних рядах Дымба побледнел, увидев Максима, оглянулся, ища путь для отступления, но протолкаться невозможно. Напряженная тишина.

— Был у меня приятель, — серьезно говорит Максим,—малость подслеповатый. Пошел как-то рыбу удить, сел к реке спиной, закинул удочку в траву, весь день удил, так ничего не выудил. Сдается мне, что господин адвокат тоже не в ту сторону удочку закинул. — Взрыв хохота. Максим попрежнему серьезен. — Бандиты это подзащитные или не бандиты — это для нас не вопрос: бандиты!

— Правильно, — раздались сотни голосов, и все сразу стихло.

— Другой вопрос меня интересует, — про-

должает Максим. — случайно они, молодчики, вместе здесь собрались или не случайно?

Пошел вперед, стал против подсудимых, в упор глядя на них, съежившихся, избегающих его взгляда, говорит:

— Я спрашиваю вас, господа подсудимые: кто вас послал?

— Ничего не знаем — в панике восклицает один из подсудимых, — никто не посылал...

— Напраслина, все напраслина... — кричит другой.

— Я протестую, — раздается восклицание, и отошедший было адвокат вновь бросается к столу, кипя возмущением. — Я протестую. Нарушена элементарная юридическая процедура. Вы не имеете права давать слово для обвинения после защиты...

— Почему для обвинения? — пожал плечами Максим. — Я тоже в защиту. Только вам защищать их, да купца Смирнова, да офицерскую честь, а я защищать хочу — Выборгскую сторону, Питер, Советскую власть.

— Правильно говоришь! — возглас из зала.

— Сплошным кольцом окружает нас враг, — говорит Максим. — У него деньги... Может, те самые, что у нас в банке похищены... На эти деньги подкупались бандиты и пропромщики. На эти же деньги...

Вдруг остановился, повернулся к адвокату, сказал небрежно:

— Впрочем, вы, конечно, из идейных соображений?

— Совершенно идейных. — растерянно отвечает адвокат и под общий смех идет в публику.

— Ну, я так и думал, — невозмутимо говорит Максим и сейчас же вновь делается серьезен. В зале обрывается смех.—Вы посмотрите на этих молодчиков. Их с поличными поймали, а они нагличают: уверены, что деньги спасут их, вызволят. Ну, нет, не спасут вас никакие деньги!..

— Советский суд не подкупишь! — грозно кричит из зала рабочий.

— Советский суд не подкупишь! — повторяет Максим. — Перед лицом суда, перед лицом народа я спрашиваю вас: кто вас послал? На чьи деньги, где нанимали вас? Кто за вашими плечами прячется? Думаете, не найдем?

Подсудимые отворачивают головы в другую сторону, чтобы избежать вопроса, избежать взгляда Максима, но в другой стороне их встречают гневные взоры тысяч глаз,—люди напряженно, как бы тоже допрашивая, смотрят на них, и Бугай яростно отвечает:

— Найдем, будьте благонадежны.

— Давайте их имена, — восклицает Максим, и атмосфера в зале еще больше накаляется. — Молчите? Ну, так не ждите: нет и не будет вам пощады!

Повернулся к судьям и говорит с силой при все возрастающих криках одобрения:

— Судите их, граждане судьи. Господин адвокат призывал судить либо по совести либо по законам. А я говорю; судите по совести, по революционной совести, и по законам — по высшим законам Октябрьской революции. И по совести, и по законам, говорю я вам, граждане судьи, и вам, товарищи, людям этим я

тем, кто их послал,—не давать пощады, уничтожать!

Рев достиг апогея, и разом — тишина.

В тишине—чей-то твердый, как бы заключающий голос.

— Один говорил, а как все миллионы!

Наташа встает и говорит:

— Суд удаляется на совещание!

Кто-то встает. Мищенко громко говорит:

— Все вставай! Что было хорошего в старом суде, — останется.

Все встали. Поблуднели, потерялись подсудимые.

Едва держатся на ногах Евдокия. Дымба из публики делает отчаянные знаки адвокату, тот растерянно разводит руками.

Зал. Попрежнему стоят люди. Читается приговор:

«Именем Революционного народа...»

Тишина. Стоят люди.

«...Революционный Народный суд, рассмотрев дело о пьяных погромах, постановил...»

Стоят люди.

«...За разгром погребов, призыв к грабежам и стрельбу граждан Ползикова, Стрекалова, Глотова, Харч-Харчевского, Чибиряк и Кривушу — расстрелять!»

Тишина. Наташа тихо говорит:

— Голосую. Кто за приговор, прошу поднять руки!

Медленно поднимается лес рук. Дымба озирается и тоже поднял руку. Стоят с поднятыми руками люди за окном. Руки опускаются. Топот шагов. Конвой подходит к подсудимым,

начальник трогает одного из них за плечо. Тот бросает отчаянный взгляд в толпу. Дымба успокаивающе ему подмигивает. Конвой уводит обвиняемых.

Теперь словно прошло оцепенение. Люди шумно садятся, во всех рядах—обмен репликами, говор. Наташа звонит, водворяя тишину.

— По тому же делу, — говорит она, — об участии в пьяных погромах. Евдокия Козлова!

Солдатка поднимается с места, бледная, едва живая, идет к столу. При виде оборванной, измученной женщины с впалыми щеками зал выжидательно замирает. Наташа и судьи внимательно вглядываются в солдатку.

Она зябко втянула голову в плечи, озирается, словно затравленная. Взор ее падает на скрытого в толпе Дымбу. Поймав взгляд Евдокии, отчаянный, безнадежный, Дымба едва заметно, ободряюще подмигивает ей.

— Евдокия Козлова! — повторяет Наташа, и солдатка, точно застигнутая врасплох, повернулась к столу.

— Где работаете? — спрашивает один из судей.

Она молчит, смотрит, будто не понимая.

— Работаете где?

Она все молчит. Голос Лизаветы из публики:

— Солдатка она. Муж на фронте.

— Верно? — спрашивает Наташа Евдокию.

Евдокия угрюмо кивнула головой.

— На что живете?

— На пособие, — едва слышно отвечает Евдокия.

Молчание.

— А его жди, как рак свистнет, — негромко замечает какая-то женщина в толпе.

— Дети есть?

— Есть!

— Сколько? — спрашивает кто-то из публики.

— Двое.

— Старшему сколько?

— Совершенно несущественный вопрос, — не вытерпев говорит задержавшийся в суде, слушающий с интересом адвокат, но никто не обращает на него внимания.

— Восемь, — говорит Евдокия.

— А тебе?

Евдокия молчит.

— Ты отвечай, — хмуро говорит Мищенко. — Не ухаживать за тобой собираются.

— По паспорту двадцать девять лет, — говорит один из членов суда, глядя в дело.

Кто-то в первых рядах присвистнул:

— На вид — под сорок.

— Известно, — чей-то отклик, — голод не красит.

— Живешь где?

Евдокия молчит, будто каждый вопрос для нее пытка.

— Адрес в деле есть, — говорит тот же член суда. — Бабурин, 8, квартира 32.

Вопрос из публики:

— Комната не указана?

Ответ оттуда же:

— Буржуйка — собственную фатеру имеет: Евдокия глядит изподлобья. Мрачный огонь у нее в глазах.

— Разреши сказать, товарищ Наташа! — выступает вперед Барашкин.

— Скажи!

— Мы на квартире этой были с Марьиванной. По твоему приказанию. Детей проведали.

Евдокия напряженно глядит на него.

— Квартира, прямо скажем, дерьмо, — говорит, почесывая затылок, Барашкин. — Подвал. Спят на полу. Окно с пятак. Со стен каплет. Видывал я плохие фатеры, сам в углу живу, а эта палатка всех хуже.

Незясные переговоры, шопот в публике.

— Тише! — говорит Наташа. — Перейдем к изложению дела. Мищенко, говори!

Мищенко выходит вперед. Отер усы.

— Я был свидетелем действий этой гражданки, — говорит он. — Квартира у ней может быть гадкая, но натура, что выявлена, еще гаже. Самая что ни на есть бабья натура.

— Тебя не про бабьи природы спрашивают, — сердито обрывает Наташа.

— Извиняюсь. Удостоверяю, что гражданка эта была замечена больше всех. Погреба грабила? Грабила. Факт. Бутылки унести хотела? Факт.

Евдокия с ненавистью и мукой глядит на него.

— Это бы еще ничего, — продолжает Мищенко, — если б не идеология... Агитацию велла? Факт. Бить, убивать нас призывала. Как самая чуждая контра. А за что? За то, что винчишко подлое помешали грабить.

Он смит от негодования. Крякнул. Сказал:

— Эту гражданку надо крепко засудить,

чтобы другим бабам.. гражданкам было неповадно. Все!

Молчание. Евдокия с отчаянной яростью глядит на Мищенко.

Чье-то согласное хмыканье. Адвокат застыл — Может, она не для продажи брала?

— Продавать собиралась?—спрашивает один из судей.

— Продавать, — отвечает она, стиснув зубы, подняв неукротимо голову.

Тягостная пауза. Потом чей-то—деловым тоном — вопрос:

— По какой цене?

Адвокат чуть не подпрыгнул от удивления, хотел что-то сказать, но воздержался и только развел руками.

— По какой цене? — громко спрашивает кто-то в первом ряду.

Евдокия растерянно смотрит.

— Не знаю, — бормочет она, — По пять..

— Бутылка? — какой же деловой вопрос.

— Бутылка..

— Это еще по-божески, — заключает тот же голос.

Чье-то согласное хмыканье. Адвокат застыл в позе юмористического недоумения.

— Известно тебе, — спрашивает один из судей, — что писала советская власть о погромах?

Евдокия снова молчит, повернувшись к столу.

— Понимаешь ли ты, к чему они ведут?

Евдокия стоит неподвижно. Судорога дергает ее лицо.

— Ну? — говорит Наташа.

Тишина в зале. Подался вперед, глядя на Евдокию, Максим. Старается выбраться из толпы и не может Дымба.

— Не знаю, — мучительным, надрывным шопотом говорит Евдокия. — Ничего не знаю... Судите!.. Вяжите!.. Стреляйте!.. Все равно, собачья жизнь...

Она трясется. Зал напряженно глядит.

— Ты!.. — голосом, полным муки, слез, ненависти, восклицает солдатка, показывая на Наташу. — Что ты можешь обо мне понять? Ни детей у тебя... ни горя.. Пропади ты пропадом! Ничего, ничего больше ее скажу. Ненавижу!

Задохнувшись, остановилась Тишина. Мищенко наливает воды в стакан, подает Евдокии. Она отталкивает его руку. Вода выливается на ноги Мищенко.

— Утопить меня поклялась! — невзсело говорит Мищенко.

Судьи шепчутся. Потом Наташа поднимается.

— Суд считает возможным, — говорит она, — прекратить обсуждение. Удаляться для решения не будем. Сейчас приговор.

Зал наполняется рокотом толпы, звучащим, как далекие промовые перебаты перед молнией, перед ударом. Сидит, одинокая, перед столом, на подставленном ей кем-то стуле солдатка. Лицо у нее посерело, глаза потускнели, как будто решительно все накопленные для житейской борьбы силы иссякли.

— Приговор! — говорит Наташа.

«Именем Революционного народа...»

Тишина такая, что становится жутко.

— «...Революционный Народный суд Выборгского района, рассмотрев дело жены мобилизованного — Козловой Евдокии, 29 лет, постановил...».

Застывшие лица. Лизавета. Дымба. Бугай. Максим.

— «...Первое: за участие в пьяном разгроме и несознательные действия объявить Козловой общественное пролетарское порицание...»

Евдокия медленно поднимает голову.

— «...Второе. Поручить Выборгскому районному комитету партии большевиков разъяснить через агитаторов Козловой, равно как и другим неорганизованным женщинам Выборгской стороны, смысл учения Маркса о новой жизни...»

Кто-то крикнул. Тишина.

— «...Третье. Предложить Выборгскому совету переселить Евдокию Козлову с детьми из сырого подвала в здоровое помещение, реквизировав для этого комнату у лиц богатых классов, как и предлагал товарищ Ленин».

Пауза. И вдруг какая-то женщина всплеснула руками и самозабвенно, пронзительно восклицает:

— Ой, как хорошо!

И грянул гром аплодисментов. Хриплые голоса. Яростные вопли. Чей-то взволнованный смех. Громкое рыданье. И несмолкаемые, бурные рукоплескания, от которых должны воспламениться ладони. Даже суд, кроме Наташи, рукоплещет.

Миценко кашляет, вытирая усы, и бормочет:

— Хорошо засудили! Кренико.

Адвокат, стоящий в первом ряду, снимает пенсне, тоже кашляет и тоже бормочет:

— Юридически — абсурд, нонсенс, но...

И он шумно сморкается в носовой платок.

Лизавета, потная, осатанелая, кричит:

— Уж я найду! Я по всему миру пройду для тебя!

И только что стоявший подле солдатки красногвардеец из охраны вдруг лезет за пазуху, достает кусок хлеба, ломает его и сейчас же, бросая ломоть на стол перед Евдокией, кричит яростно:

— На, милая. снеси детям!

Летят один за другим на стол куски хлеба.

Наташа, спокойная и усталая, непрерывно звонит.

Говорит хриплым, еще больным голосом:

— Голосую! Кто за приговор, прошу поднять руки!

Взлетают тысячи рук. Все еще шум, словно невозможно успокоиться. В этом шуме сидит неподвижно, бессмысленно глядя перед собой. Евдокия. И, будто никого нет в зале, не своим голосом, она говорит:

— Как же? Как же это? Я ведь... грабила... бунтовала... факт... Я...

И вдруг полным голосом, криком:

— Не понимаю!

Чей-то голос из зала:

— Дура! Советская власть!

— Как же? — бормочет, пошатываясь на стуле, Евдокия. — Как же?

Она вскочила и диким голосом, потрясая всех, кричит:

— Лучше убейте!.. Не понимаю.. Голова го-

рит.. Люди! Пожалейте!.. Не обманывайте!..
Всю жизнь обманывают!..

Она озирается, ища ответа, и вдруг ее взгляд падает на пробравшегося к окну Дымбу.

— Ты?! — кричит она. — Ты!

Все повернулись. Дымба застыл. Максим, вздрогнул, подался вперед.

— Ты что говорил?—с яростной мукой кричит Евдокия, и толпа медленно расступается, так что между солдаткой и Дымбой образуется проход. — Теперь скажи! При всех скажи! Ну!

Она вся трясется, и зал словно трясется вместе с ней.

— Я грабила. — иступленно, с мокрым от слез лицом кричит Евдокия, — я советскую власть материла, а мне советская власть — прощать?!.. Когда ж, когда было такое?.. Я я Ленина!.. А мне Ленин квартиру!.. Ленин!..

И вдруг ее голос становится пронзительным, нечеловеческим. Лицо искажается такой яростью, такой мукой, что на него почти невозможно смотреть:

— А вы.. Ты и тот.. Вы Ленина хотите убить!.. Меня сговорили!..

Быстрее молнии Максим борсается вперед. Но еще быстрее Дымба выхватывает револьвер, стреляет в Евдокию и прыгает в окно. Евдокия падает.

Крики сотни людей. Бугай прыгает в окно. Парень бросается на улицу навстречу Дымбе. Отчаянным ударом Дымба сбивает его с ног и метнулся вперед, к саням.

-- Пошел! -- кричит он.

И в тот же момент Бугай прыгает на Дымбу, валит его на землю и громко, самозабвенно кричит:

— Врешь! Не уйдешь!

Тишина. В маленькой комнате—Максим, Наташа, Мищенко, Бугай. Против них сидит с потным лицом Дымба.

— Вот где вы нашлись, господин бывший конторщик,—говорит Максим.—Узнаете?

Дымба молчит.

— Теперь мы с вами поговорим! — говорит Максим и кладет руку с револьвером на стол. Голос его страшен. — Ну, так что можете сообщить?

— Ни в чем не виноват! — хриплым голосом говорит Дымба. — Безупречного поведения...

— Что вы замыслили против Ленина? — спрашивает Максим — Кто такой был с вами у Козловой?

Дымба молчит, в смертельном страхе глядя на Максима.

— Зачем спаивали солдат? Ну? — ударяет револьвером по столу Максим.

— Говори, или я с тобой хуже господу бога поступлю! — иступленно кричит Бугай.

— Не желаете говорить? — тяжело дыша, говорит Максим. — Желаете, чтоб я вам подсказал? Так вот, 5 января...

Дымба в неописуемом ужасе смотрит на Максима.

— ...в день Учредительного собрания...

Дымба молчит.

Часть седьмая

Предъявляется продолговатый билет с надписью: «Член Учредительного собрания от Ярославской губернии»

— Можете пройти! — говорит высокий, обвитый через оба плеча пулеметными лентами, матрос.

Мимо выстроившихся матросов в черных бушлатах, в пулеметных лентах крест-накрест проходит в Таврический дворец спокойной походкой Ропшин.

Кулуары дворца наполнены бурлящей, шумящей толпой. Депутаты Учредительного собрания — эсеры и меньшевики — разгуливают взад и вперед, как в фойе театра, стоят группами, митингуют.

В какой-то группе люди с блестящими глазами перебирают один другого:

— 400 эсеров и 150 большевиков!

— Финита ля комедия!

— Теперь мы им покажем!

В углу едва слышен таинственный шопот:

— Понимаете, шолк отправляется как бы на фронт, мимо Таврического, внезапно поворачивает сюда, входит и...

Посреди фойе, привлекая общее внимание, ораторствует седобородый меньшевик. Сегодня он особенно в параде, словно помолодел, и полон радостью до краев. Победно обводя всех взором, он дает интервью обступившим его журналистам:

— Сейчас же будет образовано правительство, конечно без большевиков... В крайнем

случае, мы возьмем наиболее порядочных из них.. Каменева, Зиновьева.

— А Ленин?

— Ленин! — возмущенно пожимает плечами меньшевик и обводит зал глазами.

Он встречается взором с одиноко стоящим в тени одной из колонн Ропшиным. По лицу меньшевика пробегают тень, он вновь поворачивается к журналистам и твердо говорит:

— С Лениным как политической фигурой будет покончено.

Ропшин неподвижно стоит в тени колонны.

Бывший зал Государственной думы шумит и бурлит. Заполняя все правое крыло и весь центр, сидят эсеры и меньшевики. Они громко переговариваются, постукивают нетерпеливо пюпитрами, глядя на часы.

Внезапно в первых рядах поднимается с места седобородый меньшевик и громко заявляет:

— Предлагаем старейшему из членов Учредительного собрания открыть заседание!

Грянули аплодисменты. Почти сейчас же на председательском месте вырастает кряжистая фигура человека с длинными волосами, под народника, и с длинной седой бородой. Дрожащей рукой он берет колокольчик, поднимает его. Колокольчик дребезжит в его руке. На левом крыле переглядываются большевики.

— Ловко срежиссировано! — говорит Наташе Тураев. — Не желают, чтобы собрание было открыто представителем ВЦИКа.

— Где же Свердлов? — беспокоится Наташа.

Рядом с фигурой длиннородого старца вырастает Свердлов.

— Это что такое?—говорит он обомлевшему старцу и властной рукой забирает у него звонок. — Зачем вы здесь?

И, спокойно отстранив старика, он громко, решительно звонит.

Теперь меньшевики и эсеры поднимают вой, стучат кулаками по пропитрам, кричат и улюлюкают... Свердлов стоит спокойно, почти с насмешкой оглядывая через стекла пенсне зал, и хладнокровно звонит.

Через боковую, левую дверь в зал входят Ленин, Сталин и Дзержинский. Увидев их, вся правая часть приходит в неистовство. Шум нарастает, эсеры и меньшевики кричат какие-то угрозы, повернув головы в сторону Ленина. Он останавливается у своего места и в свою очередь глядит на зал. Прямо ему в лицо гремят угрозы, крики, протесты.

Сзади него стоят, аплодируя, большевики. На трибуне звонит и звонит Свердлов.

Ленин едва заметно, словно окончательно что-то решив, покачал головой, потом стал медленно обводить глазами весь зал от края и до края.

Как бы под действием этого взгляда эсеры и меньшевики перестают постепенно кричать и шуметь, опускаются на свои места. Все промче звонит колокольчик.

В наступающей относительной тишине Свердлов громко и ясно говорит:

— Исполнительный комитет советов рабочих и крестьянских депутатов поручил мне открыть заседание Учредительного собрания!

— Насильники! Долой! — кричит истерически со своего места седобородый меньшевик.

— Центральный исполнительный комитет, — звучно продолжает Свердлов, — поручил мне также огласить здесь декларацию, которая должна стать основой жизни нашего народа и к которой мы призываем вас присоединиться. Вот она.

И он звучным, проникновенным голосом, держа двумя руками лист бумаги, читает:

— «Учредительное собрание постановляет: Россия объявляется Республикой советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...»

Перед решеткой дворца — огромная толпа женщин, обывателей, рабочих. Среди них — гомон, отдельные реплики, перебранка.

— Запомни этот день! — говорит пожилой рабочий сыну-мальчишке. — Сегодня все учреждается.

— Не учреждается, — перебивает сосед, низенький красногвардеец, — а утверждается. Учредили мы 25 октября.

— Все одно, — говорит миролюбиво пожилой. — Ну, подтверждается перед всем миром, что мы завоевали.

Зал. Свердлов доканчивает чтение декларации:

— «...Желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных учреждениях...»

Он кладет бумагу на кафедру и, повернувшись лицом к залу, говорит:

— Центральный исполнительный комитет вы-

ражает надежду, что Учредительское собрание...

Седобородый меньшевик презрительно усмехается. На скамьях эсеров отдельные члены собрания то и дело поворачиваются к дверям, словно негодую на чье-то опоздание.

Звучит голос Свердлова:

— ...поскольку оно правильно выражает интересы народа, присоединиться к этой декларации.

— Ни в коем случае! — кричит седобородый меньшевик.

И возникает буря. Эсеры и меньшевики наперебой кричат, угрожая кулаками, вскакивая и стуча пюпитрами:

— Хотите, чтоб мы утвердили вашу власть?

— Долой декларацию!

— Долой Ленина!

Человек с седоющей головой, с курчавой бородкой, на первой скамье центра кричит, театрально потрясая рукой:

— От имени партии эсеров я, Чернов, говорю: мы не допустим этого!

Столпотворение. Большевики вскакивают с мест, кричат в ответ правым; беспрерывно раздается звонок Свердлова. Ленин и Сталин обмениваются спокойными взглядами, как бы подтверждая друг другу, что этого следовало ожидать.

Свердлов не может выговорить ни слова. Упоенные обструкцией, эсеры и меньшевики продолжают бесноваться. Один из эсеров, сияя, нагибается к другому и говорит:

— Теперь бы только полк явился во-время!

К толпе, стоящей перед дворцом, подбегает возбужденный красногвардеец. Еще издали он размахивает руками, что-то кричит. Толпа жадно подалась вперед.

— Граждане! — почти в беспамятстве кричит красногвардеец, вскочив на решетку. — Я прямо из зала.. Там — такое..

— Что? Что? — сыплется со всех сторон.

— Не хотят меньшевики и эсеры..

Он задохнулся.

— Не хотят признавать всего, что вы завоевали.. Кричат.. Топают..

— Врешь! — возгласы со всех сторон. — Как же не признают?

— Еще издеваются.. Лидер их, Чернов, кричит: Долой, долой!

— Лидер? — иступленно кричит стоящая в толпе Лизавета. — Давайте мне этого лидера! Я ж тому лидеру все глаза выдеру!

— Ошибся! — говорит пожилой человек сыну, застегивая пальто. — Нечего вспоминать такой день.. Потерянный день!..

Таврический дворец. Все еще непрекращающиеся шум и крики.

— Уходите! — кричат Свердлову. — Освободите место!

— Мы вас заставим уйти!

В этот хаотический шум внезапно врывается другой—организованный, четкий топот шагов. Приближается воинский отряд.

Шум в зале уменьшается, головы поворачиваются к дверям. На лицах у некоторых эсеров — торжествующие улыбки.

— Идут! — не вытерпев, восклицает кто-то.

Топот приближается, напряжение в зале растет. Гремят шаги о паркет, все громче и громче. Потом все двери, ведущие в зал, одновременно открываются, входят и останавливаются, как на часах, матросы в бушлатах с винтовками в руках и красногвардейцы, также вооруженные, в черных кожаных куртках. Весь зал оказался в кольце этой блестящей охраны.

Кто-то из сидящих у самых дверей эсеров приподнимается и испуганно спрашивает:

— Что это?

— Для охраны Учредительного собрания! — четко отвечает матрос.

В рядах эсеров и меньшевиков заметное смятение.

— Нас обманули! — вырывается у одного из них.

— Тсс! — останавливает другой.

Матросы и красногвардейцы стоят, застыв у дверей, выразительно поглядывая на сидящих.

Решетка у дворца. Толпы нет. Все разошлись...

В одной из комнат Таврического дворца сидит группа большевиков. Ленин, стоя, говорит:

— Теперь ясно, что представляет из себя это пресловутое Учредительное собрание. Говорильню, прикрытые контрреволюции и саботажа. Народу с таким собранием нечего делать. Предлагаю фракции большевиков покинуть заседание, заявив об этом. Заседание довести до конца, пусть выболтаются.

Зал. На трибуне — седобородый меньшевик. Он, блистая сарказмом и патетикой, заканчивает речь:

— Чтобы оправдать свою диктатуру, большевики выдумывают мифы о каких-то заговорах, о каких-то контрреволюционных группах... Где они, эти группы? В воспаленной голове большевистских вождей! Я думаю, что Учредительное собрание попросит некоторых вождей отдохнуть и полечиться. А на их место придут трезвые, уравновешенные люди, настоящие избранники нации.

Гром аплодисментов, радостный смех сидящих. Седобородый меньшевик сходит с трибуны. Восседающий на председательском месте курчавый, с щеголеватой бородкой, Чернов объявляет:

— Слово для заявления от большевистской фракции предоставляется члену Учредительного собрания Тураеву.

Общее внимание. Тураев входит на трибуну.

— Граждане! — громко начинает он. — Не первый раз выступаю я с этой трибуны. Ваши места занимали помещики и капиталисты. Не вижу разницы.

Мгновенный яростный вой в зале.

— И это знакомо, — продолжает Тураев, — только теперь нас не перекричишь! Время другое. Вот тут..

Показал направо.

— ..было пять человек, а теперь сотни. А за ними — все трудящиеся России!

Стоят в проходах прозные, неподвижные мат-

росы и красногвардейцы. Зал постепенно смолкает, и Тураев говорит веско и отчетливо:

— Вы отказываете им в праве на новую жизнь. Смотрите, как бы они не отказали вам в праве решать их судьбу!

Уже тишина в зале.

— Отныне наши пути, не сходящиеся и раньше, окончательно разошлись. Вы стоите по одну сторону баррикады — с белогвардейцами и юнкерами, мы — по другую сторону: с солдатами, рабочими и крестьянами.

Аплодисменты левой части.

— Нам не по пути с врагами народа, отказавшимися признать волю трудящихся. Фракция большевиков в полном составе покидает Учредительное собрание.

Полная растерянность большинства. Большевики встают и уходят. Встает и уходит Ленин.

Сидящий сзади у двери Ропшин также встает и незаметно уходит со своего места.

Чернов звонит. Тураев сходит с трибуны.

Ропшин идет по коридору, выходит в фойе. Остановился у колонны, держа одну руку в кармане.

— Вы не волнуйтесь! — раздается сбоку от него непрожий голос. — Товарищ Ленин ушел другой дорогой.

Ропшин поворачивается. Из-за колонны выступает Максим.

— И можете вынуть руку из кармана, — также негромко продолжает Максим, — выстрелить мы вам все равно не дадим.

Ропшин медленно оглядывается. Несколько человек стоит в разных местах, лицом к нему,

и совсем вблизи стоит и глядит на него с холодной ненавистью Бугай.

Ропшин повернулся в другую сторону: там молча стоит Евдокия.

Ропшин вынимает руку из кармана и холодно спрашивает:

— Что вам угодно?

— А это вы узнаете собственно в Чрезвычайной комиссии, — отвечает Максим, — я, к сожалению, из другого ведомства. Впрочем, в этом деле я кровно заинтересован: больно уж много моих денег ушло на вас.

Помимо воли Ропшин вздрагивает.

— Пришлось мне, скромному банковскому работнику, отрываться от дела, заговоры открывать. Хотя, извините, раскрыла-то все она, солдатка Евдокия.

Ропшин молчит. Потом поднимает голову и криво усмешается.

— Так! — медленно говорит он. — Меня не поймал Азеф. Не могла поймать вся царская охранка. И погиб от какой-то солдатки.

— Да, времена другие!—говорит Максим.— Ну, пройдемте, придется на месте составить протокол.

Улыбка на лице Ропшина сделалась презрительной.

— И вы — революционер, — качает он головой, — на протоколах сидите, на службе?

— А сами-то вы? — с ненавистью возражает Максим. — Вы не на службе у хозяйчиков, у банкиров, у иностранных послов, у нтионов из заграничных охранок? Ну, ладно, служили им вы, а платить будем мы! Хорошо заплатим! Пошли!

Зал. Поздняя ночь. Спят на местах некоторые депутаты. Зевают остальные. На трибуне очередной оратор:

— Уже самым фактом открытия Учредительного собрания провозглашается конец гражданской войны...

Рослый красивый матрос подходит к Чернову и кладет ему руку на плечо. Чернов изумленно поворачивается.

Матрос говорит твердо и лаконически:

— Караул устал. Предлагаю закрыть заседание и разойтись по домам!

Чернов, оцепенев, глядит на него. Приподнялись еще не спящие депутаты. Тишина такая, что слышен ход маятника в больших часах.

Матрос повторяет:

— Караул устал!

Чернов обводит глазами зал. Матросы и красногвардейцы отвечают ему недружелюбным взглядом.

Чернов, запинаясь, говорит:

— Объявляю закрытым первое заседание Учредительного собрания!

— И последнее! — громко говорит красногвардеец.

Матрос командует:

— Караул! Смирно!

Матросы и рабочие вытягиваются. Члены Учредительного собрания торопливо идут из зала. На часах — четыре часа сорок минут.

Матрос оглядывает зал, потом громко говорит:

— Открыть окна! Проветрить помещение!

Государственный банк. Зал заседаний. Множество чиновников — бывших служащих банка, волнуясь, беседует друг с другом шопотом и промогласно.

Чиновник, стоящий у дверей, вдруг восклицает:

— Комиссар!

Шум мгновенно спадает. Максим входит и быстрой походкой идет на середину зала.

— Здравствуйте, граждане, — еще на ходу говорит он, — чем могу служить?

Легкая, неловкая пауза. Потом из среды чиновников выделяется один, с благообразной, скорбной физиономией.

— Э.. э.. группа служащих банка поручила мне, — начинает он неуверенно.

— Ну-те-с! — поощрительно говорит Максим, садясь на стул лицом к чиновникам.

— Мы всегда, — овладев собой, говорит чиновник, — рассматривали свою работу в Государственном банке, как работу для общества, для народа..

Возгласы со всех сторон:

— Совершенно правильно!

— Мы ушли, — продолжает чиновник, — мы ушли из идейных соображений. Мы предпочли голодать, но не менять убеждений..

В его голосе слышна слеза.

— ..Но сердце у нас болит, ибо мы любим свое дело! Мы продолжаем нести за него ответственность! А что вы сделали с нашим делом, с нашим банком, гражданин комиссар? Нехорошо, совсем плохо.. Где образцовый

порядок и этикет, что здесь царил? Что творится в отделах?

Он потрясает рукой, бросая обвинения Максиму.

— В купонном отделе, где работало сто человек, теперь копаются какие-то двадцать курьеров!.. В валютном отделе — пять счетчиков... В сложнейших книгах копаются безработные люди... курьеры, курьеры, курьеры!

— Тридцать тысяч одних курьеров! — кричит кто-то насмешливо.

— Так дело идти дальше не может, — восклицает увлеченный своей речью оратор. — Как истинно русские люди, болеющие душой за свой российский банк, мы пришли спросить вас: не довольно ли?

Несутся отовсюду одобрения:

— Совершенно верно!

— Отвечайте!

— Пожалуй, взаправду довольно! — говорит, вставая, Максим. — Разрешите ответить? Так вот, Предыдущий оратор, конечно, все искажил..

Возгласы негодования:

— Ну, еще бы..

— Истина вам не по душе!

— Попробуйте опровергнуть!

— Все искажил! — терпеливо повторяет Максим. — По его мнению, дело обстоит нехорошо. Мало сказать — нехорошо! Отвратительно обстоит дело.

Оторопелые лица чиновников.

— И считать гражданин банковский деятель не умеет... Если бы только в купонном отделе было двадцать человек! А то ведь — семь!.. И в

валютном не пятеро, а один.. И не счетчик, а тоже курьер.. Действительно, совсем по Гоголю, — одни курьеры!

Молчание растерявшихся чиновников. Чей-то выкрик:

— Вот видите!

Максим поставил ногу на стул, заложил руки в карманы и, прищуриль глаза, просто и с силою говорит:

— А банк у нас все-таки работает!

Пауза. Потом дружные аплодисменты: рукоплещет пришедшая с Максимом кучка новых работников банка.

— Так вот, — говорит Максим, — насчет Гоголя и курьеров, позвольте и мне спросить по Гоголю..

Остановился и медленно, с глубоким презрением оглядев толпу чиновников, спрашивает:

— «..Ну, что, сынки, помогли вам ваши ляжи?»

Чиновники замерли.

— Или, может быть, — повышает голос Максим, — мне другое место из Гоголя надо было вспомнить? Насчет архиплутов, протобестий, надувал морских?

Оглушительные выкрики, ропот, возмущение:

— Как он смеет?

— Мы не позволим!

— Разрешите все по порядку, — продолжает Максим, не обращая внимания на крики. — Знаете, в нашем банковском деле нужна точность.. Вот тут у меня имеется по графам приход и расход.. Все, как полагается.

Развернул листы..

— Номер первый. Расписка служащего бан-

ка Шумагера Карла Ивановича: «Получено для раздачи бастующим чиновникам вперед за ноябрь, декабрь, январь — сорок тысяч рублей».

Смятение и шум в зале.

— Такие же расписки от чиновников Мациевского, Альтшуллера, Гейнце и Лаппо-Данилевского...

Смятение увеличивается.

— ...Это, так сказать, пассив, — меланхолично продолжает Максим. — А откуда брались деньги на эти идейные выдачи истинно русским людям? А вот, графа пятая: «Получено чиновником Андресеном по подложному ордеру двести пять тысяч рублей...»

Шум становится оглушительным. Лица у чиновников такие, словно земля сейчас развернется у их ног.

— Это ложь — растерянно кричит кто-то.

— Что вы, что вы! — протестует Максим. — Документы налицо! Восемнадцать подложных ордеров... На общую сумму три миллиона с хвостом, простите за небанковский термин! Вы думаете, что деньги ушли только на вас, на премии за саботаж?

Глаза его сверкают, сжимая кулак, он говорит:

— На эти деньги подкупались бандиты, учинявшие пьяные погромы! На эти деньги нанимались люди, взрывавшие пути, чтобы лишить Петроград хлеба! На эти деньги кормились офицеры, пытавшиеся устроить восстание, захватить Таврический дворец, убить Ленина!!!

Голос его страшен. Жуткая тишина. Чиновники словно навсегда лишились дара слова.

— Ну, господа банковские деятели, какой же подвести баланс вашему поведению?

Попрежнему тишина. Потом оратор-чиновник дрожащим голосом говорит:

— Но это — другие.. Мы не учиняли погромов, мы мирные русские люди..

— Вы — русские люди? — с ожесточением перебивает Максим. — Вы еще смеете говорить о России? Что в вас русского, господа Шумахеры, Мацневские, Андресены? Фамилии у вас немецкие, капиталы вы охраняли французские, со шпионами знали английскими, а порядочки мечтаете завести японские? Не выйдет! Ну, я думаю, можно опять повторить: довольно!

Повернулся, чтобы идти прочь из зала. Чей-то голос останавливает его:

— Гражданин комиссар!

Худощавый чиновник червено говорит:

— А если мы согласны вновь приступить к работе на условиях..

— Тсс! — говорит Максим. — Условие одно: никаких условий. И группами принимать не будем. Поодиночке, пожалуйста. Со строгой проверкой. В комиссию назначаю товарищей Капицына, Исаева и Столярова.

Толпа чиновников остается стоять, безмолвная, оглушенная. И уже нет Максима, когда, опомнившись, восклицает то один, то другой:

— Что же это такое?

— Нас будет проверять какой-то счетчик!

— Будем проверять! — громогласно отзывается стоящий у двери служащий. — И, уж извините, у кого особняк на Каменноостровском

или кто плесень в чернильнице разводил, тому лучше не соваться!

Чиновники в смятении окружают Капицына.

— Федор Федорович, вы слышали?

— Федор Федорович, неужели и вы с ними?

— Что вы скажете, Федор Федорович?

Капицын поднимает голову и с обычной медлительностью говорит:

— Представим себе такой... гм... гипотетический случай, что комиссар прав... Тогда... Ай, как стыдно!..

Отвернулся, махнув рукой. Молчание. Чей-то неуверенный голос:

— Предатель!

Капицын вздыхает и говорит:

— А вы кто?

Молчание.

Банк. Жужжание и шум в операционном зале. По залу проходит, хозяйски оглядывая все и всех, Максим. К нему то и дело подходят то справа, то слева с бумагами, с вопросами, с сообщениями.

— Значит, Сормовскому обществу, — говорит, подходя к Максиму, служащий, — в выдаче под оборудование отказываем?

— Отказываем, — уверенно говорит Максим, — знаю я это оборудование. Работал на нем. Дырявое.

— Товарищ комиссар! — подходит с другой стороны служащий с бумагами. — Вам письмо из Парижа от директора французского банка...

— Что пишет мой почтенный собрат?

— Протестует против аннулирования бумаг...
Что отвечать?

— Отвечайте хорошим французским словом: «Адью!» А, товарищам путиловцам! — Максим уже приветствует трех стоящих у барьера рабочих. — Чему обязан чести?

— Вклад вносим! — гордо сообщает один из путиловцев, пожимая руку Максима. — Тридцать семь тысяч.

— Дорогие! — восклицает в восторге Максим. — Пойдите, мне тут Наташа конфеток подсунула. Получайте в премию! Заходите почаще.

Уходит. Рабочие с улыбкой глядят ему вслед.

— У меня начинал, — говорит один, постарше, — отличный был токарь!

А Максим уже идет мимо караульных постов, по нижним помещениям банка, проходит, улыбаясь и кланяясь, мимо счетчиц в халатах, мимо кладовщиков, входит в помещение для сейфов. Там — двое служащих пишут, третий — диктует странные слова:

— «Люби меня еще немножко», «Манголия», «Нэж плюс ультра», «Динамомашина», «Чопс».

— Чего это? — изумляется Максим.

— Пароли, товарищ комиссар, — смеется диктующий, — которыми сейфы открывались. Чего не выдумают!

Максим идет дальше, и вот — секретная комната. На опромном столе — груда драгоценностей, сверкающих под электрическим светом.

— Красивое зрелище, товарищ комиссар! — приглашает полюбоваться кладовщик.

— Ничего! — с интересом посмотрел Максим. — Только я больше воздушные шарики люблю. Знаете, «Крутится-вертится шар голубой...»

Он проходит. Караульные вытягиваются при его приближении.

— Скучно? — подмигивает им Максим.

— Скучно, — отвечает солдат, — а больше—противно. Сколько из-за этого дерьма народу погубили!

— Не окупить! — говорит Максим и идет дальше.

Караульные с симпатией глядят ему вслед.

— Я с ним в окопах лежал, — говорит солдат другому.—Здорово стрелял!

Максим в сопровождении Бугая входит в комнату, где за огромными, свежееотпечатанными листами ведомостей сидят высшие чиновники нового банка. При виде Максима они встают. Один из них не без гордости сообщает:

— Готово, товарищ комиссар!

— Милые! — в восторге восклицает Максим и бросается к столу. — Давай, давай!..

Перед ним положили все листы. Он берет первый из них, бормоча в волнении:

— Сейчас бы музыку сюда, барабанный бой... Ну!..

Читает медленно, с явным наслаждением:

— «Роспись общегосударственных доходов и расходов Российской Федеративной Советской республики на 1918 год».

Все чиновники столпились вокруг него, видимо, также испытывая чувство живейшей ра-

дости. Бугай вытянулся, как на параде. Максим повторяет, смакуя: — «Роспись общегосуда...» — И вдруг озабоченно: — Кто на машинке печатал?

— Попова и Слуцкая, — отвечает один из чиновников.

— Премировать их, — объявляет Максим. — По два фунта картошки. Красиво напечатано, с чувством... «Роспись...»

На лице его вдруг появляется тревога; глядя на чиновников, он бормочет:

— Ох, чуется мое сердце, напутали... Со школами все напутали...

— Ничего не напутали, — обиженно заявляет один из чиновников. — Все в полном порядке.

— Нет, нет, — машет рукой Максим, — не со школами, так с больницами все напутали.

— И с больницами полный блеск, — протестует чиновник.

— А родильные дома отдельно включили?

— Включили.

— А пособия солдаткам?

— Ну, все как следует. Хоть сейчас к товарищу Ленину.

— Можете не волноваться.

— Так вот, не могу, — говорит просто Максим. — Волнуюсь. Ну, думал ли я, питерский токарь, что буду первым глядеть первый бюджет рабочей республики? Как же не волноваться? Да я не за то волнуюсь, что плохо составлен. Наверно плохо...

— Ну, ну, — обижаются окружающие.

— Ночей не спали.

— Обязательно плохо, — отмахивается Максим. — Первый ведь...

И, подняв руку, он с любовью добавляет, глядя на роспись:

— Копеечный... Только, может, он оттого и дороже... Оттого я и волнуюсь, прямо... прямо петь хочется... Давайте споем в честь первого годового бюджета Советской Республики мою любимую... Только тихо, чтобы деловой жизни не мешать. — И он первый, шопотом, запекает:

Крутится, вертится шар голубой...

И улыбающиеся чиновники неумело подтягивают с таинственным видом:

Крутится, вертится над головой...

Бугай басит, сдерживая мощь голоса, с видом человека, поющего торжественную ораторию:

Крутится, вертится хочет упасть
Кавалер барышню хочет украсть...

И смешная, наивная песня звучит в строгом кабинете Российского банка. Их превосходительства и высокопревосходительства неодобрительно смотрят с портретов на поющих чиновников; но чиновники, не обращая никакого внимания на портреты, глядя с удовлетворением на первые листы народного бюджета, поют вместе с Максимом:

...Вот эта улица, вот этот дом,
Вот эта барышня, что я влюблен..

Максим входит в свой кабинет, за ним — Валя.

— Звали, товарищ комиссар? — робко спрашивает она.

— Звал! Вот что, Валентина Ивановна, открывається перед вами дорога в высший свет!

Говоря это, он просматривает поданные ею бумаги.

— Не пойму! — говорит растерянно девушка.

— Больно вы непонятливы стали! — покачивает головой Максим. — И вообще что-то изменились. Ленточки какие-то в волосах носить стали.

Критическим взором осматривает девушку.

— И кофточка без рукавов? — ахает он. — Как же это вы? Инструкции от 1910 года не знаете: «Запрещается женщинам — банковским чиновникам пятого разряда являться на службу в оголенном состоянии!» Ну, ничего, на курсах всему обучат.

— На курсах? — широко раскрывает глаза Валя.

— Точно так. Направляетесь вы на курсы финансовых работников при ЦИКе. Кричите «ура»!

Валя стоит ошеломленная. Максим уже не обращает на нее внимания. Он читает, перечитывает и подписывает бумаги, напевая жестокий романс.

Собравшись с духом, Валя спрашивает:

— А вы... остаетесь в банке, товарищ комиссар?

— Увы! — уныло поднимает голову Максим. — Издохну здесь. С рентами, процентами, дивидендами!

— Товарищ комиссар! — запинаясь, говорит Валя, — а можно... мне тоже... остаться?

— Что? — поражается Максим. — От счастья отказываться? С чего это?

— Я тут.. привыкла.. Пригодиться могу.. — не поднимая головы, бормочет Валя.

— Врешь, врешь! — злится Максим. — Обучитесь, больше пригодитесь! Шагайте!

— Не пойду! — в отчаянии говорит Валя. — Никуда не пойду, хочу здесь, с вами..

— Женщина — банковский чиновник, помните о дисциплине! — грозно говорит Максим. — Как это «хочу»?

Валя молчит.

— И почему здесь? И причем тут..

Подозрительно взглянул на нее. Вдруг пристыдился:

— И ленточки в волосах!

Валя молчит, опустив голову.

— Прости меня, боже, за самонадеянность! — говорит Максим, оторопев. — Втюрилась?! В меня втюрилась?!

Валя попрежнему молчит.

— А я-то думал, ты из финансового увлечения все ко мне с докладами лезешь! — огорченно бормочет Максим. — А ты вот что.. Ну, какой я тебе кавалер! Ты это брось!

— Не могу! — серьезно говорит Валя.

— Как не можешь? — вспыхивает Максим. — Да ты понимаешь что такое любовь?

— Понимаю.

— Врешь! Что такое твоя любовь? Ленточки да глаза в пол! Вот я тебе сейчас изложу, что есть любовь!

Садится на край стола, лицо у него возбужденное и злое.

— Я, милая, пять лет любил, пять лет в же-

нихах ходил. Держали меня, жениха, в тюрьмах, холили мою любовь в сибирских снегах, а она ничего, выжила... И невесте тоже цветы носили — надзиратель в «Крестах» по прелестной щеке дупил, городовые прекрасную фигуру стегали. Бросала нас судьба из города в город, из острога в острог, и все разные. Имя какое у нее, у меня — мы не знали. Веселая была жизнь! Ты посуди сама, может ли кто-нибудь да когда-нибудь быть милее мне, дороже, любимее Наташи?

Валя стоит, окаменев, с красными щеками. Стук в дверь. Входит курьер.

— Там вас из Выборгского совета срочно спрашивают. Товарищ Наташа.

Максим стремглав соскочил со стола, бросился к двери.

— Наташа! — восторженно восклицает он.

Наташа, а за ней член Совета Мищенко и Лизавета входят в кабинет.

— Наташа! — восторженно восклицает он.

— Здравствуй, Максим! Не помешала?

— Что ты! Мы уже все дела кончили. Я вот Валентине Ивановне лекцию... — покосился на Валу, — ...насчет ренты, процентов читал. Уходит она на курсы. Проводы шикарные устроим, Наташа нам оркестр из Совета представит.

— Как же, — ютзывается Наташа, — заведем мы оркестр на твои выдачи! Скорее сами по дворам пойдём.

— Ты это что? — удивленно уставился на нее Максим.

— С каких это пор в тебе финансовый ум завелся? — злобно говорит Наташа. — Давно

ли за чай в чайной переплачивал?. А теперь, здравствуйте, — Выборгской стороне денег не выдает.

— Нехорошо, товарищ комиссар! — бурчит Мищенко.

— Нехорошо! — пискнула Лизавета.

— А с каких это пор вы, мадам, — свирепо принял бой Максим, — советские деньги за семечки почитать стали? Тут вам ротшильдов нет, мадам!

— Да ведь нам немного, — вмешивается член Совета.

— Сколько?

— Пять миллионов.

— Умру! — говорит Максим потрясенно. — Сейчас звоню в Смольный, пусть немедленно забирают из этого проклятого места. Да у меня всей наличности — полтора миллиона.

— Не врешь?

— Ну, чуточку вру. Миллиона два выйдет.

— Больше не врешь?

— Ни-ни! Как на духу!

— Стыдись! — негодуяще говорит Наташа. — Не два у тебя миллиона сегодня, а двенадцать миллионов семьсот тысяч двести двадцать рублей с копейками.

Максим поражен. Однако не подает вида.

— С ума сошла! — пожимает он плечами. — Опродясь таких денег не было.

— Бросьте, товарищ комиссар, — говорит Мищенко, — дайте нам денег! Очень нужно.

— Мы людей в деревню отправляем, — вставляет член Совета, — в поход за хлебом.

— А я богатейшую фатеру нашла, — восклицает Лизавета, — крест святой! Тридцать

комнат, сто икон. Иконы вынесем, детский пенсион делать будем.

— Нет у меня, — уже тише покачивает головой Максим.

— Так-таки ничего не дашь?

— Да!—великодушно говорит Максим.

— Давно бы так!—повеселели все.—Сколько?

Максим сосредоточенно думает, потом, словно оказывая невероятную милость, отвечает:

— Сто тысяч могу выдать.

Мищенко встает и вытирает пот.

— Хватит!—говорит он хрипло.—Довели до точки. Для чего же мы боролись, революцию делали? Чтоб торговаться, как торговцы с Сенного?

— Именно для этого,—подтверждает Максим.—Ладно, берите двести тысяч и бегите, пока не передумал.

— Тьфу!—плюется Мищенко.—Был человек, а стал ирод!

— Обзывай!—махнул рукой Максим.—Меня партия на это место поставила специально, чтобы всю ругань, что накопилась в России за пятьсот лет, на себя принимать.

Встал, выпрямился, говорит полным голосом:

— И еще поставила меня сюда партия не кричать «ура», не разбрасывать с песнями деньги налево и направо, а беречь деньгу, копить ее, драться за нее, потому что займов нам Пуанкаре с Ллойд-Джоржем не да-

дут, а денег у нас пока мало, чертовски мало!

— Ладно!—мрачно говорит Наташа.—Давай миллион. В самый обрез.

Резкий телефонный звонок. Максим снимает трубку.

— Алло!—говорит он.—Максим у телефона. Кто будет говорить? Товарищ Сталин? Слушаю. Здравствуйте, товарищ Сталин!

Он слушает, лицо его становится очень серьезным; продолжая слушать, достает из ящичка пояс и револьвер, надевает.

— Так,—говорит он в трубку.—Понимаю. Готов. Еду.

Вешает трубку. Встал.

— Ну, получайте ваш миллион,—говорит он.—И спешите на Выборгскую. Дела не веселые. Немцы наступают.

Общее движение. Максим подписывает ордер.

— Пищи «восемьсот тысяч» — говорит Наташа.

Максим посмотрел на нее:

— Хватит?

Издали начинают доноситься заводские гудки.

— Это ты у Выборгской стороны спрашиваешь?—говорит Наташа.

Гудки усиливаются, теперь весь город наполнен их протяжным звучанием. Максим и Наташа слушают.

— Вот она отвечает,—говорит Наташа.—Выборгская сторона!

Звучат вдалеке трубы оркестров. Слышен топот отрядов, сменяющихся, приходящих и уходящих. Длинный коридор Смольного наполнен четким шагом идущих отрядов. Ни слов, ни выкриков, только изредка—негромкая команда, и вновь мерный нескончаемый топот.

В конце коридора, у окна, на том самом месте, где Максим получал назначение в банк от Свердлова, вновь стоит Максим, в кожаной куртке, опоясанный ремнями. Перед Максимом стоит человек в шинели, в военной фуражке—Сталин.

И он говорит Максиму, глядя на него ласково и серьезно:

— Выходит, Максим, твоя банковская карьера закончилась. Приходится тебе опять менять профессию.

Проходят сзади в молчании, со знаменами, уходящие на немецкий фронт отряды. Сталин говорит медленно, с огромной силой:

— Партия посылает тебя на новую работу—защищать Советскую Республику!

Через замерзшее окно видна ночь на улице; оттуда доносится мерная, волнующая мелодия походного марша, чья-то команда отрядами.

Максим стоит перед Сталиным, глядя на него с волнением, молча. И Сталин улыбается ему, протянул руку и сказал негромко:

— До свиданья, товарищ Максим.. Полководец Максим!

Проходят мерно, слегка торопясь, отряды Выборгского совета. Вооруженные рабочие отправляются на фронт защищать Питер. На улице перед Советом звучит марш, через зал идут последние группы. и на фоне их командир отрядов—Максим прощается с Наташей.

Максим, чуть улыбаясь, грустно и любовно говорит негромко:

— Прощались мы с тобой, прощались, а самого главного я тебе не сказал.. Ну, да что говорить!.. Сама знаешь!

Наташа смотрит на него, молча, скрывая улыбкой горе разлуки. Максим взял ее за руку, говорит:

— До свиданья.. До скорого свиданья, друг мой Наташа!

— До свиданья, Максим!

Крепкое, крепкое объятие. Звучит марш за окном негромко, волнующе. Прошли последние люди через Совет. Бугай, тщательно повоенному одетый, подошел к командиру, остановился поодаль, ждет.

— Товарищ командир! Отряды построились!

— Иду!—говорит Максим.

Последний поцелуй, и Максим идет из зала. Наташа глядит ему вслед; затихают в отдалении шаги. Тогда Наташа вздыхает, идет к столу, садится и говорит, как будто ничего не случилось:

— Заседание Совета продолжается!

— Первый вопрос—о замене ушедших на фронт.—Намечены следующие кандидатуры: по детским домам—Евдокия Козлова..

Евдокия, взволнованная, бледная, поднимается, выходит из угла.

— По жилищным делам...—продолжает Наташа.

С улицы ворвался звон и шум оркестров. Наташа невольно остановилась, прислушалась. Волнение на ее лице. Она встала, подошла к окну, раскрыла его.

В окно ворвались ветер и снег, топот бесчисленных уходящих на фронт отрядов, гром оркестров, крики провожающих.

Ночь над Выборгской стороной. Снег и мятежь... Идут и идут отряды рабочих, новые отряды Красной Армии, проезжают грузовики, броневики, звенят боевым, грозным маршем оркестры.

И Максим, стоящий в головной машине, взмахнул фуражкой, кричит:

— До свиданья, товарищи!

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
75	10 сверху	Auis	Quis
106	1 снизу	слово	словно
216	2 снизу	гозъяренных	разъяренных
276	3--2 снизу	Евдекия	Евдокия

